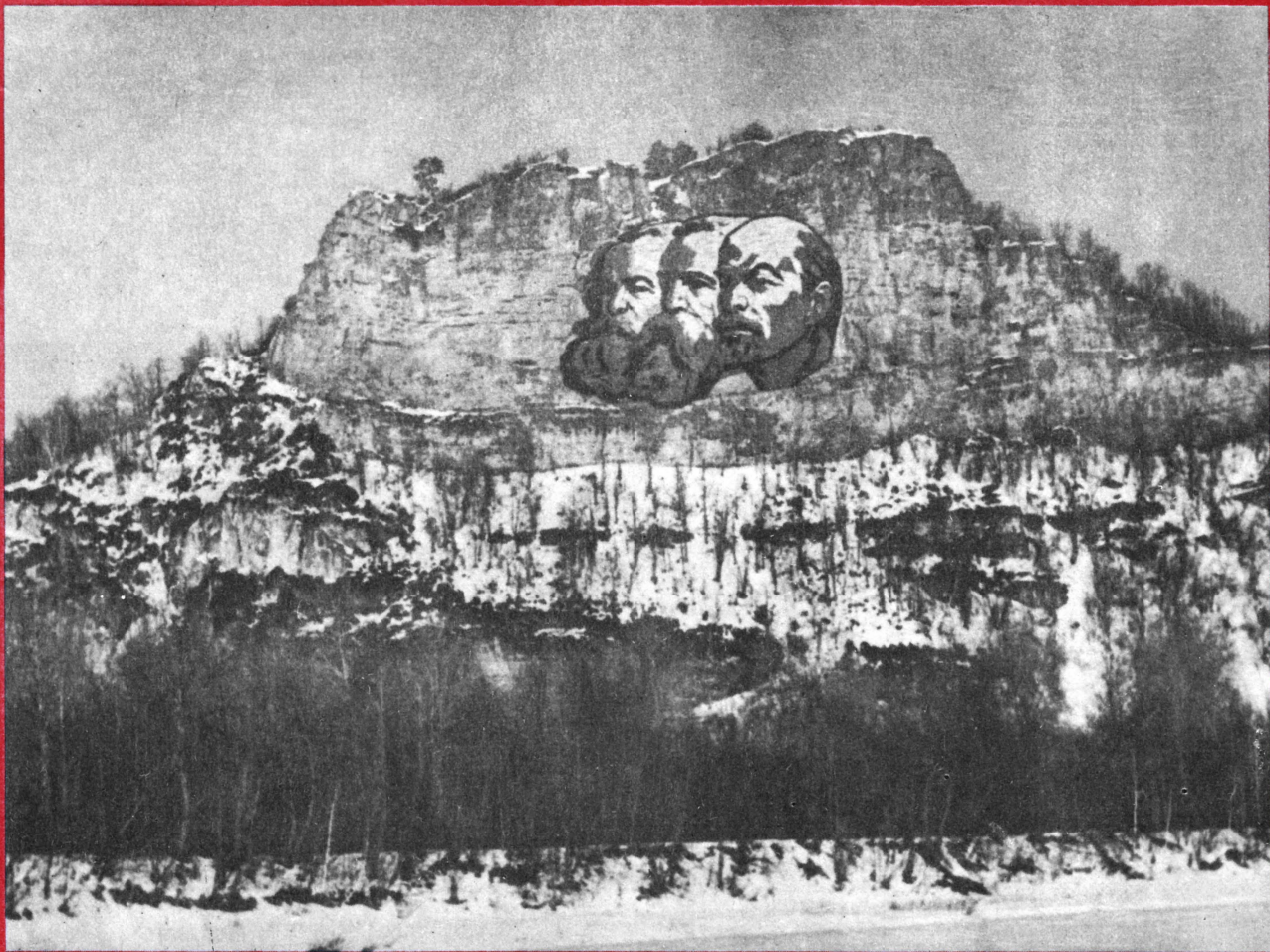

уральский

следопыт

№1 **** 1981

НАД АГИДЕЛЬЮ-РЕКОЙ

Живописны берега Агидели, или реки Белой. Недавно здесь появилась новая, уже рукотворная картина. Ниже хутора Акбуты, там, где спешит Агидель вырваться из горных ущелий, на скале Акыры кая созданы монументальные наскальные портреты вождей мирового пролетариата — Маркса, Энгельса и Ленина. Размеры рисунка поражают воображение — 40 на 60 метров.

Авторы работы Рахимовы — Булат Абдулхакович, заведующий Мелеузской городской художественной мастерской, и Татьяна Ивановна, художница колхоза имени М. Гафури, — давно задумали создать такой монумент. Первой пробой сил для них был портрет В. И. Ленина размером 5 на 6 метров, нарисованный на отвесной скале Нугушского водохранилища на высоте более 120 метров. Эта работа была посвящена 100-летию со дня рождения Владимира Ильича.

Много раз Рахимовы плавали на судах по Белой в поисках подходящей скалы. Выбор пал на Акыры кая. Эта скала возвышается над уровнем воды более чем на 200 метров. Ширина ее около 270 метров. Обращенная на восток, она сама величественный монумент природы. Скала просматривается на многие километры. Белая подходит к ней под прямым углом. Еще если учесть, что здесь самый оживленный участок очень популярного всеозонного туристического маршрута по реке Белой, то лучшего места и не найти!

В состав необычной экспедиции вошли дети Рахимовых, Радик и Лилия, а также родственники Булата — Асия Рахимова с мужем. Работа была архитрудная, пришлось расчистить, работая на большой высоте в люльке, 2400 квадратных метров скалы! Из-за падающих камней нельзя

было работать без каски и ватной спецовки, пришлось надеть пылезаститные очки, дышать через респиратор. Да еще под палящим солнцем, когда сама скала накалялась, как печь...

Первые мазки на скале удалось сделать только через месяц. А работа над первым портретом закончилась через 2,5 месяца. Вот почему на берегу под скалой вырос целый поселок: кроме трех палаток, пришлось соорудить кузню, столовую, склад и погреб, печь для выпечки хлеба, даже баню с парной и предбанником из полиэтиленовой пленки... Освоили Рахимовы и небольшой участок земли — посадили лук, редиску...

Пять месяцев в жару и под проливным дождем трудились Рахимовы. И вот портреты готовы. В конце октября комиссия горкома КПСС выезжала на Агидель принимать работу. Все были восхищены подвигом художников.

У Булата и Тани спросили:

— Какой для вас самый памятный и радостный день из 152 дней, проведенных здесь!

Рахимовы ответили:

— Это день, когда на скале появились очертания В. И. Ленина. Проплывая под нами, туристы постоянно скандировали: «Мо-лод-цы, спа-си-бо!». Это прибавляло нам сил.

— Ваши планы на будущее!

— Следующее лето снова проведем на Белой, будем закреплять наскальные портреты, чтобы образы вождей сохранились на века. А потом есть заветная мечта побывать на БАМе, подыскать там подходящую скалу и нарисовать на ней картину.

Юрий АЗНАГУЛОВ

В номере:

РАБОЧИЙ ВЕКА ХХІ	2
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	6
Я. Тубин ЛУНАЧАРСКИЙ НА УРАЛЕ	8
И. Иванов ОТ ПОЛУШКИ ДО ЧЕРВОНЦА	14
А. Нагибин САМАЯ ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА	16
Л. Соломеина ОРЛЯТА УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ	17
Б. Наконечный СВЯЗЧИКИ	18
В. Блинов КАРТОШКА СОРОК ЧЕТВЕРТОГО	22
В. Балашов НА ПОКЛОН К САВЧУКУ	24
ЭХО	28
ЧТОБЫ ОТКЛИКНУЛОСЬ ЭХО	30
Е. Бирюков ФОТОГРАФ «РОТ ФРОНТА»	31
В. Крапивин ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. Повесть. Начало	32
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	56
В. Березин ЗВЕЗДЫ С КАЙЛОМ И ЯКОРЕМ	58
Б. Ефимов БЫЛ ТАКОЙ ФИЛЬМ «РАДУГА»	59
В. Денисов Я ЖИЛ НА РОДИНЕ ВЕСЕННЕЙ... Стихи	60
И. Зайцев ПУГАЧЕВЦЫ НА МУРМАНЕ	62
В. Аринин ВОСЕМЬ ДНЕЙ МАРИНЫ МНИШЕК	63
Ю. Липатников СЛОНЫ — МОИ ДРУЗЬЯ	67
А. Шарц НО ЗЛОЮ ОН СУДЬБОЙ ГОНИМ	70
С. Ивенский Я ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ..	71
МИР НА ЛАДОНИ	76
Л. Роцевская В ГОРОДЕ ХИМИИ, ГОРОДЕ МЕНДЕЛЕЕВА...	80

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30.09.1980 г.
 НС 11607
 Подписано к печати 18.11.1980 г.
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Тираж 254 000.
 Учетно-издательских листов 11,6
 Заказ 498.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

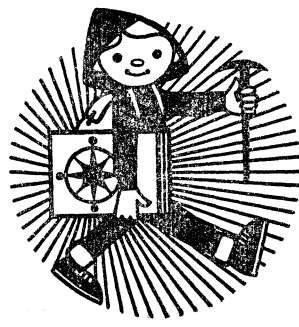
На 1-й стр. обложки — рис.
 З. БАЖЕНОВОЙ.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

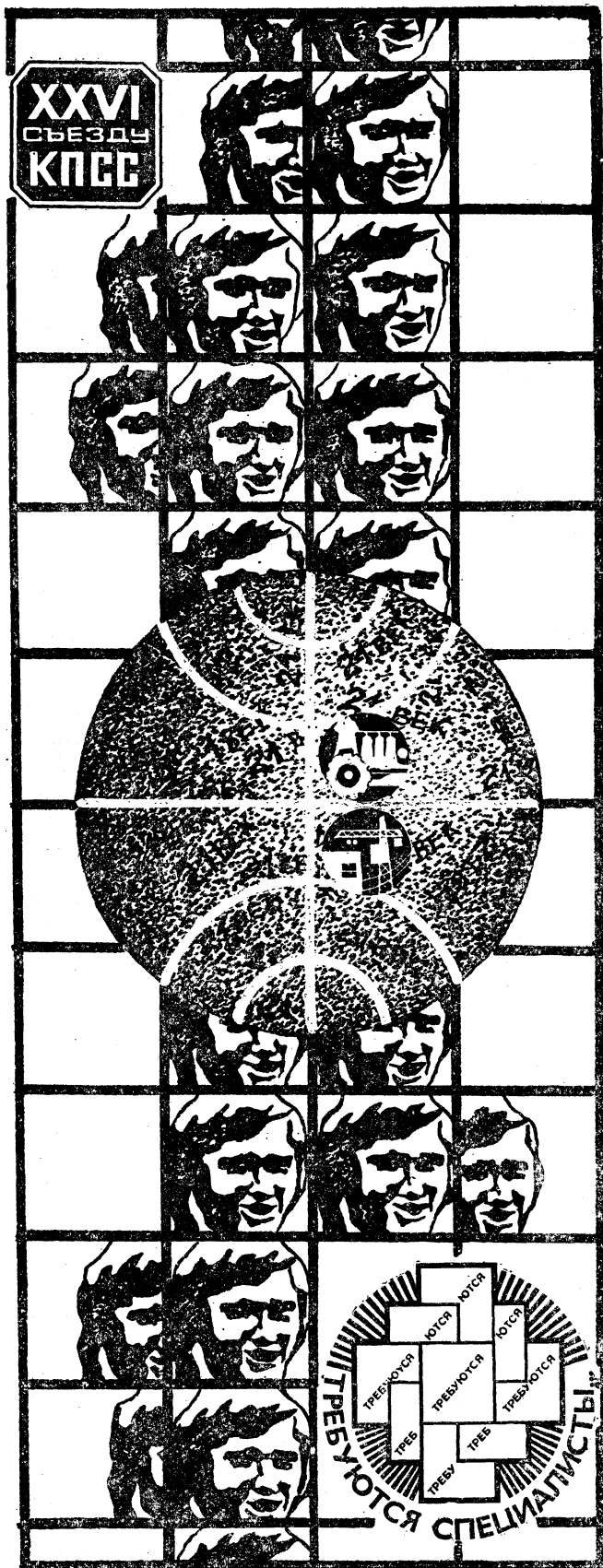

№1 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

«Уральский следопыт», 1981 г.

РАБОЧИЙ

На вопросы «Уральского следопыта» отвечает Г. Л. Камаев, председатель Государственного комитета РСФСР по профессионально-техническому образованию.

Корр. Геронтий Леонтьевич, через два десятилетия мы перелистнем календарь в XXI век. Символическая дата для человечества! Сегодняшним учащимся ПТУ исполнится 35—40 лет — самый зенит профессиональных творческих сил. Их трудовым дебютом будет выполнение решений XXVI съезда КПСС. Так что рабочий класс грядущего столетия формируется сегодня...

Г. Л. Камаев. Почему же только сегодня? Мы, точнее мое поколение, всегда помним о грядущем. Конечно, нынешняя молодежь весьма существенно отличается от сверстников 30—40-х годов, но давайте заглянем глубже. Давайте припомним ответ знаменитого Стаханова на свой же вопрос: «Чего я стремился достичь в жизни?». Он и сегодня поражает искренностью и дерзким взглядом в далекое будущее. Вот его ответ:

- а) на первых порах — быть сытым;
- б) далее — получать высокие заработки;
- в) достичь «человеческого уважения»;
- г) с развитием классового самосознания возникло желание доказать, что без тебя не может обойтись шахта, целый коллектив;
- д) в конце концов выработалось понимание «необходимости быть лучше и выше самого себя...»

Последние максимы Стаханова — чем не программа для вступающего в новое столетие! Тот мощный заряд энтузиазма, героизма, самоотверженности, который вложен первыми пятилетками в пафос строек послевоенных, целинных, космических, сегодняшнего БАМа, Тюмени, Сибири, послужит нам и за пределами XXI века.

Корр. На эти выводы накладывается, вероятно, и личный момент...

Г. Л. Камаев. Еще какой! Если бы меня спросили про наиболее ценное духовное приобретение социализма, я бы, не задумываясь, ответил: «Это — энтузиазм!». Энтузиазм высвобождает в человеке чувства несравненные по чистоте и мощи. Я работал в те легендарные 30-е годы на Днепрострое. Величайшая стройка своего времени, десятки тысяч молодых людей со всей страны... Были лишения, трудности.

ВЕКА ХХІ ...

Но, помнится, на комсомольских собраниях не рассматривалось ни одного персонального дела о нарушении дисциплины, о браке. И не потому, что комсомол смотрел мимо этих нарушений. Их просто не было! Социалистическое соревнование. Какая чистота помыслов и бескорыстие двигали тогда молодыми! А как соревновались! Не только по трудовым показателям, но учитывали и то, как в быту человек живет. А быт известно каков был — койка в общежитии, окованный сундучок... Пришли как-то к одной бетонщице поздравить ее с первым местом, а в комнате никого. Но слышим — дышит кто-то. Заглянули под кровать, — там наш передовик! Смущенно сообщает: не хотелось, мол, постель мять, есть желание первое место за чистоту да аккуратность получить. Вот как было...

Но давайте проанализируем еще максим Стаханова — «возникло желание доказать, что без тебя не может обойтись шахта, целый коллектив».

Рабочему человеку важно знать свое место в строю! XXV съезд КПСС поставил перед профессионально-техническим образованием предельно четкие задачи: «Увеличить подготовку рабочих со средним образованием в профессионально-технических училищах не менее чем в 2,5 раза. Считать важнейшей задачей профессионально-технических учебных заведений дальнейшее повышение уровня подготовки и идейно-политического воспитания специалистов и рабочих...»

После XXV съезда КПСС партия пристально следила за состоянием дел в системе профтехобразования. Четыре года назад вышло специальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования», где подчеркивалось: «Многие советские люди, получившие первую трудовую закалку в профессионально-технических учебных заведениях, самоотверженно трудятся на важнейших участках коммунистического строительства, достойно продолжают и приумножают славные традиции рабочего класса — ведущей силы советского общества».

Разве чаяния трудового романтика 30-х годов не стали явью!

В этом документе подчеркивалось: «совершенствовать систему профтехобразования как подлинную школу коммунистического воспита-

ния и трудового мастерства, подготовки всесторонне образованных молодых рабочих».

А коммунизм, учил В. И. Ленин, должен стать основой повседневной работы, превратиться в убеждение, быть не только экономическим, политическим и нравственным идеалом, но прежде всего действенным, направленным на осуществление этого идеала.

И мы знаем: у нас в стране впервые в практике человечества обязательность среднего образования закреплена конституционно.

Корр. Теперь осталось спросить у самих ребят — прониклись ли они тем, что подчеркнуто в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «обеспечение народного хозяйства страны молодыми рабочими кадрами является задачей огромной политической и народнохозяйственной важности...»

Г. Л. Камаев. Нет, сначала нужно спросить семью, затем школу и — средства массовой коммуникации — кино, радио, телевидение, печать... Да, именно так. На сегодняшний день это — главные институты социализации, влияние которых на формирование жизненных ценностей молодого человека нельзя не учитывать. Итак, семья... Думаю, в целом у нас здоровая семья. Опрос, проведенный учеными на ряде, кстати, ваших, уральских, предприятий, именно в семьях, где воспитываются 14—17-летние сыновья или дочери, дал приятные результаты. На вопрос «Кем бы вы хотели видеть своих детей?» 21,3 процента родителей ответили: «Высококвалифицированным рабочим».

Такой же процент получили врачи, юристы, учителя.

Но вот информация о той или иной профессии поставлена у нас плохо. Из 20 тысяч молодых рабочих промышленных предприятий Хабаровска, Свердловска, Ленинграда на вопрос «Знали ли вы что-нибудь о своей профессии раньше?» только 800 человек смогли ответить утвердительно...

Как видите, у печати достаточное поле деятельности.

Корр. Принимаю укор, но, как журналисту, мне трудно согласиться с вашим оптимизмом насчет общего семейного благополучия. Вот ведь какой парадокс: высокая материальная обеспеченность семей вдруг отрицательно стала сказываться на формирование у подростка уважительного отношения к труду вообще. Хочу привести так же результат одного опроса. Четыре пятых

ветеранов труда серьезно и с болью говорили, что поколение 30-х годов было более трудолюбивым, к работе относилось более ответственно.

Треть ветеранов среди причин, мешающих воспитанию трудолюбия, назвали именно высокую материальную обеспеченность.

Г. Л. Камаев. Что же, будем реалистами. Вспомним, что было первым среди жизненных ценностей того же Стаханова:

«а) на первых порах — быть сытым;

б) далее — получать высокие заработки».

Да, молодые рабочие, имеющие в «тылу» обеспеченных родителей (тех же ветеранов!), конечно, меньше всего заботятся о заработке. Материальные стороны профессии для них не имеют существенного значения. А у нас немало профессий малопривлекательных с точки зрения условий труда, творчества. Общество стимулирует этот труд более высокой заработной платой. А в отношении молодого человека, рвущегося в жизнь, стремящегося реализовать себя как творческая личность, такое стимулирование малоэффективно... Старшее же поколение, считающее веским внешним показателем отношения к труду заработок, не всегда улавливает этого настроения.

Что касается возрастающей профессиональной ответственности, тут наши ветераны совершенно правы — равнодушного рабочего не хотелось бы брать в XXI век...

Корр. И какие же новые профессии, романтические и героические, ждут подростка в XXI веке...

Г. Л. Камаев. Процесс обновления техники и психологии идет непрерывно. Современный завод — это царство станков высокой точности, автоматические линии, всевозможное сложное электронное оборудование, новые материалы. Не думаю, что основные технологические процессы машиностроения, металлургии, сельского хозяйства не претерпят непредугаданных и революционных изменений, но требования к рабочему будут расти постоянно.

Новые профессии появляются ежегодно. Вот несколько специальностей, возникших буквально за последние два-три года из тех 1300, по которым обучают наши профтехучилища. Большую популярность у молодежи завоевала новорожденная специальность оператора электронно-вычислительных машин. Перспективы ее тоже отличные — электронная промышленность, как вы знаете, очень бурно развивается. Вот еще несколько — штамповщик электроимпульсным методом, оператор электронных гравировальных автоматов по изготовлению форм глубокой печати, оператор фотонаборной электронной установки по изготовлению диапозитивов текста, оператор животноводческого комплекса по выращиванию и откорму крупного рогатого скота. Что же должен, к примеру, изучить молодой специалист последней этой вроде бы скромной

должности? Очень много. Такой высококвалифицированный труд требует знаний: основ анатомии, физиологии; важнейших видов кормов; правил, норм кормления животных, ветеринарно-санитарных и зоотехнических требований к содержанию скота. Почти знания инженера!

С переводом сельского хозяйства страны на промышленные рельсы эта специальность будет одной из ведущих на селе...

Корр. Геронтий Леонтьевич, поскольку разговор коснулся сельских проблем, хотелось бы заметить, что нехватка квалифицированных кадров в деревне остается достаточно острой. Только в Свердловской области, например, село хоть сейчас приняло бы тысячи механизаторов — техника им есть... Маловато и сельских профтехучилищ. А ведь хлеба, вероятно, и в грядущем столетии будем есть не меньше.

Г. Л. Камаев. Да, проблема такая есть. Взять мелиорацию. Программа освоения и осушения земель захватывающая. Работы здесь на многие десятилетия. А мелиораторов почти не готовили. Многие хорошие кадры механизаторов ушли в эту область. Надо восполнять пробел. Недостаточное внимание уделялось мастерам-наладчикам. Исправляем и это положение. Теперь возникла другая проблема. Механизаторы на селе есть, нет невест! Значит, надо развивать местную легкую промышленность, сферу обслуживания, возрождать народные промыслы. Будет работа и девушкам. Выход один — строить на селе. Деревне нужна крепкая молодая семья. А это, зачастую, — вопрос жилья. Молодые не хотят жить по углам. Денег на строительство в селе жалеть не будем...

Корр. И все же наш разговор крепко утвердился на проблемах насущных. А если немного помечтать...

Г. Л. Камаев. Давайте помечтаем. Итак, первое — космос. Первооткрыватель звездных трасс Юрий Гагарин писал в ремесленном училище: «И хотя я учился, мне хотелось учиться еще больше. В библиотеке брал технические книги и злился, что в сутках всего 24 часа...» Вот с каких земных очертаний начинался бесконечный подвиг Гагарина.

Думаю, к 2000 году выпускники профтехучилищ будут вести сварку, монтаж в космосе. Те, кто учится сегодня на сварщиков, имеют отличный космический шанс!

Дальше — океан... То, что буровые вышки шагнули в него, — достижение последних лет. Бурение в океанах — достаточно романтично. Сельское хозяйство шагнет за Полярный круг. Впервые в мировой практике в Тюменском крае будут животноводческие комплексы. А северные города под гигантскими куполами? Проекты их разрабатываются. И профессии сантехника, цветовода, овощевода, скажем, приобретут там черты особенные. Строители получают фронт работ

под волнами морей. Проекты промышленного разведения морских рыб уже разрабатываются.

На высочайшие пики страны поднимаются научные приборы, высоко в горах строятся обсерватории. Там без монтажников из наших ПТУ не обойтись. На Северном полюсе побывал ледокол. И в арктический футбол на самой заманчивой точке земли с азартом играли те, кто вышел из стен профтехучилищ, получив профессию монтажников атомных установок. Кстати, на эти специальности, как и на радио- телемонтаж, конкурс 2—3 человека.

Корр. Все чаще в ПТУ идут даже с золотыми медалями. Способный, деловой, напористый народ пополняет рабочий класс! Им небезынтересны социальные перспективы своего выбора. Вопрос престижа профессии, даже карьеры! Что в этом плане можно ожидать выпускнику ПТУ?

Г. Л. Камаев. Сегодняшний школьник — взрослому мыслящий человек. А тот, кто осознанно выбрал свою дорогу, вплотную подошел к порогу социальной зрелости. Осуществление всеобщего среднего образования требует новому решать проблему подготовки юного человека к самостоятельной жизни. Но пятнадцатилетней душе как воздух необходимы доверие, взаимопонимание, уважение к ее стремлениям... Нам иногда нужна смелость и прозорливость, чтобы тактично руководить притязаниями молодых, если они кажутся завышенными, необоснованными, помня ленинское: «без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед...» Порой нынешние юноши кажутся нам резкими, прямыми, иногда до грубости, но чаще через юношеский максимализм и здоровый скептицизм лежит путь к нравственному мужанию, зрелости. Важно руководствоваться ленинским положением, что молодежь «по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы...» Родители уже сейчас должны психологически быть готовыми, что сорок процентов, а то и половина юношей пойдут в ГПТУ... Их старт в жизнь — через трудовые испытания.

Пусть деловой, способный молодой человек приходит к нам. Мы поможем ему сделать карьеру. На Урале открыт первый в стране институт, где готовят преподавательские кадры для профтехобразования. И в первом наборе очень много выпускников ПТУ! Они-то, получив дипломы, смогут точнее знать по личному опыту, куда и как вести подростка. Мы не осудим, если, освоив одну специальность, молодой человек через некоторое время сменит ее на другую. Ученые утверждают, что к 2000 году мобильность профессии достигнет такой степени, что человек, возможно, будет готов, самое меньшее, трижды сменить свою специальность. Как видите, психо-

логическая установка на пожизненную верность профессии претерпевает изменения. Да и сами понятия престиж, карьера, я полагаю, основательно обогатятся возрастающим вниманием общества к личным, нравственным качествам — бескомпромиссности, принципиальности, честности, верности гражданским идеалам.

Свободная творческая личность — вот истинная ценность социалистического государства. Только личность способна на подвиг, самопожертвование во имя общественных целей.

Не сомневаюсь, что цели и задачи страны и в нравственном и в экономическом плане будут грандиозней, масштабней. Этому учит живой опыт строительства социализма, итоги и перспективы которого обсудит предстоящий XXVI съезд КПСС.

Корр. Почта рубрики «требуются специалисты» в нашем журнале весьма обильна. Десятки профессий называют ребята в своих вопросах о том, где учиться, кем быть. А какую профессию посоветовали бы вы, Геронтий Леонтьевич, если бы вопрос о том, кем быть, адресован был лично вам.

Г. Л. Камаев. Письма подростков — драгоценная почта. Знаете, приведу один пример, который волновал меня в свое время. Это письмо послал в самодельном конверте шестидесятилетнему ученому из Калуги пятнадцатилетний Валя Глушко, который сообщал о своих намерениях заниматься межпланетными сообщениями: «Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я Вам скажу только то, что это является моим идеалом и целью моей жизни». Школьник свое слово сдержал. За особые заслуги в развитии ракетной техники дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Валентин Петрович Глушко награжден золотой медалью имени Циолковского.

Я верю юношеским порывам: подросток часто берется за перо, чтобы сообщить сокровенное — это чувствуется и по почте, которую со всех концов России приносят нам в комитет.

Пользуясь случаем, как бывший металлург, дам конкретный совет: пусть юные читатели «Уральского следопыта», не выбравшие еще профессию, идут в сталевары. Надо поддержать огонь романтики этой мужественной профессии. Именно сталевар плавит тот металл, из которого льют медали и за подвиг, и за труд. Да, в нашей стране самоотверженный труд расценивается как подвиг. И это великолепно, что в трудовых свершениях всегда будут высоты непокоренные. Даже за пределами XXI века.

То есть у человека остается прекрасное право «быть лучше и выше самого себя».

«Любой из нас, думая о своей стране, не представляет себе нечто обширное и туманное, а, наоборот, ясные и знакомые ему конкретные и любимые места — свою подлинную родину... родину своего сердца», — эти слова сказаны К. Паустовским.

Мир не узнаешь, не открыв края своего. Есть история у города и у села, у школы и у предприятия. И всегда найдет в ней настоящий следопыт еще не открытую страницу.

● Помнят ветераны Московской кондитерской фабрики «Красный Октябрь» военный 1942 год. Тогда фабричные работницы послали на фронт, в 106-й Вислинский истребительный авиаполк именные, вышитые своими руками кисеты... Переписка, начавшаяся между воинами и фабрикой в сорок втором году, продолжается до сих пор. Члены совета ветеранов авиаполка — частые гости на «Красном Октябре», а их военные письма стали экспонатами фабричного музея.

● История земли пашской — от глубокой старины до сегодняшних дней — представлена в музее пашской средней школы (г. Волхов). Особой гордостью сельчан пользуется карта, на которой помечены места сражений пашских жителей с врагом в разные времена: пол-Европы вместились в этой карте.

● Почетное место занял в экспозиции музея советско-вьетнамской дружбы школы № 56 Брянска вымпел из космоса с автографами космонавтов В. Горбатко и Фам Туана. Это уже вторая реликвия, связанная с деятельностью Героя СРВ Фам Туана. Первую — обломок американского самолета Б-52, сбитого им в небе Вьетнама, — нынешний космонавт передал музею несколько лет назад.

● В 1834 году прошел по рельсам первый русский паровоз. Построен он был крепостными, а затем механиками демидовского за-

вода Черепановыми, и путь «пароходный дилижанец» проделал от медеплавильного завода до меднорудного месторождения... Модель первого русского паровоза демонстрируется в Нижнетагильском краеведческом музее.

● Музей истории города будет в Киеве. Раньше других экспозиций откроется филиал будущего музея — ротонда «Аскольдова могила», где будет представлен самый древний период существования Киевской Руси — от девятого по одиннадцатый век.

● Дальневосточники называют мыс Чныррах музеем под открытым небом. Здесь сохранились руины крепости, построенной Г. Невельским, здесь обнаружено немало находок, свидетельствующих о жизни и культуре коренных народов Приамурья. Школьники с мыса Чныррах отыскали каменный медальон эпохи неолита, изображающий охотника с копьем. Находка этого древнего родового знака получила высокую оценку археологов.

● В музей города Катайск Курганской области передан клад — около девяти тысяч рублей серебром и царскими купюрами, — найденный учениками лобановской школы-восьмилетки А. Глинских и М. Боковым. По рассказам бабушки Андрея Глинских, в их доме до революции жили богатые торговцы Антроповы; братьев раскулачили, но денег не нашли. Мальчики стали ко-

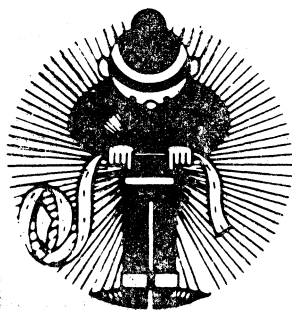
пать в подполье, и открылась им ниша, в которой был спрятан холщовый мешок...

● Еще один клад обнаружен в поселке Горбуново Талицкого района Свердловской области. На бывших церковных огородах жительница поселка Т. И. Крестьянникова нашла в земле полутораведерный чугунок с монетами выпуска от 1841 до 1916 года.

● Стали традиционными Рыленковские дни поэзии в селе Тюнино Брянской области. Здесь Николай Рыленков написал для ученического рукописного журнала свои первые стихотворения. Его имя носит школа, где открыта комната-музей поэта.

● Шлиссельбургскому узнику, участнику штурма Зимнего, члену военсовета Карелии, герою гражданской войны, погибшему в 1919 году, Иустину Петровичу Жуку посвящена мемориальная доска, установленная по инициативе следопытов и краеведов на станции Грузино Ленинградско-Финляндского отделения Октябрьской железной дороги.

● В первой средней школе города Сокол Вологодской области много лет существует музей, рассказывающий о творчестве выдающегося русского актера П. Н. Орленева, а также других актеров и режиссеров, родившихся или работавших на вологодской земле.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

В НАСЛЕДСТВО НАМ, КАК ОТЧИЙ ДОМ

●Революцией призванный

«Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи...»

Кто не знает этого знаменитого пролетарского марша? Бодрый и сильный слог так и требует чеканного шага...

Стихотворение «Кузнецы», на слова которого написан марш, создано в 1906 году рабочим поэтом Федором Шкулевым, уроженцем подмосковного села Печатники. Мальчишкой он получил увечье на ткацкой фабрике, перебивался на других работах, получая только харчи, выучился грамоте, стал писать. Теме труда посвятил он и свой самый первый сборник «Думы пахаря», вышедший в 1895 году, и все свое творчество.

Сейчас Печатники стали районом Москвы. В местной школе № 211 открыт музей поэта-революционера.

●От спичечной коробки — до музея

На спичечной фабрике «Сибирь» работают папы и мамы учеников 19-й томской школы. Фабрика — старейшая в крае, и когда-то попала в руки школьникам спичечная коробка с дореволюционной этикеткой. «Паровая спичечная фабрика «Заря» было написано на этикетке, и обозначен год — 1896-й...

Сейчас в школе есть музей. Экскурсоводы его рассказывают про богача Кухтерина — дореволюционного хозяина фабрики; подводят к фотографии 1917 года — рабочие на митинге в поддержку повстанцев Петрограда; и обязательно показывают, какие образцы спичечной продукции выпускает фабрика сегодня.

●Кто умеет плясать от печки...

С печки началось... С той самой, где кипели щи и прела каша, пеклись пироги. Мало кто нынче может сказать, что и как в ней называлось. Вырез в шесте, которым чугушки доставали, оказывается — «бабка», угол печи — «скуло», свод — «кобыла»...

Ребята из осовиковской школы Брянского района вместе со своим руководителем Евдокией Ефимовной Казаковой много удивительного открыли. Район их зовется Рогнединский. Чего только не было на этой земле — про все ребята узнавали. Смоленский князь Ростислав Мстиславич, в XII веке державший путь в Киев, в Рогнедине преставился. В XIV веке польский король Сигизмунд в здешние земли грамоты-распоряжения присылал. Еще позже по этим местам наполеоновские вояки шлепали в свою Францию, казну зарыли, а ребята ее отрыли. Так неужто за печкой дело станет? Решили найти для школы старую печку.

...Из-под ножа бульдозера явилась им желанная находка. Не простая печь — гончарная. Печь, в которой во времена Батюга плавилось железо и рождалась кольчуга для храброго русича... Ученые сказали: это — уникальная находка, XII век.

С помощью печки и было установлено, что нынешнее село Осовик — не что иное, как древний русский город Заруб, известный еще по Ипатьевской и Воскресенской летописям.

●Древняя изба подсказала

Изба принадлежала одному из дедов-старожилов деревни Анисимово. Крашена она сто лет назад, еще прапрадедушками, а крыльцо и наличники сияют так, будто их только что обновили!.. Что за секрет? И зачем, как рассказывают старые люди, наезжали в эти места купцы, увозя тяжелые мешки?

Юные геологи из города Пикалево Ленинградской области после экспедиции сопоставили факты, и вот в школьном музее появились первые образцы местного красящего сырья. Открыто месторождение — полтора миллиона кубометров красящего минерального сырья составляют запасы только по ориентировочным предположениям.

Месторождение признано промышленным. Министерство геологии СССР наградило пикалевских школьников Почетной грамотой.

●Связь времен

Специально сохранили старую хатку под музей. Оборудована она, обставлена, как в старину. Только времена сошлись в старой хатке разные, все страницы истории шелестят здесь...

Проездом в 1777 году останавливался в этих местах Фонвизин... Свидетельством тому — «Епархиальная ведомость Минской губернии» с отрывком из статьи писателя, где пишет он о своих впечатлениях после остановки в Столбцах.

А эти печатные страницы — из другого времени... В двух экземплярах сохранилась газета партизанского отряда, воевавшего не на жизнь, а на смерть с проклятым фашистом. Комсомольский билет замученного в гитлеровском застенке юного подпольщика Н. Боровского... Рукописный сборник военных песен...

Дальше совсем близкое время, представлено оно фотографиями людей, уезжавших из родного колхоза в казахстанские степи: это герои целинной поры.

Так, шаг за шагом, прослеживается история села Старый Сверхень Столбцовского района Минской области. А знакомят с нею местных и приезжих людей следопыты старосверженской школы во главе с учителем истории Иваном Андреевичем Щавелем.

ЛУНАЧАРСКИЙ НА УРАЛЕ

**Яков
ТУБИН**

В статье «Свершения и замыслы», написанной в честь столетия А. В. Луначарского, Ирина Луначарская рассказывает, что ее отчим был жаден до новых впечатлений, легок на подъем, мог отправиться, пойти по любому поводу в любой край страны, например, «в Свердловск ради двух докладов».

Действительно, легкий на подъем Луначарский был на Урале, и не один раз, а трижды: в 1923, 1924 и 1928 годах, и уж, конечно, не ради двух докладов. И не столько ради докладов, если вспомнить сложнейшую политическую обстановку в стране и в партии в то время.

Начиная с 1922 и особенно в 1923 году, воспользовавшись болезнью В. И. Ленина, троцкисты, группа Каменева — Зиновьева и группа Бухарина — Рыкова повели атаку против единства партии Ленина, бывшей главным предметом его забот и гордости.

Ленин, выдающийся оратор, трибун партии, не мог из-за болезни лично общаться с массами, с активистами строительства нового общества. Это побуждало его сторонников, «маршалов Ильича», как они любили себя называть, энергично взяться за разъяснение ленинской позиции во всех важнейших для развития и для самой жизни социалистического государства вопросах, ибо по большинству из этих вопросов у оппозиционеров имелись свои, в корне отличавшиеся от ленинских, взгляды.

Другим сложнейшим обстоятельством первого после-революционного пятилетия было экономическое положение страны и жизненная необходимость как можно быстрее и эффективнее поднять из руин хозяйство и культуру, почти до основания разрушенные за время двух войн и двух революций. Засуха 1920 года и начатая Троцким в том же году дискуссия о профсоюзах, кронштадтский мятеж в 1921 году и введение НЭПа в том же году — эти и многие другие события сильно накалили общественно-политическую и хозяйственно-экономическую обстановку в стране.

Царившая в стране разруха коснулась, естественно, не только материальной области. И без того медленное развитие духовной культуры России за эти годы, начиная с августа 1914-го, было серьезно нарушено и заторможено. Поэтому провозглашенная Лениным культурная революция была совсем не пропагандистским лозунгом, а системой глубоких и длительных мероприятий по созданию действительно всенародной системы просвещения и новой культуры, которая принадлежит всему народу. Но и по этому поводу — о путях развития культуры и искусства, школьного образования — в руководстве и в низах имелись серьезные разногласия и проблемы, как идеологические, так и материальные и кадровые.

Получив под начало такую гигантскую сферу деятельности как российская культура и просвещение, Луначарский считал своей обязанностью, по мере сил и времени, лично знакомиться с положением дел на местах.

По всему по этому Луначарский выезжал на Урал и как партийный работник, член Центрального Комитета, и как нарком просвещения, и как высокого класса лектор, пропагандист. И важной его задачей в этих поездках было разъяснять коммунистам Урала позицию руководства партии по наиболее горячим внутренним и внешним проблемам, привлечь на свою сторону, на сторону Ленина партийный и советский актив, рядовых членов партии — всех, кому были дороги имя и дело Ленина.

Думается, не случайно на Урал был послан именно Луначарский. Для ленинского ядра ЦК было исключительно важно заручиться поддержкой уральских рабочих — одного из наиболее сознательных и многочисленных отрядов российского пролетариата. Четкая партийная позиция, блестящий ораторский талант и личный авторитет делали Луначарского фигурой очень подходящей для такой миссии в крупнейшем индустриальном районе страны, в гораздо большей степени сохранившем свой промышленный потенциал, чем разрушенный войной Донбасс.

Могла в этом сыграть роль и такая подробность биографии революционера: в ссылке он был только в европейской части страны, на Вологодщине, многие годы до революции провел за границей. Мог ли любознательнейший Луначарский пренебречь возможностью побывать в этих легендарных краях — на Урале и в Сибири?

Стоит заметить, наконец, что по решению XII съезда РКП(б) на Урале была организована первая в Российской Федерации укрупненная область — Уральская. В ее состав вошли четыре губернии — Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская. Новая область была разделена на 15 округов, центром ее стал Екатеринбург, будущий Свердловск. Познакомьтесь с первыми итогами этого эксперимента на месте также имело немалый смысл.

Итак, Луначарский впервые приехал на Урал 17 мая 1923 года, проездом в Сибирь.

Для встречи на Екатеринбургский вокзал явились со знаменами студенты Уралуниверситета (созданного в 1920 году по декрету Совнаркома, подписанному Лениным), Уральского практического института (прообраз будущего

Политехнического), слушатели партийно-советской школы и представители местных организаций.

Сердечность и энтузиазм встречающих были на высоте: «Показавшийся из вагона тов. Луначарский был встречен продолжительным «ура», а по окончании митинга, ввиду отхода поезда, студенты рабфака уносят на руках тов. Луначарского под несмолкаемое «ура» в вагон».

Газета «Уральский рабочий», рассказывая об этом в номере, дата которого обозначена замысловато и трогательно — «19 мая 1923 года, от установления пролетарской диктатуры год шестой», приводит выдержки из речи Луначарского на вокзальной площади.

Главная тема речи — международные события: нота Керзона¹, убийство Воровского в Лозанне... По поводу ноты Луначарский сказал так: «На шестой год существования РСФСР Англия решила разговаривать с нами так, как разговаривает со своими колониями. Россия не побежденная страна и не позволит в таком духе вести переговоры».

Собственно уральский визит Луначарского начался на обратном пути из Сибири в конце мая 1923 года².

В те дни в Екатеринбурге печатались объявления о том, что нарком просвещения Луначарский выступит в театре имени Луначарского (театр уже тогда так назывался) на общегородском собрании членов и кандидатов РКП(б) с докладом о задачах народного образования; о том, что он будет выступать на фабрике имени Ленина и на Верх-Исетском заводе.

Кроме того, за дни, проведенные в Екатеринбурге, он выступил на открытии областных педагогических курсов, на общегородском собрании студентов с докладом «Интеллигенция и революция».

Быть политическим эмиссаром — разъяснять партийцам и трудящимся массам существо ленинской позиции, проводить встречи на тему крайне популярную — о текущем моменте — было важно для дела и привычно для Луначарского. Однако не забывал он, что первая и прямая его обязанность — изучить на местах положение в народном просвещении, мобилизовать все ресурсы для воспитания юного поколения, привлечь внимание партийных и советских работников к этому крайне важному делу.

Сам Луначарский отметил как существенную подробность поездки по Уралу и Сибири в 1923 году то, что именно в Екатеринбурге партийное руководство избрало темой его докладов проблемы народного образования, в то время как всюду требовали выступлений по текущему моменту.

Находясь в Екатеринбурге, Луначарский жадно впитывал не только впечатления от города, от облика старинных заводов, но главным образом от людей. О рабочих Верх-Исетского завода он писал: «Люди это угрюмые, менее склонные к взрывам энтузиазма, чем даже не очень то легкие на подъем сибиряки, но несомненно прочно вдумавшиеся и вчувствовавшиеся в новый порядок люди, с необыкновенной серьезностью вникающие в то, что им говорится, и плотно, деловым образом сочувствующие Советской власти».

В эти же дни Луначарский выступил на Ленфабрике (ткацкой фабрике имени Ленина), где «клуб не вместил

¹ Нота английского правительства, подписанная лордом Керзоном, содержала ряд уничижительных требований к Советской России, например: прекратить коммунистическую пропаганду в Афганистане и Персии, прекратить субсидии компартиям Индии и Англии (Коминтерн выделил 80 000 фунтов стерлингов английской и 120 000 фунтов индийской компартиям); освободить английские траулеры, задержанные за незаконное рыболовство в советских территориальных водах, и выплатить Англии за это компенсацию. Самым неприемлемым в этой ноте был ее ультимативный характер.

² Вернувшись в Москву, Луначарский писал в газете «Известия»: «Первым городом, который я посетил на Урале, была его новая столица Екатеринбург. Екатеринбургу в административном отношении в ближайшем будущем предстоит играть более крупную роль... Он окажется бесспорно доминирующим областным городом».

бы и трети желающих присутствовать на митинге». Нарком говорил здесь, что пройдет много лет упорного тяжелого труда, прежде чем удастся поднять наше хозяйство, наше образование. «Революция не есть конец страданий, это начало длинного трудового напряжения», но ведь рабочий класс «не дитя, которому пообещали рай». Заключительные слова оратора о нашей готовности к отпору врагам (имелась в виду нота Керзона), о победе союза рабочих и крестьян были покрыты громом аплодисментов и пением «Интернационала».

До рая было, действительно, еще далеко. Посетив драгу в Верх-Нейвинске, Луначарский получил сильное впечатление от мощи агрегата, но отметил, что в погоне за главным предметом добычи (золотом) не обращается внимание на побочные продукты, и назвал производство в этом смысле «глубоко варварским». Условия жизни, быта многих заводских рабочих Луначарский описывает правдиво и без сантиментов. «Живут бедно, скудно,— пишет он.— Работницы даже не создают, сколько их в бараке, боясь, что опять уплотнять пришли...»

А вывод — вполне оптимистический: «И вместе с тем — чудесное политическое настроение, общее для всей страны настроение трудового энтузиазма, веры в будущее, которое и на Урале чувствуется на каждом шагу».

Что касается образования, то положение на «третьем» — культурном фронте было ниже всякого допустимого уровня, и задача поднять его была из самых необходимых для будущего страны. «Новую жизнь могут создать только новые люди,— говорил Луначарский в одной из бесед еще в 1918 году,— поэтому естественно, что социальной задачей нашего исторического дня является коренное обновление школьного дела».

Прошло пять лет после революции, но правительство страны все еще не могло взять школы на государственное обеспечение, поэтому в 1922 году в школах России учился только один миллион 636 тысяч человек — на 300 тысяч больше, чем в 1911 году, но почти на миллион меньше, чем в 1920 году, когда в школах было два миллиона 250 тысяч учащихся. Такое сокращение было вызвано переводом школ на местные средства, а средств этих на местах не хватало так же катастрофически, как и в столицах — ни на просвещение, ни на культуру.

В номере «Известий» за 18 ноября 1922 года мы читаем текст, который с трудом укладывается в сегодняшнем сознании:

«Вчера в Большом театре было вывешено объявление за подписью особоуполномоченного по ликвидации театра тов. Колегаева, что театр с 1 декабря будет закрыт. Одновременно с Большим театром закрывается Марининский театр в Петрограде. Закрытие это мотивируется сокращением размера субсидии академическим театрам».

Решительные меры, принятые Луначарским по спасению этих театров, его заступничество перед Лениным увенчались успехом — театры были спасены.

А поднимать образование было не менее важным делом, чем спасать учреждения культуры — страна была безграмотной.

В партийном органе «Правда» от 26 января 1923 года помещены впечатляющие сведения об образовательном цензе коммунистов. Из общего числа 386 тысяч членов партии только 0,6 процента имели высшее образование, 6,3 процента — среднее, а 18 тысяч коммунистов были совершенно неграмотными.

Именно поэтому Луначарский, находясь на Урале, постоянно призывал увеличить всеми средствами субсидии на школьное образование, на ликвидацию неграмотности, поддерживать всех, кто проявляет щедрость к детям «во всю меру своих возможностей».

Конечно, делалось многое. После революции было создано более 10 000 новых школ, организована единая трудовая школа — девятилетка с начальным пятилетним курсом обучения (I ступень) и последующим четырехлетним

(II ступень). Но все равно школ не хватало, и они были бедны. И даже не это было главным. Хоть и плохонькие, но помещения с крышей над головой можно было найти всюду. Детей и великовозрастных неграмотных было неисчислимо. Еще большей была тяга к знаниям, к учению...

Проблемой проблем был учитель. Луначарский любил подчеркивать, что просвещения вне политики нет, что третий фронт — фронт остро политический, и просвещение всегда и везде является политическим оружием. Поэтому нужен был не просто учитель, а учитель идеологически стопроцентно «наш». Дело же обстояло как раз наоборот, и на Урале гораздо хуже, чем в среднем по России. Многие старые учителя ушли с Колчаком и были заменены первыми попавшимися, не подготовленными к педагогической работе.

«В 1918 году,— говорил Луначарский на открытии Екатеринбургских областных педагогических курсов,— я предложил создать широкие общественные комитеты из крупнейших педагогов для выработки новых методов и планов преподавания. Но, увы, учительство от нас ушло, назвав наши планы утопией, а нас узурпаторами. Отношение учительства, как и всей интеллигенции, к проведению наших планов в жизнь выразилось в виде саботажа».

Но время шло, и здоровые настроения в российском учительстве, среди подлинно народной интеллигенции, чья природная обязанность — нести свет темным массам, взяли свое, и учителя, новые и вернувшиеся в школу, «голодные, без дров и содержания, при отсутствии учебников не прерывали работу».

Еще труднее приходилось детям. Видел нарком во время этой поездки (и ничем не мог сразу помочь!) и много грустно: иные детские дома с цингую, с босыми детишками, не выходящими на воздух в течение целой зимы — не было обуви.

Однако не все было так мрачно, как могло показаться. Вернувшись с Урала в Москву, Луначарский отметил, что новое учительство тянется к знаниям. «Детишки живут вольготнее, кое-где я находил настоящие проблески той трудовой школы, о которой мы мечтаем». Примером такого рода Луначарский называет школу фабзавуча при Мотовилихинском заводе, школу «Муравей» в Перми, говорит о прекрасных воспоминаниях, которые оставил у него детский городок при Тагильском заводе во главе с учителем Яшниковым, называет его гордостью губоно.

«В глуши Урала он развернул детское поселение, полное сил и жизни, настоящий рабочий улей, приблизившийся к трудовой школе настолько, насколько возможно в таком месте. Прекрасно поставленная швейная мастерская, игрушечная, переплетная, гончарная. Игра здесь переплетается с работой. Дети бойкие, смывленные, живые, подбор работников совершенно исключительный».

Что стало позже с учителем Яшниковым, этим уральским Макаренко, какова его судьба, судьба школы — где вы, следопыты?

Оценивая состояние просвещения на Урале в эти годы, Луначарский сказал так:

«Общее состояние дела народного образования в СССР по пятибалльной системе можно в среднем оценить на 2. Пермская же губерния поставила это дело выше среднего и может быть оценена баллом 3½. Нужно сказать, что она в этом отношении стоит выше соседней Екатеринбургской губернии».

В этой поездке, как и во все послереволюционные годы, Луначарского особенно занимает мысль о месте и роли всей интеллигенции в резко изменившихся социальных условиях.

«Вопрос победы,— говорил он в речи в Перми в июне 1923 года,— сможем ли мы, пролетариат, создать кроно свою интеллигенцию. Дело просвещения — передать новому

поколению цивилизацию старших. Интеллигенция — форма аристократии, но ее рано отсылать в музей. Мы ее отошлем туда тогда, когда все будем интеллигентами.

Луначарский целиком разделял ленинские идеи о культурном наследии как части духовного богатства человека нового общества, прежде всего молодежи. И говоря с работниками культурного фронта Урала, он особенно настаивал на этом:

«Мы не можем отказаться от тех накопленных веками богатств ума, которые должны получить от старой культуры. Мы должны относиться к ним с благоговением и взять от них нужное и полезное и отбросить все мертвое, отгнившее. Может быть, 9/10 взять, а остальное сжечь. От старого огня мы должны зажечь свой огонь, очистить его и нести вперед».

В Екатеринбурге на собрании студентов города он говорил в докладе «Интеллигенция и революция» о чрезвычайной нужности делу революции людей — носителей научного знания, напоминал слова Ленина о том, что только тогда широко начнется новое строительство, когда мы будем иметь свою интеллигенцию.

В этой речи Луначарский призвал к увеличению сети рабфактов и доказывал, что рабфактовец, как человек, имеющий жизненный опыт и работающий на производстве, будет более подготовленным слушателем, чем «какой-нибудь маменькин сынок».

Рабфаки были любимым детищем Наркомпроса: именно они должны были стать реальной базой для изменения классового состава студенчества. Нарком Луначарский соглашался с тем, что достоинств у рабфактовцев предостаточно, но есть у них и существенный недостаток, считал он, — неподготовленность, низкий объем предварительных знаний для успешного обучения в вузе.

И знакомясь с рабфаками на Урале, он признавал, что действительность еще очень далека от желаемого. Особенно очевидны были недостатки в подготовке художественной интеллигенции и педагогов.

Луначарский сам не раз предупреждал, что люди, берущиеся учить и воспитывать других людей, должны иметь к этому специальные качества — знания, способности, одаренность. Это такая сфера деятельности, где одного желания недостаточно, и бездарный воспитатель, художник может принести вреда больше, чем пользы.

«Есть люди, — писал он в очерках «По Сибири и Уралу», — что хотят сделаться певцом или музыкантом, не имея к тому никаких данных, кроме пролетарского происхождения (...) И мы вместо того, чтобы таких молодых людей выдрать за уши, указать им, что прямой их долг в том, чтобы бороться и работать всерьез, а не в том, чтобы петь тенором или играть на тромбоне, принимаем их с плохими голосами и с плохими дарованиями в консерваторию, видя в этом якобы прямое проявление коммунистической политики».

В эту первую свою поездку на Урал Луначарский особенно интересовался уникальными уральскими промыслами, в частности камнерезным делом. Он любовался замечательной коллекцией камней Уральского общества любителей естествознания, побывал в Екатеринбургской художественной мастерской, правда, она произвела на руководителя российской культуры «не совсем удовлетворительно» впечатление.

«Урал — край литейщиков и каменотесов, — делился он мыслями в журнале «Огонек», — тут возможны и большая монументальная продукция и чрезвычайно интересная мелкая художественная промышленность из камня и металла».

Глядя по обыкновению в корень, Луначарский беспокоился о наличии и условиях подготовки мастеров, которые смогли бы обеспечить должный размах и художественный уровень этой уникальной продукции, где мастер обязательно должен быть и художником. «Поэтому очень хороший техникум или даже высшее учебное заведение, направленное в особенности на художественное литье и

художественную обработку камня, было бы очень желательно», — заключает Луначарский еще в 1923 году.

Как жаль, что, возвратившись в Москву, нарком просвещения не настоял на собственной идее. С тех пор прошло много времени, уже 55 лет Екатеринбург называется Свердловском, но все еще здесь, в самом сердце Урала, так и нет этого вуза. А где он может быть уместнее и нужнее, чем в нашем крае, и где еще есть традиции камнерезного и литейного искусства более глубокие, чем на Урале?

В этот же приезд Луначарский посетил и художественные мастерские, где был неприятно удивлен, увидев в работах многих студентов отрывки футуристических увлечений, особенно скульптуры в духе примитивно освоенного кубизма.

«Лепят с натуры, а потом заменяют округлые контуры гранями. Это очень легко, очень примитивно, очень некрасиво, очень устарело и вообще совершенно ни к чему», — резюмировал Луначарский.

Все же, несмотря на личную неприязнь к такого рода художественному стилю, Луначарский решительно воспротивился попытке административного давления на искусство, он всегда был принципиальным противником этого.

Луначарский особенно изумился, когда узнал, что это давление исходит... из Екатеринбургского уголовного розыска, «который нашел их программу не соответствующей истинным задачам искусства».

«Этого делать не надо, — мягко, но категорично возмущал миллиейских деятелей нарком просвещения, — ибо увлечения эти в настоящее время благополучно изживаются».

Луначарский побывал в Екатеринбурге, Тагиле, Надеждинске и Перми.

Впечатление было сильным и оптимистичным.

«Урал трудится. Трудится упорно, усердно. Угромо трудится в глуши, в тяжелых материальных условиях и невольно внушает к себе огромное уважение».

Конкретным по цели и непродолжительным по времени был приезд Луначарского в центр Уральской области Екатеринбург в январе 1924 года. 7 января, ровно за две недели до смерти Ленина, он выступил с докладом на общегородском собрании членов и кандидатов РКП(б) в здании театра собственного имени.

К тому времени раскол в партии, борьба за то, по какому пути пойдет партия и страна в будущем, достигла предельной остроты, и доклад Луначарского был посвящен исключительно этой проблеме. Верный идеям Ленина, блистательный оратор, Луначарский был еще раз направлен в самое сердце Урала с задачей завоевать большинство для ленинцев в одной из самых мощных и многочисленных партийных организаций страны — уральской.

«Про нашу партию, — сказал в начале доклада Луначарский, — указывают, что каким-то чудом большевики просуществовали шесть лет, но в дальнейшем они обязательно расколются, у них появятся диктаторы и по ним можно будет петь панихиду».

И откровенные и тайные враги Октябрьской революции с нетерпением ждали того часа, когда Ленина не станет и раскол окончательно погубит партию. Они проводили аналогию с опытом буржуазных революций во Франции, где борьба левого и правого крыла якобинцев привела в итоге к торжеству контрреволюции, и в Англии, где после смерти Кромвеля его партия разложилась в течение нескольких месяцев.

«Из этого, — отметил Луначарский, — наши враги делают вывод, что теперь, когда мы на долгое время потеряли нашего Кромвеля, когда мы потеряли Ильича (имеется в виду длительная тяжелая болезнь Ленина),

сейчас закон, который погубил яacobинцев, должен выступить на первый план».

Луначарский резко критиковал Троцкого, призывавшего к свободе фракций внутри партии, и особенно — Сапронова, который, противопоставляя старых и молодых членов ЦК, предлагал полностью сменить старый ЦК и передать всю власть в партии ее молодым членам. Луначарский самым резким образом отозвался об этом проекте и отметил, что молодую часть партии нельзя сразу выпустить на арену самостоятельной политической работы, ибо она может, в силу своей неопытности, искривить линию партии. Закончил он эту часть доклада гневной тирадой:

«Никто не думает о наших вождах, что они могут стараться удержать власть в своих руках, оседлать партию, руководить вопреки ее воле. Людям, которые подобные вещи могут говорить, просто надо дать в морду, а не спорить с ними».

Луначарский был, конечно, прав в том, что к этому времени спор внутри партии перерос границы конкретных расхождений по определенным вопросам и угрожал единству и, стало быть, самому существованию Российской коммунистической партии. Поэтому и в докладе он не акцентировал внимание на анализе конкретных расхождений, а ставил вопрос принципиально: быть или не быть партийному единству, быть или не быть партии большевиков.

«Нам немножко стыдно,— продолжал он,— что мы вынуждены перед посторонними бросать друг другу различные обвинения, обвинения против вождей, имена которых мы привыкли произносить с гордостью, но мы настолько могучи, что от подобных перебоев не только не умрем, но даже ответно не будем страдать».

Безусловно, не всем пророчествам Луначарского суждено было сбыться. Суровая поступь истории иные события направила по непредвиденному пути. Однако нельзя не отметить общий оптимистический пафос платформ Луначарского, призвавшего уральских коммунистов отдать свои голоса за единство партии.

Луначарский закончил свой доклад перед коммунистами Урала так:

«...вся наша партийная армия в достаточной мере воспитана революцией и достаточно проникнута общепартийным духом, чтобы не позволить никому ни в каком случае вбить какой-либо клин между собой и ее железной когортой. Да здравствует единство нашей великой партии!»

Подавляющим большинством была принята резолюция, осуждавшая фракционерство.

В этот же раз Луначарский побывал и на Южном Урале. 9 января 1924 года он выступил на общегородском собрании коммунистов Челябинска и призвал их хранить единство и чистоту рядов большевистской партии. Естественно, что нарком просвещения не упустил возможности побывать в школах, техникумах, учреждениях культуры Челябинска, встретился с учителями города и работниками искусств.

В 1928 году первый народный комиссар просвещения Страны Советов побывал на Урале в последний раз¹.

В эту поездку на Урал Луначарский побывал в Перми, Лысьве, Кунгуре, Чусовом, Надеждинске, Нижнем

Тагиле и в Свердловске, как стал называться Екатеринбург с конца 1924 года.

Пермь произвела на Луначарского самое благоприятное впечатление и своими размерами (130 тысяч населения!), и культурными традициями, как старый губернский центр. Много отрядного увидел он в университете — «самом центральном культурном учреждении города», высоко оценил постановку дела в лабораториях и клиниках медфака.

Интересным был его доклад, сделанный в Мотовилихе, пригороде Перми, — «О путях социалистического строительства». Главным в нем был вопрос о нехватке кадров — квалифицированной рабочей силы и технического руководства, без чего была невозможна индустриализация страны. Но будущие специалисты должны были сначала получить нормальное общее образование, для чего надо было ликвидировать неграмотность в стране. Ставилась даже задача добиться этого к 1933 году! Луначарский рассказал, что Наркомпрос предложил ввести особый налог на зажиточные слои населения, чтобы собрать полмиллиарда рублей на ликвидацию неграмотности — ликбез.

«Нах позор,— говорил Луначарский,— в том, что класс диктаторов не имеет возможности дать своим детям среднее образование. Это и есть угроза для руководящего класса».

В начале второго десятилетия существования Советского государства начался особенный размах культурной революции, вобравшей в себя огромное количество задач: от тех, что ставила в свое время эпоха Просвещения — воспитать работника, способного управлять принципиально новыми орудиями труда, кончая необходимостью в кратчайший срок вырастить армию инженеров и ученых на уровне мировых стандартов.

Это была задача: за двадцать лет пройти две сотни лет! Из дикости феодального рабства — крепостное право было отменено только полвека с небольшим назад — шагнуть в царство разума и свободы.

Хорошо познакомившись с Уралом, Луначарский сделал верное наблюдение над особенностями уральских поселений.

Уральские заводы — маленькие города, отмечал он, где центром является один-два или несколько заводских предприятий, причем все это расположено типичным для Урала образом — вокруг гигантского пруда, скорее озера, которое занимает иногда много верст поверхности. И в этих рабочих центрах, где сконцентрировано большое количество пролетариата, особенно необходимо заботиться об элементарных культурных условиях для людей и прежде всего о школьных и клубных помещениях. Потребность в них настолько велика, особенно в тех местах, где строятся новые заводы, что их нужно строить в первую очередь, даже прежде жилых домов.

Доклад наркома на городском собрании рабочих и служащих Нижнего Тагила был также о культурном строительстве с главным тезисом — «Поднятие культуры есть неотъемлемая часть индустриализации». Пафос этого выступления был направлен не только в сторону аудитории, но затрагивал также столичных оппонентов тезиса.

В те годы ряд крупных работников, в частности И. Смилга, считал Наркомпрос «непроизводительным» комиссариатом, которому не стоит отпускать крупных средств — их важнее тратить на оборудование заводов, машины, сырье и т. п.

«Но кто же,— спрашивал тагильскую аудиторию Луначарский,— будет работать на этих машинах, на этих станках? Пастуха из деревни не посадишь сразу на паровоз... Нужно хорошенько уяснить, что без поголовной грамотности всего населения нам не удастся развернуть индустрию. И если мы говорим, что наша промышленность будет расти с каждым годом, мы должны затрачивать большие средства на культуру».

Отметил, что аудитория вполне соответствовала мнению о ней оратора: вопросы рабочих Луначарскому были в основном такие: когда покончим с безграмотностью?

¹ В сентябре 1929 года, оставаясь к тому времени уже единственным членом правительства из того состава, который Ленин в ноябре 1917 года представлял II съезду Советов, Луначарский подал заявление об уходе с поста наркома. В декабре 1933 года он умер от сердечного приступа во французском городке Ментоне по дороге в Испанию, куда был направлен посланником.

Как нашим детям попасть в вузы и техникумы? И жалобы сходные: клуба у нас нет! Театр помогите построить! «Интеллигент среди большевиков», как сам себя называл Луначарский, умел найти общий язык с рабочими, завоевать доверие искренним желанием помочь им конкретными делами.

И сфотографировался Луначарский с рабочими таким образом (жаль, не удается отыскать фотографию): окруженный рабочими, он уселся на доски, в руки ему дали громадные клещи, а вокруг — сияющие, довольные лица девчат.

С 5-го по 9 января 1928 года Луначарский находился в Свердловске. Вернувшись в Москву, он напишет в серии «Уральские очерки» отдельный очерк о Свердловске под названием «Город в лесах».

Острым, наблюдательным, но дружелюбным взором в последний раз окидывает Луначарский улицы, где так своеобразно соседствует старый уральский город «Приваловских миллионов» с огромной стройкой. Он отмечает здание Управления железной дороги, и Деловой клуб (нынешняя филармония) с его «занятой и комфортабельной внешностью», и новенький клуб строителей, и разворачивающуюся подготовку к строительству гигантского машиностроительного завода — будущего Уралмаша. Все нравится здесь Луначарскому — даже уральский климат.

«Бодрой походкой по скрипучему снегу в высоких пимах шагают свердловцы по своим улицам и как из-под их заиндевевших усов валит столбом пар, так же и дома их отдуваются огромным количеством дыма из своих печей, и кажется, что под прессом мороза весь город клубится и дымится и, того и гляди, сам подымется в облаках дыма к безоблачному голубому небу, где ярко сияет веселое, но обессиленное солнце».

Нарком выступил на открытии съезда учителей Урала с докладом «О состоянии народного образования в РСФСР». Еще раз он отметил, что плохо идет дело школьного строительства, еще раз обратился к предприятиям, чья помощь только и даст возможность народному просвещению «выйти из рамок нужды в этом огромном, интереснейшем крае с разбросанным населением».

Он настаивал также на обязательном участии всей массы просвещенцев в развитии культурной революции, в культурно-воспитательной работе.

Эти дела — театры и кино, лекции и клубная работа — особенно занимали наркома в последний приезд. Он и сам в этой поездке часто выступал с лекциями на общекультурные темы:

«Христианство и коммунизм», «Православие, толстовство, марксизм»...

«Воля к культуре со стихийной силой проснулась в уральских рабочих», — писал он впоследствии, а во время встреч его забрасывали записками с требованиями: дать театр, дать кино, дать клуб!

Во многих городах Урала учреждений культуры было крайне мало. Так, в Лысьве Луначарский обнаружил, что в городе имеется единственный кинотеатр на 300 мест и никаких других развлечений, кроме «кое-каких концертов» в городском саду. В Чусовом на 25—30 тысяч населения не было вообще ни одного кинотеатра. Даже в Мотовилихе — крупнейшем заводском районе Перми на 40 тысяч человек имеется единственный крохотный Народный дом.

Пожалуй, более всего порадовал Луначарского начинающийся расцвет театрального дела в Свердловске.

Театральная душа человека, сумевшего среди бурь революционной эпохи отстоять и спасти лучшие театры нации, радовалась этому «настоящему чуду в области театра».

Свердловский оперный театр (другие театры города

еще не были открыты) Луначарский назвал «единственной в мире оперой, живущей без всяких субсидий и дотаций». Не имея никаких побочных доходов, театр действительно жил на сборы от публики. Особенно восхитила Луначарского абонементная система, благодаря чему театр всегда полон, нет суетливой погони за зрителями и ничего не делается на авось.

Справедливости ради отметим, что административные восторги наркома были не идентичны его художественным впечатлениям. Очень кратко сказав о спектаклях, им виденных, он лишь отметил, что работа артистов, режиссура, декорации и костюмы — «на вполне приемлемом уровне».

Безошибочной оказалась высокая оценка Луначарским культурного потенциала Уральского края. Однако он не просто предсказал бурный расцвет художественной и, в частности, театральной культуры на Урале в тридцатые годы. Он сам немало помог этому и словом, и делом.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что основные направления идеологической, административной, художественной деятельности первого наркома просвещения Страны Советов нашли свое прямое выражение и применение в развитии народного просвещения и искусства на Урале.

«Уезжаю с Урала нагруженный огромным количеством просьб, причем большая часть из них касается все тех же культурных нужд. Сделаю это по мере сил и с величайшей готовностью», — писал на прощание Луначарский. — Даже короткое путешествие по Уралу укрепляет уважение и любовь к этому суровому, богатому, энергичному, глубоко революционному краю».

И здесь, как обычно, проницательность не подвела Луначарского. Уральский край остается таким и по сей день.

В тексте использованы цитаты из материалов, опубликованных в журналах «Огонек», «На третьем фронте», «Просвещение на Урале», «Журнал Пермского губоно» и в газетах «Известия», «Вечерняя Москва», «Звезда», «Уральский рабочий», «Рабочий» за 1923, 1924 и 1928 годы.

ОТ ПОЛУШКИ ДО ЧЕРВОНЦА

**Иван
ИВАНОВ**

К началу первой мировой войны денежное обращение царской России составляло 2371 миллион рублей. В том числе было золотой монеты 394 миллиона рублей; высокопробной серебряной монеты достоинством в 25 копеек, 50 копеек, 1 рубль — 123 миллиона рублей; низкопробной серебряной монеты — 5, 10, 15 и 20 копеек — 103 миллиона рублей; медной монеты — 18 миллионов рублей; бумажных кредитных билетов на 1633 миллиона рублей.

Война сразу поколебала финансовую систему России. 23 июля 1914 года совет министров отдал распоряжение приостановить размен кредитных билетов на золото. Госбанку было предоставлено право выпускать кредитные билеты, непокрытые золотым запасом. Казначейству разрешили выпускать краткосрочные обязательства.

Уже к 1915 году золото исчезло из обращения. Вскоре не стало и серебряных монет. Это вынудило правительство выпустить бумажные разменные знаки, сперва типа почтовых марок достоинством в 1, 2 и 3 копейки, на обороте которых значилось, что они имеют хождение наравне с медной монетой. Затем появились марки достоинством в 10, 15 и 20 копеек вместо серебряной монеты. Вслед за этим последовал выпуск бумажных бон того же достоинства.

Несмотря на огромное количество выпущенных кредитных билетов, не обеспеченных золотом, и обязательств казначейства, недостаток денежных знаков в стране продолжал расти, так как покупная стоимость рубля с каждым днем падала.

Сразу после Февральской революции Временное правительство выпустило новые кредитные билеты достоинством в 250 и 1000 рублей, разумеется, тоже непокрытые золотом. А несколько позднее страну наводнили новые денежные знаки очень невзрачного вида достоинством в 20 и 40 рублей, сразу получившие в народе меткое и презрительное название — керенки.

К октябрю 1917 года на балансе Госбанка кредитных билетов и денежных знаков числилось 18917 миллионов рублей и обязательств казначейства на 207 миллионов рублей.

Помимо этого, Россия была

должна по внутренним и внешним займам 12750 миллионов рублей, не считая гарантированных правительством железнодорожных и других займов.

Вот такое финансовое наследство плюс война, разруха в промышленности и на железнодорожном транспорте, упадок сельского хозяйства досталось в наследство молодой Советской России. Покупная стоимость рубля упала до 5—4 копеек, и, естественно, денежных знаков требовалось огромное количество.

Декретом от 2 января 1918 года в качестве суррогатов денежных знаков Советское правительство выпустило в обращение купоны государственных процентных бумаг — Государственной ренты, Внутренних и Военных займов, займа Свободы, закладных листов Дворянского и Крестьянского займов. Декретом от 30 января 1918 года Совет Народных Комиссаров ввел в обращение в качестве денежных суррогатов облигации займа Свободы достоинством в 20, 40, 50 и 100 рублей. Были узаконены к обращению так называемые билеты (серии) Государственного казначейства и его же краткосрочные обязательства сроком по 1 ноября 1918 года.

В 1918 и 1919 годах Советское правительство выпускает свои первые денежные знаки достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 рублей. Очень упрощенные, небольшого размера, типа марок, без года выпуска и какого-либо текста, на них значилось только обозначение номинала и был изображен герб РСФСР. В основном эти деньги ходили целыми листами — по 25 штук в каждом.

С мая 1919 года появились в обращении новые кредитные билеты, на которых стоял год выпуска — «1918». Был изображен на них и двуглавый орел, но без скипетра и державы. Это вызвало недоумение: деньги советские, а на них... двуглавый орел?! А дело было так. Временное правительство, помимо купюр в 250 и 1000 рублей и керенок, предполагало выпустить новые деньги, клише которых было изготовлено и знаки напечатаны. Вот их-то и ввели в обращение — не пропадать же бумаге. Купюры были: 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10000 руб-

лей. Любопытен еще один факт, связанный с этими деньгами. На купюрах в пять и десять тысяч рублей просматривается... свастика, сейчас вызывающая удивление. Как же она могла появиться в 1918 году? А объясняется это просто: фашисты использовали в качестве свастики древнеиндийский знак, известный как знак вечности. Кстати, этот знак имеется и на купюрах Временного правительства в 250 и 1000 рублей, выпущенных в 1917 году. Художник использовал свастику, вернее, знак вечности, в качестве орнамента.

В 1919 и 1921 годах Советское правительство продолжало выпуск все новых и новых денежных знаков в огромных количествах, причем купюры их повышались — до 25, 50 и 100 тысяч рублей, а обязательства — до одного, пяти и 10 миллионов рублей.

Теперь уже трудно было представить, какие денежные знаки и суррогаты их находились в обращении. Одних только купонов от облигаций и других процентных бумаг курсировало свыше 200. Многие из них имели дробные номиналы, например: 5 рублей 20 $\frac{7}{8}$ копейки, 1 рубль 31 $\frac{1}{4}$ копейки и т. д. Можно представить, какая веселая работенка была у бухгалтеров и счетоводов...

В царской России миллионеров было много, а миллиардеров — ни одного. А вот в Советской России в первые годы каждый гражданин носил в карманах и сумках миллиарды рублей! И недаром говорили, что за мешок картошки мужик увозил с базара... мешок денег.

13 ноября 1922 года, выступая с докладом на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин, шутя, говорил:

«Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уж потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион... Это уже кое-что. Это астрономическая цифра».

Вот сколько было денег в обращении. Однако один рубль ничего уже не стоил. Разве только на тысячу рублей можно было купить... коробку спичек.

В 1921 году Совет Народных Комиссаров принял постановление о деноминации находящихся в обращении расчетных знаков — то есть о понижении их нарицательной стоимости (номинала). Для этого выпущены были новые денежные знаки, датированные 1922 годом, один рубль которых приравнивался к 10000 рублей всех прежних выпусков. Номиналы этих денег были в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 и 1000 рублей. Несколько позднее были выпущены купюры в 5000 и 10000 рублей и обязательства тоже в пять и десять тысяч рублей.

Однако ценность новых денег была по-прежнему низкой, так как

цены на предметы первой необходимости росли едва ли не по часам. Поэтому в октябре того же 1922 года правительство вынесло решение о второй деноминации с выпуском новых денежных знаков, один рубль которых на этот раз приравнивался к 100 рублям денег 1922 года или к одному миллиону рублей знаками ранних выпусков. Датированные уже 1923 годом, были выпущены купюры в 50 копеек, 1, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000 и 5000 рублей.

Выпуском этих знаков закончились денежные эмиссии РСФСР.

С ноября 1923 года денежные знаки стали выходить с гербом СССР, в ноябре — декабре этого года и в феврале 1924 года были выпущены три купюры: 10000, 15000 и 25000 рублей, один рубль которых заменял один миллиард рублей знаками выпусков до 1922 года. На этих знаках впервые появились художественные рисунки: панорама Московского Кремля (10 тысяч рублей), бюст крестьянина (15 тысяч рублей) и красноармейца (25 тысяч рублей). Бюсты были сгравированы по скульптурам И. Шадра.

На этом и закончился выпуск обесценивающихся денежных знаков. Наша страна перешла на твердую валюту в золотом исчислении.

Экономическое положение страны постепенно улучшалось. Бюджет уже наполовину обеспечивался за счет налогов и доходов от предприятий. Стало возможным начать выпуск денежных знаков, обеспеченных ценностями. Декретом Совета Народных Комиссаров от 11 октября 1922 года был предпринят выпуск билетов Госбанка РСФСР — так называемых червонцев, которые обеспечивались драгоценными металлами, иностранной валютой, легко реализуемыми товарами и краткосрочными обязательствами. Курс червонцев был твердым и никаким колебаниям не подвергался.

Однако это еще не означало полного перехода к золотому обращению. Выпуск червонцев был строго ограничен. Поэтому денежные знаки 1922 года продолжали оставаться в обращении. Только к началу 1924 года народное хозяйство страны достигло такого уровня, когда можно было приступить к осуществлению денежной реформы с переводом ее на устойчивую валюту. По декрету ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 года были выпущены в обращение Государственные казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей золотом, а по декрету от 22 февраля того же года — серебряные монеты в 10, 15, 20 и 50 копеек и один рубль, а также медные монеты в 1, 2, 3 и 5 копеек.

Декретом от 7 марта 1924 года было объявлено об изъятии всех совзнаков из обращения и обмене их на казначейские билеты с золотым

обеспечением и на звонкую серебряную и медную монету. Один новый рубль на этот раз равнялся 50 миллиардам рублей дензнаками прежних образцов (до проведения деноминации в 1922 и 1923 годах). Общая масса старых денежных знаков к этому времени достигла 762,3 квадриллиона рублей!..

Денежная реформа 1924 года сыграла огромную роль в деле восстановления социалистического хозяйства страны. Деньги в золотом исчислении быстро вытеснили капиталистические элементы из промышленности и торговли, содействовали подъему промышленности, а затем и проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства.

За 55 лет, минувших со времени денежной реформы 1924 года, советский рубль несколько раз видоизменялся. По мере износа денежных знаков они заменялись новыми, каждый раз с изменением образца. В 1937 году отмечалось 20-летие Великой Октябрьской революции. В связи с этим на новых билетах Госбанка достоинством в 10 рублей впервые был помещен портрет В. И. Ленина.

Билеты Государственного банка и казначейские билеты выпуска 1937 и 1938 годов находились в обращении в течение всей Великой Отечественной войны. За это время количество их выросло в четыре раза. В связи с этим и в целях ликвидации последствий войны 14 декабря 1947 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

Один новый рубль приравнивался к 10 рублям старых денег. Не подлежала обмену металлическая монета, которая оставалась в обращении по номиналу. Бумажные деньги 1947 года были выпущены купюрами в 1, 3 и 5 рублей (казначейские билеты) и в 10, 25, 50 и 100 рублей — билеты Госбанка.

Денежные знаки эмиссии 1947 года находились в обращении до 1961 года, когда по новой реформе были обменены на новые денежные знаки образца 1961 года, находящиеся в обращении по настоящее время. Тогда же были заменены и разменные металлические монеты — бронзовые в 5 копеек и никелевые в 10, 15 и 20 копеек. Бронзовые монеты в 1, 2 и 3 копейки выпуска 1926—1957 годов продолжают оставаться в обращении и сейчас, но по мере износа их заменяют монетами новых выпусков.

САМАЯ ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

**Алексей
НАГИБИН,**

Фото автора

Мчит поезд из Москвы на восток. Пронесется за окном села, поля, заводы. Но... что это? Табор маленьких вагончиков на свежей насыпи тупика на перегоне, играют ребятишки по-домашнему, сушится белье. Здесь живут строители железных дорог. Где-то, видимо, близко прокладывают новую ветку к заводу или электрифицируют магистраль...

Обычное путешествие по железной дороге заканчивается через день-два, ну, неделю. А вот у строителей самая дальняя дорога — они всю жизнь на колесах. Далеко ждут благоустроенные квартиры, но бывают в них хозяева «в гостях» — в отпускные дни. А потом снова стройка, снова вагончики.

И несмотря на кочевую жизнь, транспортные строители привыкли работать в одном коллективе. Леонид Николаевич Фолин, к примеру, в тресте «Пермстройпуть» с 1953 года. Он уже много лет старший прораб. А вот Мария Васильевна Кондратенко в этом же тресте с 16 июня 1940 года. В годы Великой Отечественной войны стала она руководителем комплексной бригады монтеров пути. Больше сорока лет строит железные дороги Герой Социалистического Труда М. В. Кондратенко!

Бывают у транспортных строителей задания первостепенной важности. И тогда им на помощь едут тысячи добровольцев. И вся страна следит за их трудом. Такое задание — БАМ. Та-

кое задание и железная дорога Сургут — Уренгой.

К концу прошлого года «голова» стройки оказалась больше чем на полтысячи километров от Сургута. Уже идут поезда до Мегиона, станции Ноябрьской. Проложен путь за Ханымей. Неподалеку от Полярного круга — Новый Уренгой. Осталось шаг шагнуть.

Но этот, последний самый, дается с невероятным трудом: болота, зачастую полностью непроходимы. Если и сковала их вечная мерзлота, то не целиком, а отдельными «линзами». Вот и получается — идет себе экскаватор, бьется о льдистый грунт и вдруг проваливается в трясиину... А тут еще дожди зарядят. Грунт на насыпи промокает так, что туда не только «Магирусы» не заедут, — тягач не залезет.

Сидят, бывает, рабочие мехколонны треста «Уралстроймеханизация» в своих вагончиках на прорабских участках, на десятый раз перечитывают книги и журналы, ловят в эфире новости своими транзисторами и... хвалят зиму. Пусть мороз за сорок, пусть ветер хозяйничает в кабинах, зато по зимникам везде тебе дорога и работа спорится.

Любят зиму и мостостроители. Попробуй летом доставить тысячи тонн железобетона и гофрированных труб к руслам рек и речушек! Да и опоры мостов надежнее возводить зимой...

А пока самые заядлые рыбаки пробираются к оечушкам в надежде пере-

хватить пару щук да плотвы на уху: кончается картошка в котлопункте, кончается и тушенка. Вертолета все нет. Нет и смены. А строители работают вахтами. Нет смысла сюда, на передовые участки, забираться всей семьей. Семьи остаются во временных, но базовых поселках из сборных щитовых домов. Жить в них, конечно же, уютнее, чем в вагончиках. Сюда после многодневной вахты возвращаются строители трассы. Такие поселки есть в Сургуте, в Ульт-Ягуне, в Ноябрьской, в Ханымее. Закончится стройка — закончится жизнь этих поселков: детали домов повезут в другие края...

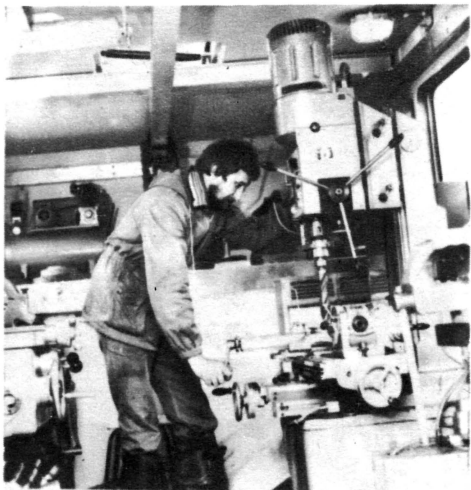
А пока осень. Но вот ветер разогнал дождь, подсушил насыпь и пошли, как в бой, самосвалы и экскаваторы, бульдозеры и грейдеры. Метр за метром растет насыпь, пожирая тысячи кубометров грунта. Ее откосы покрывают слоем торфа — глядишь, и трава вырастет, трамбуя насыпь, готовят сдать строительномонтажным поездам. Деньденской ползает по раскишшим дорогам на своем бензовозе «Урал» Константин Кваснюк. Если посмотреть паспорт Кости — родился он в Каменске-Уральском. Но это условно. В вагончике на трассе родился Кваснюк. До сих пор работают в той же мехколонне на трассе его родители — экскаваторщик Дмитрий Алексеевич и шофер Александра Федоровна...

Так собираются звенья пути.

Токарь А. Турчин. Его цех тоже на колесах.

К. Д. Кваснюк и его прораб А. В. Помогаев.

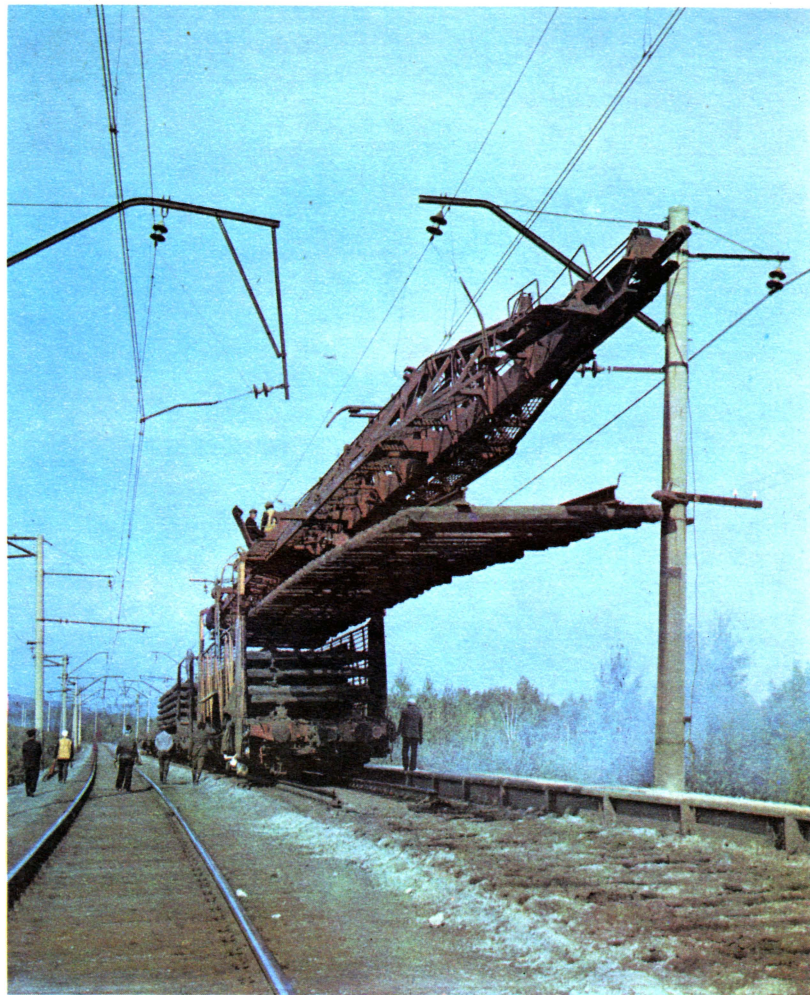

М. В. Кондратенко.

Л. Н. Фомин.

Идут ремонтные работы.

Эти дома — база мехколонны.

Земляное полотно берет начало
вот из таких карьеров.

До Уренгоя — один шаг...

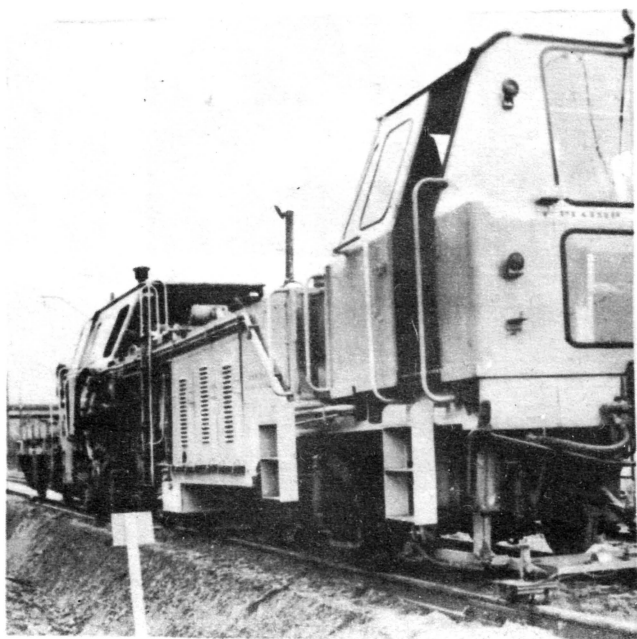

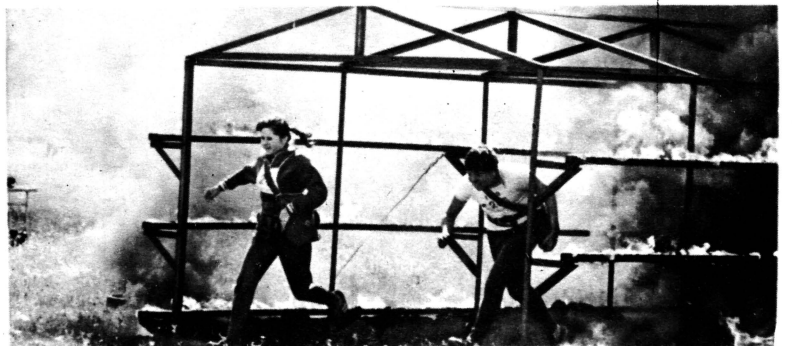
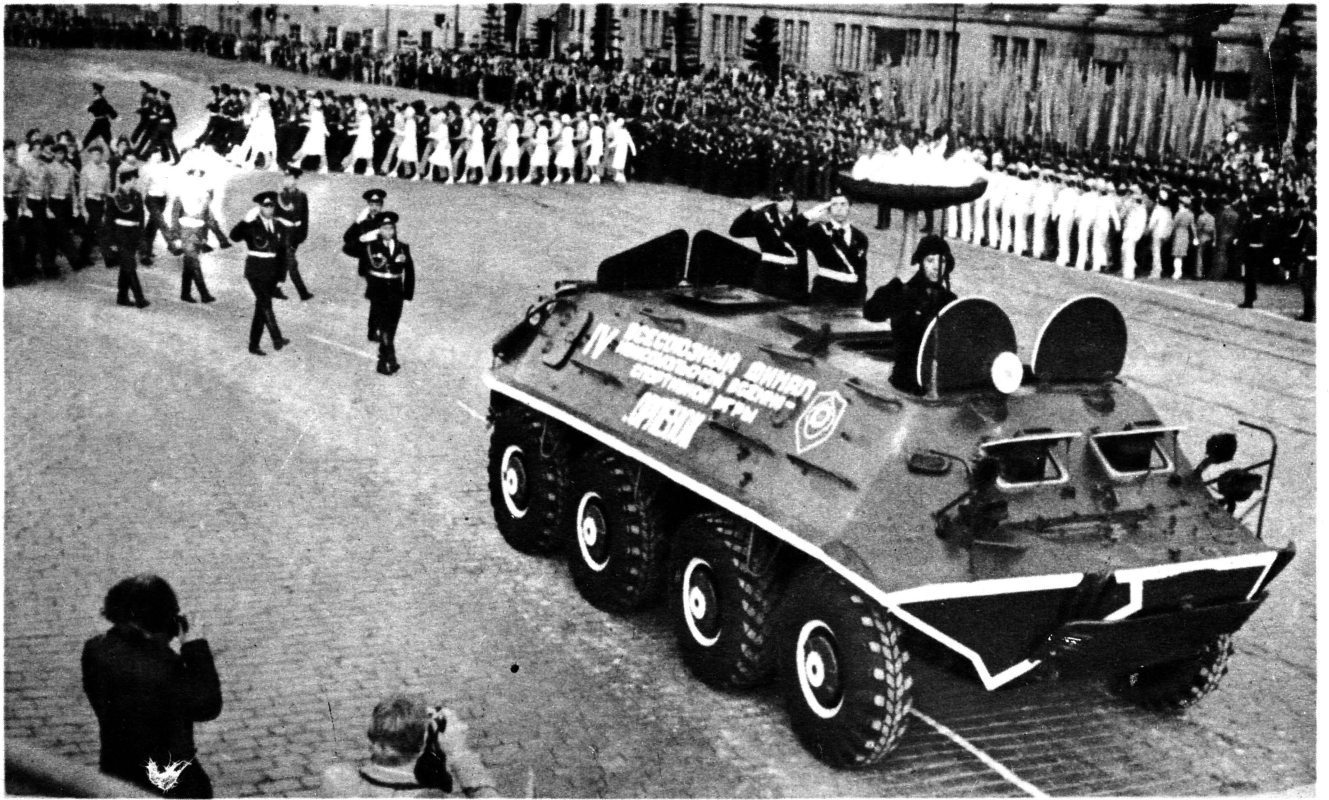
В детском садике на базе.

Исследователи проверяют состояние грунтов под насыпью на вечной мерзлоте.

На помощь транспортным строителям пришла новая техника.

ОРЛЯТА УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ

**Людмила
СОЛОМЕИНА**

Фото
Д. Баранова

«Орленок» — это более двенадцати миллионов ребят.

Кто они?

Среди юнармейцев, приехавших в Свердловск на IV Всесоюзный финал военно-спортивной игры «Орленок», 1210 ребят носят значок «Готов к труду и обороне», столько же членов ДОСААФ, 546 разрядников, 9 мастеров и кандидатов в мастера спорта...

У истоков юнармейского движения стоит человек, чье имя мы произносим с огромным уважением. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, генерал-лейтенант авиации Георгий Тимофеевич Береговой в годы войны служил летчиком-штурмовиком. Три раза горел. Три раза был сбит. И всегда возвращался в свой полк. В сорок четыре года Георгий Тимофеевич подал заявление в комиссию по отбору кандидатов в группу космонавтов. Сейчас он возглавляет Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина и является командующим военно-спортивной игрой.

Когда у Георгия Тимофеевича спросили, что больше всего ценит он в юнармейском движении, он ответил:

— Юному человеку необходимо проявить и в чем-то преодолеть себя. Весь комплекс игры «Орленок» как раз на это и рассчитан — на то, чтобы воспитать у ребят чувство ответственности, взаимовыручки, находчивость, самостоятельность. «Орленок» — это школа мужества и отваги.

...В главный штаб игры незадолго до свердловского финала пришло сообщение из Фрунзе: «В совхозе «Аламедин» загорелся тарный склад. Огонь с бешеной силой рвался к поселку. Мужество и отвагу проявили юнармейцы, отдыхавшие неподалеку в лагере труда и отдыха «Чолпон». Особенно отличился юнармеец Александр Абгаров. Благодаря орлятам поселок был спасен».

Силу воли понадобилось проявить и участникам финала игры. Здесь не было побежденных — в Свердловск приехали только победители областных, краевых, республиканских соревнований. Программа требовала прямо-таки армейской выносливости: строевой

смотр «Хорош в строю, силен в бою», операция «Снайпер», военно-спортивная комбинированная эстафета, подъем по тревоге, тактическая игра на местности, конкурсы, встречи, экскурсии, концерты...

— Меня поразила атмосфера дружбы, — рассказывает военрук ГПТУ № 33 из Воронежа Василий Федорович Антохин. — Ребята очень переживали свои ошибки, но ни разу я не заметил, чтобы они злорадовывали, если не получалось что-то у соседей. Мы, например, очень подружились с юнармейцами из Калининграда, Пензы, из Ленинска-Кузнецкого, Кировабада. И когда выяснилось, что у некоторых из них нет автоматов, мы дали им свои. На соревнованиях они были нашими соперниками, но об этом никто даже не подумал... Мы не стали первыми, но поняли многие свои просчеты. Мы проиграли, потому что другие оказались сильнее нас.

На соревнованиях все хотят быть первыми, но победитель бывает один. Выходит, и проигрывать надо уметь с честью!

Любой мальчишка или девчонка, когда их спрашивали, что им понравилось больше всего, единодушно отвечали: торжественное открытие финала. Именно тогда с особой остротой они чувствовали: за каждым стоит класс, школа, город, республика.

На главной площади Свердловска юнармейцы дали клятву на верность делу отцов и дедов у знамен, овеянных славой гражданской и Великой Отечественной войн. Они дали клятву людям, имена которых стали легендой. Прославленный летчик-испытатель К. К. Коккинаки... Знаменитый снайпер Ленинградского фронта В. Н. Пчелинцев... Легендарный партизанский командир В. Е. Ковтун... Начальник обороны ледовой «Дороги жизни» Е. Э. Майоров... Боец М. В. Кантария, водрузивший Знамя Победы над рейхстагом... Главный диктор времен Великой Отечественной войны Ю. Б. Левитан... Присутствие такого созвездия героев, о которых ребята знали только по книгам, фильмам, помогло понять самое важное — неразрывную связь поколений.

Здесь, в финале, собрались лучшие из лучших. У всех у них богатый опыт военно-патриотической работы в школах, училищах, все ведут следопытский поиск.

В техническом училище № 7 города Нальчика юнармейцы в трудные следопытские маршруты выходят вместе с участниками былых сражений. Каждую весну отправляются они в лыжный поход по маршруту, чтобы подняться на высоту 910, где в войну погиб взвод советских солдат.

Помогает «Орленок» и в выборе профессии. Более 300 участников финала написали, что уже сейчас решили связать свою жизнь с армией.

Георгий Тимофеевич Береговой привел такой пример. В Череповце долгое время не могли справиться с группой трудных подростков. Но вот их устроили в ГПТУ, предложили записаться в отряд. Сейчас это лучшие в городе комсомольские оперативники, они сами наводят порядок на улице.

Как бы ни сложилась в дальнейшем судьба сегодняшних орлят, несомненно одно: игра помогает выбрать активную жизненную позицию. В ней юнармейцы проверяют свои жизненные принципы, силу, выдержку, мужество. Трудны старты военно-спортивной игры. Но орлята учатся летать.

Связчики

**Борис
НАКОНЕЧНЫЙ**

Рисунки
Н. Мооса

— Вот они!..

Молодой человек в тяжелых унтах живо достал из нижнего ящика стола одну за другой три высокие коробки из картона. Он вскрыл одну и вытянул стеклянный прибор, похожий на большой термометр:

— Они не тяжелые. Так и лежат на снегу: минимальный, нормальный и максимальный,— температуру передают по радию каждые три часа... Там начальник—мой друг. Мы были напарниками на станции возле Магадана целых три года. Если не найдешь человека—я пойду с тобой сам.

Человек в унтах, сшитых на фабрике, заведовал метеорологической станцией в поселке. Перед ним стоял якут Маслов, проводник нескольких экспедиций. Заведующему нужно было отправить термометры на станцию у Чертова порога,—сто десять километров от Енисея вверх по реке Бахте. Там его друг, и у того несчастье: снега намело под верх ограды, пестец разбил термометры на метеоплощадке. Три термометра на снегу измеряют температуру поверхности.

— ...Тебе необходимо подыскать напарника и выходить скорее: они не передают отсчеты уже сутки, это плохо.

Маслов выслушал, опустил голову,—обдумывая дело, рассматривал носки самодельных бродней с брезентовыми голенищами. Потом он сказал:

— Снег. Мороз... Кто пойдет? Никто не пойдет.

— Можно взять мою палатку, она маленькая и печка есть легкая. Мы сможем оплатить и амортизацию вашего снаряжения, но надо, чтобы шли два человека.

Маслов переступил с ноги на ногу, подумал еще и ответил:

— Худо дело. Не желает никто... Я теперь и один могу.

— Одного отправить не имею права. С тобой что случится—меня судить будут. Вдвоем идти лучше: один лыжню топчет, другой сзади отдыхает, и палатку вдвоем ставить хорошо.

— Два человека легче,—согласился Маслов. Он вышел и через полчаса возвратился с напарником. Это был невысокий человек, широ-

коскулый, как и Маслов, в телогрейке, подпоясанный ремешком, на котором висел в деревянном потертom чехле небольшой нож.

— Он хочет идти,— сказал Маслов, указывая на этого человека.— Он охотник. Мы можем выйти утром.

— Вот хорошо! Очень хорошо! — обрадовался заведующий.— Договор оформим сразу после возвращения,— он подал коробки с термометрами.— Мою палатку брать будете?

— Нет,— сказал Маслов. Его напарник молчал. Он так ничего и не сказал, а Маслов взял термометры.

Он пошел к себе в избушку, которая стояла у обрыва над Енисеем, и сказал жене, что понесет пакет вверх по реке Бахте, к Чертову порогу. Он полез на чердак, достал лыжи, снял с них жомы и осмотрел крепления. Сыромятная кожа высохла, но нигде не потрескалась. Он попробовал, как она изгибается, и убедился — ремонтировать не надо. Снял в сенях с гвоздя закопченный котелок и вещевой мешок. В котелок якут бросил больше половины плитки чая и масло. Коробки с термометрами завернул в газету и обвязал ремешком. Галеты жена подала в ситцевой сумочке. Все это положил в мешок. Туда же он сунул небольшой топорик, топорище было прямое, длинное и торчало из мешка сквозь завязку. Потом Маслов пошел в клуб смотреть кино.

Была середина зимы, светало поздно. Он проснулся среди ночи, включил свет и стал собираться. Жена спала. Маслов затопил железную печку, разогрел суп и чай, надел теплый зимний костюм из серого сукна, который подарил начальник экспедиции, когда Маслов работал проводником. Подпоясал куртку кожаным ремешком, проверил нож и зарядил ружье. Ружье было с одним замком и заряжалось с дула; у него было другое — двуствольное, но он решил взять это, потому что стрелять придется мало, а оно легкое, как посох.

Маслов вышел со двора. Деревня спала, дома окутал морозный туман. Собаки на улице лежали свернувшись, не поднимали голов и не лаяли, когда он проходил мимо. Молодой охотник из народности кето, который согласился вчера пойти на метеостанцию, спал,— у него днем свои дела, Маслов прошел мимо его дома. Он шел по дороге вдоль Бахты и нес лыжи в руках, дорога была наезжена розвальнями и нартами, потом она свернула. Маслов надел лыжи и зашагал по снежному покрывалу реки. За ним оставался след шириной в один шаг, но лыжи проваливались не очень глубоко. Маслов размышлял на ходу.

Он легкий и груз за плечами легкий. Если идти быстро, то ночевать только один раз. Весь день мять дорогу, а когда устанешь, надо отдохнуть. Он еще вчера думал, что нужно идти

таж, чтобы коротать только одну ночь. Добравшись за день до Кривого ручья, а там, за Ганьчиным порогом, избушка. Это их избушка: его и брата Андрея. Андрей умер, они не охотились здесь много лет, но он все хорошо помнит, он знает эти места.

Андрей умер на прошлой неделе, пришла телеграмма, но брат не поехал хоронить брата, потому что далеко, а два года назад он уже ездил к нему в гости в Читу.

— ...Ты приехал,— сказал тогда Андрей,— это хорошо. Я тебя, знаешь, как ждал... Больше, наверное, не свидимся. Когда тебе сообщат— не приезжай: это ни к чему, тебе расход лишний будет,— толку мало приехать к неживому. Люди загребнут. Сейчас мне хорошо и тебе хорошо, а потом это ни к чему. Обнялись— и прощай!

Свиделись— и прощай!

Такой был уговор, и после ехать не пришлось. Живого человека держат дела, а там, в Чите, Андрею теперь все равно.

Он был старый, а Маслов молодой еще, сила есть. До метеостанции он постарается дойти за два перехода. Он может ночевать и в мороз: с Андреем они были связчиками много лет и ночевали много раз. Они ставили под лед сеть и выбирали место для избушки, и делали сруб. Андрей— тот все на свете знал, он учил, как ставить капкан, когда соболь идет на приманку хорошо, что делать, когда зверек жирный и попадаться не хочет; как жарить лыжи, чтоб концы не разгибались, как выбирать щенка и выбирать дерево на полозья для нарт. Андрей был связчик,— это одно важно,— ну и еще он родня: старший брат.

Маслов думал, а ноги делали свое дело. В декабре ночь становится днем к середине дня и утра не бывает. Снег в середине зимы больше метра. На ветвях он спрессовывается, падает, лыжи под деревьями проваливаются меньше, а на реке он рыхлый. Время от времени на отдельных участках поверх льда выступает свежая наледь, вода не съедает весь снег, но лыжи над этим местом вязнут. Там, где наледь замерзла, идти легко.

День был очень холодный, и камус не скользил. Но груз был нетяжелый, и Маслов шел быстро. Он пересекал заячьи, росомашьи и лосиные следы. Выше по реке— подалее от Енисея— берега стали круче, хорошо обозначались долины ручьев; тальника в долинах было мало, но лосиные следы встречались. Река изгибалась, и он старался идти по самому короткому пути: чертил след шириной в один шаг с мыса на мыс. Один раз, когда вышел из-за поворота, недалеко в тальнике увидел лосей. Сначала ему показалось, что там, впереди, глухарь в снегу машет крыльями и все взлететь не может. А потом рассматривал лучше: это лосиха на лежке потом рассветит, не хочет вставать. Лоси-

ха, а рядом— лосенок. Когда человек подошел очень близко, она поднялась. Она посмотрела на него и отошла наверх— недалеко. Лосенок, тот совсем не встал. В мороз им вставать нет охоты.

Маслов хотел пить, но не останавливался, пока не увидел маленькую сушинку и трухлявый березовый пень, почти пустой. Повернул к этому месту, утоптал лыжами снег, снял ружье и мешок и снял лыжи. Надрал бересты, изрубил сушинку, разжег костер, вынул из котелка масло и чай, потом воткнул в снег вершинку сушины и повесил котелок со снегом. Дрова горели ярко, огонь обнимал котелок и поднимался над ним, но снег таял долго и пузырился у железа; когда он растаял, вода закипела сразу. Маслов отломил кусочек от плитки чая и бросил заварку в кипяток, снял котелок с огня и решил отрезать немного масла. Оно колелось как стекло, и он бросал осколки в кипяток. Когда надо силу на тропе, хорошо с чаем пить масло или лосиный жир; лосиный жир лучше...

Сидеть было холодно. Он стоял спиной к огню, сушил иней на спине и пил чай. Сквозь бродни и меховые чулки мороз стал прихватывать пальцы ног. Маслов пил чай недолго. «Теперь груз легче»,— подумал он, когда укладывал рюкзак.

Он надел лыжи и шел, пока совсем не устал. Опять разводил костер: пил чай с маслом и ел галеты. Ему встретились куропатки: два табуна. Они тоже шли вдоль берега, к нему навстречу, и иногда, подпрыгивая, клевали почки с низких веток.

Ему нужно было добыть одну птицу. Когда начало темнеть, Маслов убил одного рябчика. Они тоже кормились в кустарнике у реки.

Старое ружье теперь было лишним грузом. Он знал, что так будет, и повесил его над берегом. Он сделал все как надо: одной птицы хватит, а на обратном пути ружье можно забрать. На ходу Маслов снял шкурку с перьями и вытащил внутренности. Тушка была сухая и чистая. Он снял мешок и положил тушку рядом с пакетом. Теперь ночью два главных дела: костер и лежанка.

Еще раз, вечером, Маслов пил чай, теперь очень крепкий. Когда стало темно, он прошел Ганьчин порог. Здесь было много старых и свежих наледей.

Он идет хорошо, теперь до ручья силы хватит. Это их места. В устье ручья должны быть два старых кедра. Кедровые— толстые, вершины у них— как две тучи. Там надо свернуть и пройти немного вверх по ручью. Он может найти это место в темноте. Как-то они тащили нарту, остановились перевести дух. Андрей разглядывал кедровые и сказал: «Два мужика!» И точно: два дерева, как два спокойных человека, которые молчат и слушают.

бы совсем не застыли руки и можно было добыть огонь. Он носил дрова к избушке, разворачиваясь на коротких лыжах, потом разжег под ее бревнами костерок. Тогда Маслов еще нашел сушины, разрубил их на кряжи в свой рост и очистил, сложил из них лежанку и стал носить пихтовую хвою. Костер разгорался.

Маслов стесывал мягкие пихтовые ветки и смотрел на избушку. Свет прыгал, тени скакали по стенам, тени скакали по снегу. Огонь не мог зажечь ее, но потом костер взял свое: одно бревно за другим начали тлеть, около костра стало тепло. Маслов смотрел туда из темноты.

— Что сгорит, то не сгниет! — сказал он громко.

У него закоченело лицо, и он сказал это очень внятно. Если бы не замерз — он бы, пожалуй, крикнул. Так весело кричал Андрей, когда они ее строили: только-только начали сруб, положили на мох первый венец, ночевали без палатки и таскали в костер пеньки и сушины... Им было тепло у костра, Андрей рассказывал, как соболев охотится за белкой, а она уходит верхами, — она скачет быстрее, но зверь ее все-таки добывает. Как россомаха ложится на спину, отбивается от собак лапами, когда они ее окружают, и собаки тогда боятся. Он говорил:

— Если увидишь: человеку помогать надо — помоги. Тебе будет плохо, и тебе помогут. Надо помогать, если хочешь жить долго! Такой закон.

Он много знал всяких законов. Жил в тайге век, и знал все. А теперь его нет. Они были крепкие мужики, и вдвоем лыжню топтать было легче. Он, Маслов, всю жизнь повторял слова брата: всегда делай все как следует!.. «Больше, наверное, не свидимся», — сказал брат.

А вот и свиделись. Эта их избушка — она еще греет! В декабре даже белки неохотно покидают гнезда, лежат друг возле друга, а человек должен мять дорогу. Тот охотник, которого вчера приводил для вида, спит, наверное, в своей избе; у него свои дела, а начальник думает: «Ушли двое».

Человек и один может. Бывает так, что один человек, как два. Ночь он скоротает хорошо. Теперь он хорошо отдохнет, — теперь-то дойти будет можно. Груз легкий.

Маслов сел на пихтовую хвою. Снял шапку, снял рукавицы и протянул руки к огню.

Он пришел, но увидел только одно дерево. Не ошибся: после поворота реки — устье первого ручья. И вот — один кедр. Маслов свернул с реки, стал пробираться сквозь тальник между редких пихт и увидел выворотень: черные сплетенные корневища вздыбились, захватили комья земли и камни. От выворотня ствол уходил в снег. На том месте, где легла вершина, снег лежал ровно. Маслов шел и вспоминал упавший кедр. Между стволов проходила лыжня много зим, каждый день они с братом тут шли к избушке.

Она должна быть недалеко, он не ошибся, но ночь и мороз его окружали. Крепкий мороз — градусов пятьдесят. В такую погоду, если человек весь день и часть ночи мял лыжню, он должен ночевать в горячей избе.

Он пришел, когда луна встала. На куртке над лопатками образовался иней от пота, и шапка была в инее. Рукавицы промерзли и запястья свело, ресницы — в инее — смерзлись, лицо онемело, хотя он оттирал его. Маслов смотрел на избушку. Раньше она была высокой — Андрей под свой рост рубил ее, — а теперь ушла вниз. Потолок — в полбревна колотые плахи — прогнил и провалился в середину. Но три стены стояли, возвышались над снегом; черные бревна сцепились в углах связями и держали друг друга.

Маслов снял мешок и достал топор. Он свалил небольшую — в две руки толщиной — сушинку, порубил ее на дрова. Делал это быстро, что-

Картошка сорок четвертого

**Владимир
БЛИНОВ**

*Рисунок
С. Сухова*

Гошка с Лялькой бегали по улице, играли в ляпы.

— Лялька, ты на будущий год — в школу?

— Конечно! Чур-чурок, я не игрок! Гош, сви-
стни Володьку.

А Володька уже выбегал из ворот, размахи-
вая над головой вицей, как саблей.

Стояла теплая осень. Листья, как золотые
огромные звезды, тихо осыпались на тротуар,
ложились на дорогу, на крыши. А в канавах их
столько накопилось, что можно было, играя в
партизан, зарыться с головой и поджидать
противника. А можно было просто лечь на спи-
ну и смотреть, смотреть в серо-голубое небо
сквозь редкую сетку облетевших кленов и то-
полей.

Низко-низко шел У-2. На его крыльях были
нарисованы гордые красные буквы «СССР». Са-
молет летел так низко, что виден был летчик в
желтом кожаном шлеме и больших пилотских
очках. И тогда ребята, позабыв игру, начали
подбрасывать вверх фуражку и пилотку, засви-
стели, закричали, погнались за самолетом.
А когда самолет скрылся за заводскими корпу-
сами, за каланчой, за парком, они, запыхав-
шись, враз остановились, уставились на незна-
кого человека.

Человек этот нес пустой зеленый солдатский
вещмешок и лопату.

— Смотрите, смотрите, — затараторила Ляль-
ка, — картошку хочет найти.

И правда, человек положил в борозду вещ-

мешок, снял ремень и принялся перекапывать газон возле дома, где жили ребята.

— Говорю вам, что он картошку ищет, — опять зашебетала Лялька, — только шиш найдет, Ярцевы, когда убирали, сами два раза перекапывали.

— Да молчи ты! — цыкнул на нее Гошка.

А человек все копал и копал. Шинель без ремня моталась на нем, как на палке. Впалые щеки были серыми от щетины. Он часто уставал, видно было, что правая рука у него не в порядке. Он морщился от боли и снова давил сапогом на лопату. Иногда он наклонялся и выбирал из комьев несколько маленьких, чуть побольше горошины, картофелин и бросал их в мешок.

— Голодный сильно, — проговорил Гошка, — откуда это он?

— С фронта, наверное, добирается, — сказал Володька.

— Дезерти-и-и-р, — шепотом пропела Лялька.

— Сама ты дезертирка, не видишь — раненый, — оттолкнул ее Гошка.

Человек повернул к ребятам усталое лицо, по-доброму улыбнулся и вытер пилоткой лоб.

— Ну, что, пацаны, как житуха?

— Нештяк, дядя, — сказал Гошка. — Нынче картоха выросла, жить можно. Вот Гитлера победим, тогда, мамка говорит, и хлеба всем прибавят.

— А мы в школу скоро пойдем, — сказала Лялька.

Военный прислонился к столбу и закурил самокрутку.

— Молодцы, ребята, так и думать надо. Добьем фашиста — заживем! А я вот подремонтировался в госпитале в вашем городе. Теперь на две недели домой, а там — снова на фронт, гнать гадов.

— Дядя, а у вас какое ранение, среднее или тяжелое? — спросил Володька.

Военный расстегнул верхние пуговицы гимнастерки и отогнул ворот.

— Ух ты! — в голос сказали ребята, разглядывая бело-розовые шрамы на шее и под ключицей раненого. А Лялька даже отступила немного назад.

— Вот так, — снова улыбнулся он, — сами и судите — тяжелое или среднее. Мне бы вот до Крупихи добраться, а там уж до дому пешком добегу... Был у меня сухой паек на дорогу, — как бы извиняясь, добавил он, — да мы тут с одним майором на прощанье закусили. Остатки ему отдал. Ему, будь здоров, до Тюмени добираться. Дома его двое ребятешек ждут. Я думал за пару дней доеду на попутных, да не получилось, вот и приходится... Ничего, спички да махорка есть...

— Дяденька, давайте мы дома попросим, принесем вам картошки, — сказал Володька.

— Отставить, — посерьезнел военный, — добудем сами. Ну ладно, пацаны, идите играйте, а я вон на том участке еще попробую.

— Чур, не я ляпа, — пискнула Лялька и бросилась наутек.

Володька с Гошкой погнались за ней, догнали. И собравшись в тесный кружок, ребята о чем-то зашептались. Потом они живо разбежались по домам, а минут через пять незаметно, пригибаясь, перебежками и ползком стали пробираться к куче ботвы возле угла квартала. Карманы их телогреек были оттопырены.

Раненый тем временем копал газон за газоном.

Незаметно взрыв пальцами ямку в гряде, Гошка, Володька и Лялька высыпали в нее розовые и желтые клубни и быстро разровняли землю. Спрятавшись за огромной ботвяной кучей, они стали ждать.

— А вдруг он устанет?

— Ну и что, отдохнет, дальше будет копать.

— А вдруг он не дойдет до этого газона?

— Может, лучше подкрасться и в мешок ему сунуть...

— Надо было еще соли завернуть в газетку и зарыть вместе с картошкой, — предложила Лялька.

— Ну ты даешь! Он же сразу догадается, что это мы!

Человек тем временем уже переходил на участок, где ребята приготовили для него картофельный клад. Он закурил, затаился, подумал, завязал мешок. И подпоясался ремнем.

И тут он заметил на грядке небольшой бугорок. Он ковырнул его сапогом, потом взял лопату и... Десятка полтора крепких, как поросята, картофелин вывалились с лопаты вместе с синеватым черноземом.

Солдат выпрямился, огляделся, хмыкнул, положил картошку в вещмешок и пошел в сторону тракта. Он шагал и шагал. И вдруг резко оглянулся.

Володька и Гошка едва успели сдернуть с кучи Ляльку.

Солдат еще мгновение постоял и решительно пошел к югу, в свою Крупиху.

На ПОКЛОН К Савчуку

**Владимир
БАЛАШОВ**

*Здравствуйте, уважаемый
Владимир Филиппович!
Какие у вас впечатления
о Смоленщине?
Напишите нашим ребятам.
Сейчас у нас дожди, грязь —
настоящая смоленская осень.
Неделю назад
мы с ребятами ходили
еще дальше на север, за те дали,
которые вы видели.
В сорок первом там были большие
бои. В траншее мы нашли
командный пункт (наверно, батарею).
Представьте себе: ничком, убитый,
лежит красноармеец-связист
(на плечах — катушка с проводом),
опрокинут телефонный аппарат;
лежит с трубкой в руке лейтенант
(у него целы кубики, наган,
есть остатки истлевших документов),
еще один боец — с опустошенной вин-
товкой... Кости, ремни, каски,
оружие, медальоны...
Такие у нас места —
и героически прекрасные,
и глухие до края.
Героев
мы торжественно захоронили.
До свиданья.
Директор
репинской средней школы
В. А. Сальковский.*

1.

Роман Александра Савчука «Так начиналась жизнь» мне памятен с детства. Он на одной полке со «Школой» Гайдара, с «Моей школой» Бондина. Я отчетливо помню эпизоды этого яркого романа о гражданской войне, считавшегося у нас уральской «Как закалялась сталь».

Погиб Александр Савчук на Смоленщине, в Отечественную. Прав Константин Симонов: смерть от болезни на фронте — тоже воинская гибель... Деревенские женщины-смолянки в сорок третьем зачастую хоронили в холстинах в общих могилах; для Савчука они распилили стояки единственных уцелевших ворот и похоронили его в гробу...

Задумав писать о Савчуке, я должен был прикоснуться к его книгам, очеркам, статьям, чтобы приоткрыть его изнутри. И к воспоминаниям людей, которые знали Александра Савчука.

...Рассказанное о Савчуке Ольгой Ивановной Марковой. Перед войной пережила она трудные дни: не жаловали критики, да и в Союзе писателей создавалась обстановка для нее нетерпимая. Савчук посоветовал:

— Поезжай к себе в свою Новую Утку, Оля.

Ольга Ивановна так и сделала. Места детства перетряхивают нас, лечат. Жила в Утке, писала, отходила от несправедливостей. Однажды гуляла в лесу. Смотрит: идет Савчук. Ружье за плечом, улыбается: — Понимаешь, заблудился! Ходил-ходил и вот...

Поговорили они с час, не более. Но Ольге Ивановне хватило и этого, чтобы жить, работать спокойно и долго.

От вдовы писателя, Людмилы Семеновны Савчук, знал я, что он похоронен в деревне Батурино. Хотя об этом Людмила Семеновна говорила не очень уверенно: двадцать один год назад была она с сыном Валериком на могиле Савчука, с тех пор не пустила ее больше в поездку тяжелая болезнь.

Я собрался в путь, запасшись двумя-тремя адресами. И еще деньгами на венок — от уральских писателей и от Людмилы Семеновны...

2.

Древний город Смоленск. Он — как повесть о страданиях и мужестве русичей давних и не очень давних лет, как священная хоругвь отгремевших битв, как величавый гимн во славу русского оружия, русского зодчества, русской души.

Есть с чего записать памяти. «Смоленскому архиепископу Сергию, воеводам Михаилу Шеину, князю Петру Горчакову, доблестным вои-

нам и погибшим под развалинами взорванного древнего Монахова собора 3 июня 1611 года гражданам-мученикам ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ. Упорным сопротивлением Смоленск задержал поляков, дал возможность собраться всей великой Руси и тем самым спас Москву и все государство в смертную пору...»

Поражаюсь великолепию алтаря в Успенском соборе, где сделана эта надпись. Узнаю, что икона Смоленской богородицы выносилась в войну перед Бородинским сражением; на нее смотрел Кутузов и безвестные рядовые солдаты русской армии, доказавшие в битве право называться непобедимыми. Делает ли нас память о давних событиях лучше? Не знаю. Но беднее, если мы о них не думаем, — делает.

Смоленск — страж государства российского.

Смоленск — ключ к Москве. Первые гвардейцы Советской Армии прославили себя на Смоленщине.

...В облвоенкомате, в четвертом отделе, подали мне большой печатный альбом. Нахожу букву «с». Вожу пальцем, бормочу, чтобы и языком застолбить находку: «Савчук». Даты рождения, даты гибели... Савчук Арсений Кириллович. Савчук Владимир Захарович. Савчук Иван Васильевич. Савчук Иван Михайлович... Одиннадцать их — занесенных в списки, погибших на Смоленщине Савчуков.

Савчука Александра Федоровича — родился в 1905, погиб в апреле 1943-го — в списке нет.

— Такого быть не может!

— Наши списки составлены на основании юридических документов. Со слов здесь никто не внесен. Хотя вот фамилия одного солдата была написана на бочке — внесли...

— Да как же... Известный писатель... И жена указывает: на Смоленщине он похоронен, фотографии могилы есть.

— Где, говорите, он похоронен?

— В Батурино.

— Холмжирковский район. Пождите... Майор Пискунов, военком холмжирковского военкомата, сейчас здесь, на совещании, если не уехал...

В приемной облвоенкомата среди расходящихся военных по описанию угадываю райвоенкома из Холмжирок.

Пискунов из тех людей, рядом с которыми сразу становится как-то надежно. Кстати, это ощущение надежности охватывает меня более всего среди военных. Волнуясь, рассказываю ему о Савчуке.

— Батурино в нашем районе, но списки убитых и у нас те же, что в областном военкомате. А вы вот что — приезжайте к нам, там и посмотрим вместе.

Вторую половину дня я потратил на то, чтобы купить венок. Куда там!.. Тридцатилетие освобождения

Смоленщины — ни одного венка. Посоветовали съездить в цех комбината бытовых услуг — там тоже венки на торжества делают. И точно — нашелся для меня один.

3.

Всю дорогу до Холмжирок венки с черною лентой стоял прислоненный к задней двери автобуса, не открываемой поэтому на остановках. Я тронут молчаливым вниманием шофера и терпением пассажиров, вынужденных выходить только в передние двери. Наверное, думают, что я еду на живую смерть, на свежие похороны. Для меня, впрочем, это так и есть.

С удовольствием прислушиваюсь к разговорам в автобусе. Смоленский говор для уха уральца непривычен.

— Покрашело на душе...

— Лянок...

— Не жилец он, по рукам вижу.

— Яблоня с одной стороны померла, а с другой плодит...

— Ровчина...

И часто употребляемое слово «было».

В райкоме партии в Холмжирках мы прошли с майором Пискуновым в кабинет секретаря райкома Михаила Максимовича Калинушкина. Очень ему фамилия эта подходила — как говорят, «личила» хозяйну. Невысокого роста, светлорус, нос с горбинкой, глаза голубые... Рассказываю о цели приезда. Глаза секретаря темнеют, от волнения у него даже ворсинки на лице поднялись:

— Такой мужик где-то в наших краях погиб, а мы не знаем?! — словно бы винит себя, хотя ни в чем не виноват. Снял трубку, звонит в редакцию газеты:

— Александр Ильич, ты? Тут к нам писатель приехал с Урала. Помочь ему надо, подходи — обдумаем, как.

В райком комсомола позвонил: — Саша, зайди, есть дело.

Скоро оба Александра были в кабинете Калинушкина: Саша Большой (секретарь райкома) и Саша Маленький (газетчик). Саша Большой на своем комсомольском газице взялся подвезти меня и Сашу Маленького в Батурино, где, по словам Людмилы Семеновны, похоронен Савчук.

...Леса, ровнины (равнины) и поля, поля, поля... Сентябрь. Осень дает о себе знать опаленными осинами, пожелтевшими березами.

Сию рядом с Сашей Большим (Александром Моисеевым). Сзади, управляя печально дребезжащий венки, сидит Саша Маленький (Александр Мельник). Разговоры идут о партизанах Смоленщины, о страданиях смолян.

— Немцы сожгли в Ярополье, в подвале, двести человек...

В Батурино, на страдном картофельном поле, мы отыскали среди школьников учителя-старожил. Он долго рассматривал пожелтевшую фотোগрафию:

— Такой могилы у нас нет.

Поехали в мехмастерские. Собрали рабочих. Одного из них — Федора Александровича Перегонцева, однорукую фронтовика — я сразу заприметил: от присутствия этого человека опять возникло ощущение надежды.

— Нет... Нет в Батурино такой могилы.

— Может, разрушаются могилы?

— Постой, вроде (он назвал село) я такую видел.

— Нет, у той коколь другой.

— Вот что, — посоветовал Перегонцев, — поезжайте в Богомолово. Там братская могила, перезахоронение, мемориал. Может, там повезет.

Увы, не повезло.

На мемориале фамилии Савчука не оказалось. И сплетки — разговоры, значит, — не помогли. Показывали старухам фотоснимок: не признали они могилу за местную. Съездили еще в Хотино, откуда решили возвращаться в Холмжирки.

Большее всех огорчился майор Пискунов:

— Как же это?.. А знаете, что думаю: надо дать телеграмму жене Савчука. Пусть сообщит по похоронной место захоронения.

Так я и сделал. Отправил телеграмму в Свердловск — уточнить не мешает.

4.

Проснулся я от пастушеского рожка — зазывно-тягучего рожка, ведущего в утренний туман коровье стадо.

В этот день пришла уточняющая телеграмма из Свердловска: «Савчук похоронен деревне Суховарино Батуринского района».

Калинушкин даже огорчился:

— Не у нас... Суховарино теперь, по новому делению, к Ярцевскому району относится.

Оба Саши были тут же, в кабинете. Я чувствовал себя так, будто обделил холмжирковцев чем-то дорогим.

...И снова в автобусе приглядываюсь-прислушиваюсь к попутчикам. Речь селян, более чем городская, сохранила корневые особенности языка. В речи смолян есть украинизмы, они гакают и опять повторяют свое «было».

«Было», «не было»...

«Было» — звучит как-то законченно. Слово кануло содеянное, прожитое, оставаясь при этом и в прошлом столь же весомым и действительно прожитым. Нравится мне это «было» — очень!

Да только ли «было».

— Няж он из нашей деревни. (Не из нашей, значит.)

«Заикастый». «Ранетый»...

Вспоминаю стихи Ахматовой о войне, об обете воинов сохранить русскую речь. И она сохранилась, пройдя через иноземные нашествия и беды, — наша русская речь! Есть какая-то осязаемая связь нашего языка, его строя с каменными творениями Юрьева монастыря, что под Новгородом, с Москвою-рекою, с Тобольским кремлем... Связь осязаемая и гулкая.

...В Богомолово нас с Сашей Маленьким усаживают на «скорую». Военного еще времени, крытую грузовую санитарную машину. На душе у меня при виде этого боевого грузовичка стало легче.

Шофер изредка поглядывает на небо. Молчит. Молчим и мы. Наконец шофер, обдумав что-то, коротко бросает:

— Можно сократить километров двадцать пять, если ехать не кругом, а через черногрязку.

Видавший виды грузовичок надолго останавливается на проселочной, еще не раскисшей от дождя дороге. Влево съезд в хлюп и черную жижу, перемешанную не одной буксовавшей здесь машиной. Вот она — черногрязка.

— Попробуем? — заглядывая в глаза шоферу, зная, что дело аховое.

Шофер, отводя глаза, посмотрел вперед, вылез из кабины (оказался он невысоким и щупленьким) и ушел, цепляясь за кусты, вперед через грязь. Вернулся не скоро, хлюпя сапогами у обочины черногрязки. Достал помятую пачку «Прибоя». Стоя у машины, не спеша, смакуя каждую затяжку, выкурил папироску — бросил окурок в грязь, натянул замасленную фуражку, поелозив ею по голове, и одним махом сел за руль.

Мотор взвывал и переходил на предельные обороты. Шофер впился руками в баранку и напрягся, будто сам толкал машину. И снова думалось о войне...

Позже Сальковский, директор сельской школы в Репино, скажет:

— Надо ставить памятник? Зажмурьтесь, повернитесь в любую сторону, наугад рукой укажите — и ставьте. Не ошибетесь! Каждый шаг, каждый метр земли полнит не однажды кровью...

Какой бы безымянной ни была высота, перекресток дороги — Хотино или Засижье, Ольховка или Ляды — это рубеж свободы или гибели. В Дроздово закапывали в силосную яму живых пленных, не сдавшихся красноармейцев из сводной дивизии Болдина. Один из них, уже засыпанный, хрипел: «За Родину...»

Мы выиграли часа два на дороге в Суховарино. Одоление черногрязки переменяло шофера. Он стал оживленнее, вслушивается в наш с Сашей Маленьким разговор. Я на-

зывают две-три фамилии, вспоминаю Тимошенкова — бывшего предриком Батурицкого райсовета, которому Людмила Семеновна в свой приезд подарила роман Савчука издания 1949 года. Где он сейчас?

— Товарищ писатель! Вы говорили про адреса, — впервые вошел в разговор шофер. — Так я вам советую — не ходите по ним, езжайте сперва в магазин. Люди скажут...

Перед самым Суховариним, справа от дороги, установлен бетонный памятник. «Здесь в феврале 1943 года немецко-фашистскими захватчиками зверски расстреляны группа советских граждан».

Война чудовищна тем, что люди привыкли к возможности смерти, к самой смерти, к смерти сотен подобных им. В самое обыденное превращалось самое преступное... Одна смолянка, перенесшая неметчину, говорила:

— Ночи не спишь, трясешься. За услышанный выстрел немцы наших людей десятками расстреливали... Старуха одна на них стирать отказалась: нелюди, дескать... Замучили ее. И ведь уже не плачешь: расстреливают — ну что ж, будто так и надо. Кляп его знает, как выжили...

Холодная, словно железная, лента шоссе идет мимо Суховарино. Справа от нее — избытый дождями, немало послуживший людям бревенчатый с крыльцом магазинчик.

В магазине и правда народу порядком. Мы с Сашей Маленьким здороваемся и сразу — за дело.

— Скажите, пожалуйста, эта фотография кому-нибудь что-нибудь говорит?

Берут фотографию, рассматривают.

Высокая, метра в два, старуха в ватнике, который ей мал, вскрикивает:

— Так это же могила Саучука!

— И верно...

— Саучука могила! Вон около пирамидки Володька Ковалев стоит. Нашел! Нашел!! И тут же... потерял.

— Только перезахоронили Саучука, — говорит все та же высокая громкая старуха. Она, видно, среди суховаринских коноводит.

— Куда?

И тут начался гвалт, не знаю, кого и слушать.

— В Ляды.

— В Богомоллово!

— Не, в Репино...

— В Репино.

— В Ляды!

Одно понимаю: Савчук и точно перезахоронен.

— Савчук ли? — спрашиваю, чтобы окончательно убедиться.

— Саучук! Корреспондент. Военный.

Вот так все сходится, и все надо начинать сначала.

— Стойте-ка, — ставя точку над

спорами, говорит старуха-коновод. — Три перезахоронения было? В какое Саучука перенесли?

— В первое.

— Выходит, в Репино.

— Да в Ляды же!

— В Лядах я был, и в Богомоллово искал. Не нашел.

— А вы сын ему?

— Нет, не сын. Писатель, и писатели меня послали.

— Не сомневайтесь, товарищ писатель, в Репино он, — говорит высокая старуха. — Тут рядом. Найдете там, товарищ писатель, Марию Филиппову, председательшу. Она Саучука и переносила. Сама. Останки его, значит...

— А старую могилу можно посмотреть?

— В мошке она, тут недалеко.

— Фроська и покажет, — указывают на высокую.

— Ефросинья Константиновна Александрова, — подает та мужскую руку.

— Александриха, — уточняют бабы.

За Александрихой увязался показать могилу белоголовый крепкий старик. Мошок (наверно, от слова «мох») — колок в низине справа от дороги. Ивовые кусты, небожий тальник. Где-то дальше среди них, когда присмотришься, виднеются давние деревянные кресты.

— Без памяти он умирал. Бредил, бился, — рассказывает Ефросинья Константиновна. — Когда его хоронили, то гроб-то на двух табуретках стоял. Я была любопытная... Как люди идут к Саучуку сюда — пионеры ходили в май да в ноябрь, взрослые — и я за ними. Могила на низком месте, водою заливало. А не заброшена была могила, нет.

Стоим, обнажив головы. Молчим. Думается, очень мало, чтобы жизнь таких людей, как Савчук, осела только в экспонатах, в воспоминаниях. К этому должно быть прибавлено еще что-то. Наверное, неприятное ощущение его как живого... Важна живая память о павших, о погибших, живая память о войне — память живых об ушедших...

Мне приходит в голову мысль: — Ефросинья Константиновна, тут вот жена Савчука деньги на венок дала. Венок у меня уже куплен. Возьмите-ка эти деньги и помяните Савчука.

Безотказно, просто старуха свернула десятку до мелкого квадратика, упрятала в самодельный внутренний карман старого ватника.

— Не сомневайтесь... Баб в магазине соберу. Скажу, что вы деньги дали.

5.

В коридоре сельсовета в Репино слышу, как женский голос распекает кого-то:

— Полеводы управились до непогоды. А как скоту зимовать? Тринадцать тонн комбикормов позанапасты не лишку — давайте машин!

Двое мужчин, давненько посмеиваясь, вышли из кабинета. Мария Павловна Филиппова, председатель сельсовета, — смуглая, красивая, глаза как черные угольки (смоляне говорят: «угольки»). Представляюсь, рассказываю.

— Верно, — Мария Павловна, еще не остывшая от горячего спора, притихает вдруг. — Своими руками перезахоронила Савчука. При военкомате Хоменко Василии Сергеевиче. У нас столько хоронили, что и не скажешь, а по именам известных — всего 102—103 человека...

Горькая складка на переносице говорит, что и сейчас нелегка ей мысль о том времени.

— Ставили бетонный памятник, солдата с автоматом... В плащ-палатке. Увидите завтра. Дни и ночи возле рабочих была. А ушла обедать — они и поставили его... Низко поставили. Постамент на высоте оградки — куда годится? Не поверите, я с расстройства даже заплакала...

Помня о четвертом отделе Смоленского областного военкомата, пишу:

— Напишите мне справку о том, что Савчук здесь. Надо...

Вот она, эта горькая справка. Штмп. Текст: «Справка дана состоящая в том, что военный корреспондент Савчук Александр Федорович, погибший 13 апреля 1943 года в д. Суховарино Крапивенского с/совета Ярцевского района Смоленской области (похоронная от 5 июня 1943 года), перезахоронен в братскую могилу в д. Репино Крапивенского сельсовета Ярцевского района». Круглая печать. Подписи.

— Хоменко нынче военкомат Заднепровского райвоенкомата Смоленска — к нему обратитесь, если что. А лучше акт о перезахоронении найти в Ярцевском райвоенкомате. Акт — это все...

Делаю заручку в уме.

Я прощаюсь с Сашей Мельником, выбегаю в сумерки, чтобы пожать руку шоферу. Кажется, Нилычем его зовут.

Савчук познакомил меня со многими людьми, без которых более я уже не могу теперь представить себе родину.

...Я иду к нему по первой изморози, оставляя в голубеющей траве продолговатые следы. Иду к кладбищу.

Я понимаю слезы Марии Павловны: и верно, памятник поставлен низковато. Но, может, я это замечаю, поскольку знаю всю его предысторию, а другие могут и не заметить.

Вот она, могила. В каком углу ее лежит Савчук? Я не спрашиваю. Это — братская могила.

Фрол Мефодьевич Тимошенко — теперь председатель комитета народного контроля. Беда: живет далеко, в Мирополье. Каков он — этот легендарный командир партизанского отряда, говоривший в свое время: «Большие леса — партизанская зона?»

Тимошенко приехал в Репино сам. Я подробно записал его рассказ о партизанском житье-бытье.

— Пришла пора и нам в леса уходить. Еще задолго до отступления назначен был я командиром партизанского отряда. Записали родных на чужие фамилии и — в глубинку, в тихую деревню отправили. А был у нас один лишенец из кулаков. Хоть не кричали мы об эвакуации семей, да в селе что скроешь... Ребята из отряда указывают мне на лишенца:

— Фрол, беды бы с ним не вышло.

— Что ж делать... Грех на душу брать? Он свое отсидел.

— Смотри, тебе видней.

Вместе с другими партизанскими семьями отпавил, значит, и я свою: старшего брата, жену, двух девочек, сына Володюку. Пацан еще... Отправили. Воюем... Немцев шевелить стали чаще и чаще, те позоглядывались: кто им солит? Узнали как-то... Объявления стали развешивать. За поимку бандита Тимошенкова в награду марки обещают и корову. Обеща-айте... А мы воюем, огонь на огню! Немцы метаются, ищут нас; ну, а мы-то у себя, нам каждое дерево — опора, ровчина — приют. И подслушал наш радист немецкие разговоры по проводу: «Бандит Тимошенков расстрелян вместе с семьей». Смеюсь: как это расстрелян, когда вот он я? А забота овладела меня крепко — уж не худо ли с моими? Посылаю нарочного в то село, где семья под чужой фамилией живет. Нарочный возвращается, в глаза не смотрит. Мнется. «Прямо говори», — приказываю. И всё узнал.

По указке лишенца — он к немцам в активисты записался — мою семью забрали и кого в чем увезли ночью. Куда? Никто не знает... Снарядил я подводу, двух партизан взял на понски. Знаю уж, что не живы. Немцы зря радоваться не будут. В само село, где лишенец, мы не заходили — там каратели стояли. А вокруг всё изъездили. День искали, никаких следов. И уж возвращаться я велел, да вижу: у реки из-под снега край шубейки по ветру бьется. Я туда... Откапываю... Мои. Все... И брат, и жена, и девочки, и Володюка младшенький. Девчонки в исподнем, а у Володюки глаз вырван, висит глаз... Муки приняла какие, вообразить невозможно... Поднялся я, махнул рукой подводе, и

уж ничего потом не помню. Очнулся от того, что кто-то мне в рот снег толкает. Ну, что тут... Мы всех на подводу, прикрыли кошмой — да в наши края. Похоронили по-людски.

...Мы идем с Тимошенковым на встречу со старшекласниками в репинскую школу. Парторг Буянов идет за нами, несет венок. Фрол Мефодьевич Тимошенков носит гимнастерку под курткой. Идет он — высокий, сутуловатый, неулыбчивый: на нем до сих пор тень войны.

В школе все внимание — на меня, а Тимошенков вроде свой, к нему отношение добродушно-ироническое. Неловко мне, когда ребята посмеиваются: «Народный контроль пришел...»

— Свой Фрол Мефодьевич, — оправдывается и директор Сальковский. — Примелькался...

— О делах его, о судьбе ребята знают?

— Понаслышке.

— На встречу его с ребятами приглашали?

— Да знаете, как-то все думаешь, что тут он, под боком, успеется еще...

— Да как же так-то? Легендарный ведь человек!..

— Даю вам слово: встречу проведем.

Прошлым всю жизнь не проживешь, вот и девальвируется у ребят от обыденного общения с героями отношение к их поистине героическому прошлому. Приоткрыть близкое порой труднее, чем открыть дальнее. Савчук — мертвый, а Тимошенков — живой, и такой привычный...

Ребята впервые в жизни видели «живого писателя», да и разговор мой был ожидаемый.

— Я привез вам в подарок, ребята, книги уральского писателя Александра Савчука, похороненного в братской могиле, что в ста шагах от вашей школы. Кто он, погибший Александр Савчук?

У меня в записной книжке — весь жизненный путь Савчука, и я рассказываю о нем ребятам.

1905 год — родился в семье железнодорожного машиниста.

1917 — попадает с семьей в Сибирь.

1920 — комсомолец, едет с отрядом ЧОНа на Дальний Восток, участвует в боях за Волочаевку.

До 1926 года служит в органах ГПУ. Работает в Новороссийске, Краснодаре, Ростове. Литературная деятельность в журнале «На подьеме».

1934 — Урал.

1936 — роман «Так начиналась жизнь».

1939 — роман переведен на французский язык.

1941 — записался добровольцем в Красную Армию. Политрук роты народного ополчения. Литсотрудник агитпоезда. Военкор фронтовой га-

зеты «Сын Родины». Медаль «За боевые заслуги».

В 1943-м умер, за два года до Победы.

1969 — бюро Свердловского обкома ВЛКСМ присудило (посмертно) писателю Александру Савчуку премию за книгу «Так начиналась жизнь», которая стала помощником комсомола в воспитании молодежи.

Он был военным писателем. Не сомневаюсь, он написал бы роман о новой войне — о фронте и тыле, которые он знал одинаково глубоко. Он — имевший на это право, человеческое и партийное.

Медленно, молча мы идем от школы к братской могиле. От каждого класса — по пять человек, лучшим доверено нести венок. Этот венок мы с Тимошенковым прислоняем к внутренней стороне невысокой металлической ограды, недалеко от солдата в плащ-палатке, с автоматом на груди. На черной ленте надпись: «Александру Федоровичу Савчуку — от уральских писателей».

У магазина ждали две новенькие пятитонки.

— Владимир Филиппович, — подбежала ко мне Мария Павловна, — машины с картошкой в Ярцево идут... До военкомата до самого доведут вас... — и смотрит конфузливо, мол, гостя выгоняет.

Решаю прощаться с Репино.

— Мария Павловна, а в магазин попасть можно?

Магазин закрыт. Мария Павловна заходит с другой стороны и смеется:

— Хороши хозяйка: гость угощает... Надо уж тогда в сельсовет пойти, что ли.

— Не судьба!

В магазинчике набочке расставлены четыре стакана, открыта банка консервов.

— За Смоленщину!..

Тимошенков кивнул неулыбчиво. Закусываем мочача:

— Ты дай-ка мне свой адрес, — бросает Тимошенков.

Самое дорогое из всех «ты», услышанное мною за жизнь.

Прощание было коротким. Я видел из машины, как долго стоял у крутого магазинного крыльца высокий сутуловатый старик... Думал о нем, о его человеческой горькой судьбе и доказанной всей его прожитой жизнью надежности.

Вернувшись в Свердловск, я получил письмо от Константина Симонова, которого просил прочитать мою пьесу о Савчуке. Симонов знал его и помнил. Они познакомились в Ялте, а когда Симонов возвращался с Халхин-Гола, он останавливался у Савчука.

«Уважаемый Владимир Филиппович!

Получил Ваше письмо и пьесу. Прошу не обижаться на меня, но я не смогу прочитать пьесу, дать Вам советы. У меня неблагоприятно обстоит дело со здоровьем, вот и сейчас диктую это письмо, лежа в больнице. Врачи разрешают мне работать очень ограниченное время, а я вынужден почти целиком тратить его на книгу, которую пишу и которую мне хотелось бы довести до конца. 6.V.79. Уважающий Вас Симонов.»

Не от болезни умирают фронтовики. Их тихо доканывает война.

Но Симонов успел помочь Валерию Савчуку — сыну писателя — в установлении на братской могиле в Репино памятной бронзовой доски, которую отлили для Савчука в торжественную рабочую смену комсомольцы свердловского завода им. Калинина.

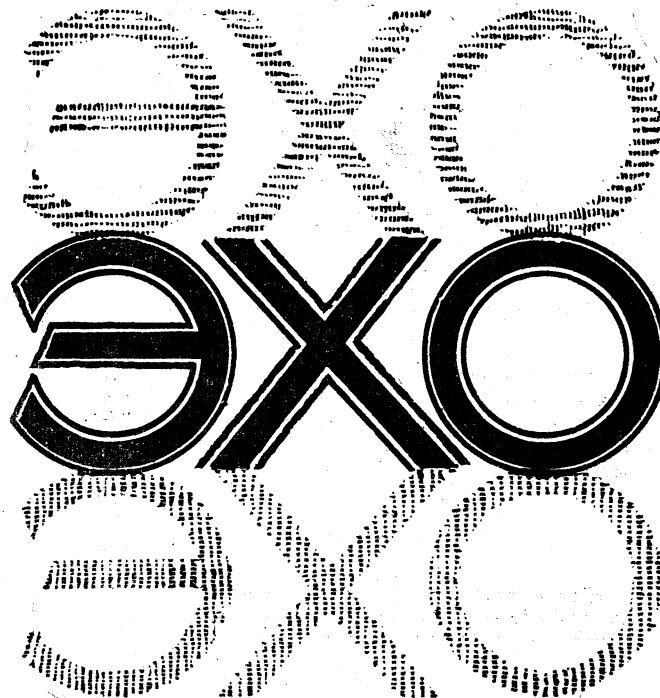
Теперь о Савчуке на Смоленщине знают.

...Я благодарен ему за многое. Но более — за то, что, разыскивая его следы, прикоснулся к горю, мужеству и совести моего народа.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Уважаемая Людмила Семеновна!

С сердечным приветом к Вам Александра Ефросинья Константиновна. Это та, с которой познакомился Ваш товарищ Балашов, когда был у нас в д. Суховарино. Вашу просьбу я выполнила. Не знаю, или он от себя, или же Вы давали десять рублей денег. Я их потратила на помин. Взяла вина, печенья, пряников и 1 кг конфет. Народ собрался и выпили, и помянули Савчука на том месте, где стоял памятник. Помянули, посидели, поговорили и заплакали. Если Вам будет возможность, приезжайте к нам, сразу ко мне. Что будет, но обижены не будете. До свиданья. Что могла, всё сделала. Ефр. Конст. Александрова.»

Ровно год назад в «Уральском следопыте» были опубликованы письма зарубежных ребят, пришедшие в клуб интернациональной дружбы «Эхо» свердловской школы № 2. А письма-отклики на эту публикацию все идут... Весь год пишут в редакцию журнала и в адрес клуба «Эхо» ребята, которые тоже хотели бы переписываться со своими сверстниками из-за рубежа.

Отвечаем им всем сразу.

«Я никак не могу понять, каким образом в клубе «Эхо» ведут переписку со столькими ребятами из-за рубежа. А мне это очень интересно, да и всем ребятам, наверно: я — не исключение. Очень люблю получать письма и мечтаю найти друга за рубежом».

Ольга ПОРОШИНА, 9 класс,
Иркутская область.

«Хочу переписываться с ребятами из других стран, только на русском языке».

Света КОМАРОВА, 5 класс,
Алапаевский район Свердловской области.

«У нас в школе есть такой клуб, но туда принимают только учеников 8—9—10-х классов. Я учусь в седьмом, изучаю немецкий язык, знаю его на «пятерку».

Марина КАВЕРИНА,
г. Рудный Кустанайской области.

«Я очень хочу с кем-нибудь переписываться, хотя я живу очень далеко. Передайте, пожалуйста, мое письмо в клуб «Эхо».

Инна ТЕРЕЩУК, 6 класс,
с. Нежино Приморского края.

«Сейчас очень сложные отношения между Советским Союзом и США, и мне хотелось бы внести свою «каплю в море» в борьбе за мир во всем мире».

Ольга КОЧЕРГИНА,
Челябинск.

«Такие клубы, как «Эхо», организуются обычно при школах. А более взрослым где взять адреса?»

Студенты индустриального института,
г. Павлодар.

«В начале года мне дали адрес одного мальчика, который живет в Польше. Я написал ему два письма, но ответы на них не пришли. Может быть, я ошибся, когда заполнял конверт? Напишите, пожалуйста, как надо оформлять конверт, какие наклеивать марки, поподробнее».

И. САВЕЛЬЕВ,
Красноярск.

«Поговорив с ребятами из класса, мы решили написать в журнал, чтобы он нам выслал адрес зарубежного друга или посоветовал бы, как найти друга за рубежом».

Седьмой класс
Юбилейной средней школы,
пос. Пирогово Удмуртской АССР.

«Нас очень удивили письма, пришедшие из-за рубежа, — как мало ребята в капиталистических странах знают о нашей стране!»

Люда САЛИЕВА, Оля РОМАХИНА,
Алексей ЧИСТЯКОВ, Владислав
ДОЛОТОВ, г. Калуга.

«Мы, ученики 6 «б» класса, просим прислать адрес мальчика из Софии и адрес норвежца Джона Магне. Адреса присылайте письменной!»

Саша ПУШКАРЕВ, Саша ГУМИРОВ,
Хабаровск.

«Я считаю, что это очень интересное дело. Очень здорово — иметь друга за горизонтом! Почта идет долго, и о друге ты имеешь представление только по его письмам... Друг за рубежом представляется мне чрезвычайно хорошим человеком. Ответьте мне на вопросы:

С какого класса принимают в КИД?

Обязательно ли учиться на «пятерки», чтобы быть участником переписки?

Обязательно ли писать на другом языке? Я по-английски изъясняюсь не совсем свободно, а если сказать правду: самое-то необходимое — и то не знаю. Но со словарем я всемогущ!»

Андрей РЫЖКОВ,
Копейск.

«У нас в поселке нет клуба интернациональной дружбы. Я и моя подруга Лена Мокеева хотели бы переписываться с нашими ровесниками из Болгарии».

Люда МИТРИКИНА, 4 класс,
Новосибирская область.

«Мы узнали из Вашего журнала, что ребята пишут на родных языках, в том числе на английском, который изучает весь наш класс. Это еще больше подбавило нам желания переписываться».

12 подписей,
Свердловск, Уралмаш.

«Мне шестнадцать лет. Учусь в девятом классе, изучаю французский язык, увлекаюсь органной классической музыкой, живописью, учусь играть на гитаре, очень люблю читать и петь. Я тоже хотела бы переписываться с зарубежными ребятами».

Саня ФАЛЯХОВА,
Пермская область.

«Мне пятнадцать лет, я комсомолка. Наша школа носит имя В. И. Ленина. Поселок Аксук, где я живу, —

моя родина, здесь я родилась и учусь. Поселок городского типа, все улицы зеленые. У нас есть детская станция, кружки, музыкальная школа. В каждой школе — спортивные залы, и есть общий городской спортзал. Мои родители — ударники коммунистического труда, я ими горжусь. Отец воевал в Великую Отечественную войну, мама работала для фронта. Я хожу в физический и литературный кружки. Очень хочу переписываться с Пиллатом из г. Триполи (Ливия). Если можете, напишите мне его точный адрес».

Тоня ПОДЛЕГАЛОВА,
Джамбульская область.

«Меня зовут Олег Пономаренко, мне двенадцать лет. Меня заинтересовала статья о клубе «Эхо». Я живу в городе Тольятти, учусь в пятом классе. Занимаюсь легкой атлетикой, играю в шахматы, коллекционирую марки и иностранные монеты. Прошу прислать мне адреса Индии, Дании, Японии и США. В обмен могу дать адреса, которые я знаю, откуда мне пришли ответы».

«Я хотела бы получить адреса из разных уголков нашей страны, от ребят разных национальностей».

Таня КЛИМЕНКО,
Пермская область.

«Уважаемая редакция! С большой просьбой к вам обращаются две студентки из Литвы. Мы давно мечтаем найти друзей в вашей республике. Учимся на четвертом курсе Каунасского медицинского института, увлекаемся искусством, музыкой и путешествиями. Можем переписываться на русском, английском, литовском языках».

КАЗЛАУЧУНАЙТЕ Едита,
235610, Литовская ССР, г. Тельмай,
ул. Жямайтес, 29, кв. 3.
МИКЯЛЮНАЙТЕ Виргиния,
233005, Литовская ССР, г. Каунас,
ул. Мяскупо, 134, кв. 1.

«Дорогая редакция! Познакомь меня с кем-нибудь побыстрее, а то у меня все надежды исчезнут».

ЖЕНЯ СТЕПАНЕНКО,
Красноярский край.

ЧТОБЫ ОТКЛИКНУЛОСЬ

Основная просьба в письмах ребят — «дайте адрес зарубежного друга». А нам хочется спросить у этих ребят: если бы у вас попросили — отдай мне своего друга, как бы вы к этому отнеслись? Друга надо завести самому...

Друга за рубежом завести самому не просто, это правда. Как одному человеку не под силу взять на себя функции клуба интернациональной дружбы. На это много причин, и о них мы скажем.

В подборке откликов, которые отобраны для сегодняшней публикации, есть письмо: «...Хочу переписываться, только на русском языке».

В клубе «Эхо» ребята пишут по 600 адресам в 90 стран мира. 75 процентов адресатов из капиталистических стран пишут на английском языке; 15 процентов — на испанском (Аня Добродеева из клуба «Эхо» изучила в течение года испанский язык и не только читает, но и может написать письмо); 5 процентов пишут на немецком и 5 — на французском. На русском не пишет никто.

Поэтому, когда приходит письма с просьбой «прислать адреса из Бразилии, Португалии, Японии» и так далее, мы вправе спросить этих ребят: а на каком языке вы собираетесь переписываться?

Так что, видите, знание иностранного языка — первое условие для переписки. А когда встречаешь в ребятах письмах ошибки: «напичатайте», «дайте чей нибуть адрес» — совсем грустно становится. Или: «хочу переписываться с германскими, югославскими мальчишками и девчонками в мой возраст» — ну, кто так по-русски пишет?! Иные ребята сами пишут, как иностранцы... Тут впору, прежде всего, в русском языке подтянуться.

О чем писать? Уподобиться одному свердловскому мальчику, который в первом же письме за рубеж выклянчил грампластинку? Гордый человек и у своих без особой на то причины не будет просить, а у нас, советских, — особая гордость. Одно дело — обмен сувенирами, другое — голый вещественный интерес. Короткие цели могут только дискредитировать саму идею переписки. Или некоторые начинают хвастать своими импортными джинсами, а того не

поймут: почему миру должен быть интересен их туго обтянутый зад?

Переписка между ребятами существует для того, чтобы как можно больше узнавать о наших странах, о взглядах, о жизни. Зарубежные корреспонденты иной раз задают очень каверзные вопросы, а попробуй им не ответить — они и писать перестанут.

Норвежец Карл Шнётлер в переписке с Таней Бармасовой из клуба «Эхо», например, пишет: «У вас в стране ненастоящий социализм. Тебе меня не переубедить. У вас нет права на забастовки, а у нас они есть. Мы можем требовать у своих хозяев улучшения условий труда и зарплаты». «У нас хозяева сами трудящиеся», — отвечает ему Таня. — «Что же им, против себя бастовать?» Молодой юрист из Австрии спрашивает ребят из клуба «Эхо»: «Объясните мне — две коммунистические страны, Китай и Вьетнам, воевали друг против друга, какие же они коммунисты?» Пришлось объяснять и рассказывать о провокациях китайских националистов во Вьетнаме, о подрывной деятельности тех, кто называет себя коммунистами и порочит коммунистические идеалы.

Всякий ли готов ответить на такие вопросы? Переписка — это тоже политика, борьба идей, пропаганда. И надо уметь защищать свои принципы, разъяснять их другим, завоевывать сторонников.

Недаром в Примерном положении о КИДах, утвержденном Министерством просвещения СССР (которое имеется в каждом облоно), сказано: КИД «призван содействовать формированию общественно-политической активности трудящихся... советского патриотизма, глубокого понимания ленинской национальной политики... сущности антиимпериалистической борьбы народов», КИД «организует изучение и пропаганду истории революционной борьбы, достижений коммунистического строительства и внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства». Члены КИДа имеют право вести пропагандистскую и массовую работу, выступать с лекциями и беседами, как это делают в клубе «Эхо».

Кстати, в этом же Положении

сказано: «КИД — это добровольное объединение учащихся IV—X классов». Так что в городе Рудном Кустанайской области, откуда написала нам Марина Каверина, поступают неправильно, принимая в КИД учеников только с восьмого класса.

Одним словом, дело, к которому тянутся столько ребят, совсем не простое. Именно поэтому и заниматься им должны КИДы в школах, Домах и Дворцах пионеров, которые представляют собой общественную организацию, объединение по интересам. Преимущество коллективной переписки как раз в том и состоит, что вместе, сообща, легче преодолевать многие трудности и решать достаточно сложные проблемы (языковой барьер, тематика писем, выбор сувениров для обмена и так далее). Существуют и чисто технические сложности, связанные с оформлением почтовых отправок за границу: есть специальные правила, тарифы — о них можно узнать на любой почте. Коллекционеры марок должны знать, например, что бесконтрольная пересылка марок в конвертах запрещена, о правилах обмена марками можно проконсультироваться в обществе филателистов.

Как начиналось «Эхо»? Этот вопрос задают многие ребята, написавшие в редакцию. В 1969 году в клубе было двадцать самых первых адресов — их привезла из Артека Таня Бармасова, ныне студентка института иностранных языков. С них и началась переписка, принявшая сегодня такой размах. В клубе есть и индивидуальная переписка, и общественная — с классами, школами, детскими и пионерскими организациями, с теплоходом «Свердловск», который бороздит моря и океаны всего света; «Эхо» имеет огромное количество адресов и по Советскому Союзу.

Чтобы начать переписку и организовать КИД, есть много путей. Один из них — встречи с людьми, побывавшими за границей. В городах, которые имеют побратимов (Свердловск — Пльзень, Ленинград — Манчестер, Донбасс — Шленск, Алма-Ата — Сизэтл и др.), есть общества дружбы, в которых ребятам помогут завязать связи.

Адреса для переписки регулярно публикуют журналы Всемирной фе-

дерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС): «Молодежь мира» — издается в Венгрии на английском языке, «Всемирные студенческие новости» — выходят в Чехословакии на английском, французском, немецком, испанском и русском языках. На оба эти журнала в нашей стране можно подписаться.

Адреса граждан братских стран социализма, желающих переписываться с друзьями из СССР, публикуют зарубежные журналы, выходящие на русском языке: «Болгария», «Венгерские новости», «Куба», «Польша».

Просьбы помочь установить переписку с зарубежными сверстниками можно адресовать в редакции газет и журналов, издаваемых братскими союзами молодежи и обществами дружбы с Советским Союзом.

В этом случае надо разборчиво и кратко сообщить о себе следующее: имя (без сокращения) и фамилию, точный почтовый адрес, возраст, род занятий, на каких языках желательна переписка.

БОЛГАРИЯ

«Болгаро-съветска дружба» — журнал Комитета болгаро-советской дружбы.

Редакцията «Българо-съветска дружба». 1504, София, бул. «Кл. Готвалд», 4. България.

«Младеш» — журнал Димитровского коммунистического союза молодежи. Редакцията «Младеш». 1000, София, бул. «Христо Ботев», 48. България.

«Наша родина» — общественно-политический журнал. Редакцията «Наша родина». София, бул. «Ленин», 47. България.

ВЕНГРИЯ

«Ифьюшаги магазин» — журнал Венгерского коммунистического союза молодежи.

«IFJUSAGI MAGAZIN». Budapest VII, Dohony utca, 40. Magyar.

ГДР

«Нойес лебен» — журнал Союза свободной немецкой молодежи. Redaktion «NEUES LEBEN». 1026 Berlin, Postfach 43. DDR.

«Юнге вельт» — газета Союза свободной немецкой молодежи.

Redaktion «JUNGE WELT». 1026 Berlin, Postschliessfach 43. DDR. «Фрайе вельт» — журнал Общества германо-советской дружбы.

Redaktion «FREIE WELT». 1056 Berlin, Liebknecht-Str., 29. DDR.

КУБА

«Хувентуд ребельде» — газета Союза молодых коммунистов.

Redaccion «JUVENTUD REBELDE». Prado 553, Ciudad de la Habana. Cuba.

ПОЛЬША

«На пшелай» — журнал Союза польских харцеров.

Redakcja «NA PRZELAJ». 00—950 Warszawa, ul. Kopernickij 1, skrytka pocztowa 35. Polska.

«Пшиязнь» — журнал Общества польско-советской дружбы.

Redakcja «PRZYJAZN». 00—102 Warszawa, ul. Marszalkowska, 115. Polska.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Млади свет» — журнал Социалистического союза молодежи.

Redakce «MLADI SVET». Postovni prihradka 746, Panska 8, 112 22 Praha 1. CSSR.

«Свет социализму» — журнал Союза чехословацко-советской дружбы.

Redakce «SVET SOCIALISMU». Smetanovo nabrezi 18, 115 65 Praha 1. CSSR.

ЮГОСЛАВИЯ

«Младост» — журнал Союза социалистической молодежи.

Redakcija «MLADOST». Beograd, Marsala Tita, br. 2. Jugoslavia.

Фотограф «Рот фронта»

Лозунг «Рот фронт!» в начале 30-х годов был популярным на Урале. В январе 1930 года немецкий металлист Ю. Зиринг передал уральским рабочим почетное знамя союза Красных фронтовиков, и оно стало символом социалистического соревнования. Каждое 1 Мая его вручали лучшему предприятию Урала.

В самой Германии с приходом к власти фашизма вскоре все рабочие демонстрации были запрещены, коммунистов стали преследовать.

Юзеф Зиринг решает остаться на Урале и становится корреспондентом «Уральского рабочего». Бывший активный рабор «Роте фане», органа ЦК компартии и участник движения «Рабочих фотографов Германии», он публикует в «Уральском рабочем» снимки с пометкой: от собственного корреспондента из Берлина. Зирингу часто приходится ездить в командировки, участвовать в проверочных рейдах, выпускать выездные фотономера. Особенно любит он спортивные события и оборонную работу: лыжники, планеристы, летчики получают у него особенно эффектно. Своим опытом немецкий коллега делится с другими репортерами: он член фото-секции при клубе раборков.

Товарища Зиринга выбирают заведующим бюро интернациональной связи «Уральского рабочего». Бюро развивает бурную деятельность: оказывает техническую помощь зарубежным рабочим социалистическому строительству, организует интернациональные ударные бригады печати. В далеком Веттбервербе даже появилось два рабочих коллектива имени «Уральского рабочего». Осуществляется обмен материалами с газетами «Классенкампф» (Германия) и «Продюсерс-Ньюс» (Америка). Пионеры комбината «Уральский рабочий» выпускают стенгазету «Свободу узникам фашизма!».

Через бюро за границу проходят сотни писем рабочих. Раборки Германии пишут: «...имя «Уральского рабочего» так же популярно у нас как популярно имя ленинской «Правды». Антифашисты шлют на Урал свою подпольную газету «Роте фане» («Красное знамя»), и «Уральский рабочий» из первых рук печатает материалы о последних событиях в Германии.

Лозунг «Рот фронт!» становится всеобщим. Новый кинотеатр в г. Свердловске называют звучно — «Рот фронт», — и всем было понятно.

Евгений БИРЮКОВ

**Владислав
КРАПИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Повесть

Надо мной опять кружит тень.
Третий день подряд...

Да нет, не думайте, что это плохо! Это замечательно! Значит, Птица нашла меня. Значит, она выросла!

Но птенец не мог вырасти сам, его кто-то должен был выкормить. А никто, кроме нас двоих — меня и Малыша, — не знал, где гнездо. Разве что Отшельник... Нет, Отшельник не стал бы заботиться о птенце. Ведь он старался «никому не делать ни зла, ни добра».

Значит, Малыш жив!

Почему же он не вернулся с Птицей? Не знаю. Я пока ничего не знаю, но скоро узнаю все. Я уже решил. Только мне опять нужен деревянный кинжал. Такой же, как появился у меня в тот день, в августе...

Деревянный кинжал

В тот вечер мы играли в войну. Не в современную войну, где дым и грохот, а в рыцарей. У нас были деревянные мечи и щиты из фанеры. На щитах каждый рисовал какой-нибудь знак — свой рыцарский герб. У меня был олень. Такой же, как на моей майке. Просто я ничего не мог придумать и срисовал этого оленя с майки. И получилось здорово — будто у меня и правда свой герб: на щите и на одежде...

В нашей армии было пять человек, а у противников шесть. Поэтому договорились, что мы будем укрываться в засадах, а они нас искать: у тех, кто прячется, есть преимущество.

По сигналу мы разбежались. Я сразу кинулся в «ущелье». Это заросший лопухами проход между глухой стеной двухэтажного дома и высоким сараем. Я знал, что очень скоро противники побегут через «ущелье» в соседний сквер — искать нас в кустах желтой акации.

В проходе спрятались было негде. Но из-под крыши сарая торчала толстая жердь — я давно ее заметил. Закинул за спину щит и стал взбираться. Бревна, из которых был сложен сарай, рассохлись от старости, в них чернели щели. Они помогали мне цепляться, когда я стал карабкаться по стене. Скользкие сандалии срывались, занозистый меч царапал ногу, но все же я добрался до жерди. Ухватился за нее и повис.

Мускулы у меня не очень-то сильные, подтягиваться я плохо умею. Но пальцы и кисти рук у меня крепкие — такой уж я уродился. Я долго-долго могу вертеть мечом во время боя, а если во что-нибудь вцеплюсь, могу висеть хоть целый день. Ну, не день, а скажем, полчаса...

Значит, я повис и стал ждать рыцарей чужой армии.

Скоро они появились. Втроем. Пригибаясь, они шли гуськом и вверх, конечно, не взглянули.

Когда предводитель оказался почти подо мной, я разжал пальцы.

Вот уж в самом деле — как снег на голову!

Противники и опомниться не успели: трах, трах! — я нанес одному два удара. Трах, трах — другому!

Мы всегда играли честно, без лишних споров. Два удара получил — значит, убит. Оба рыцаря надулись, но отошли в сторону. Зато третий, еще не задетый моим мечом, поднял щит и бросился в атаку.

Его звали Толик. Он был из другого квартала и редко играл с нами. Лишь когда мы увлеклись рыцарскими боями, он стал приходить каждый день. Мне раньше казалось, что он слабенький, но сейчас я понял, какой это боец. Он был поменьше меня, но быстрый и такой смелый. К тому же он, видимо, рассердился и решил отомстить за двух своих союзников.

Ух как по-боевому блестяли его темные глаза над верхним краем щита! И на щите чернели скрещенные стрелы и пламенело оранжевое солнце.

Он крепко надел на меня, и я отступил к выходу из «ущелья».

Но тут со двора кинулся мне на помощь Степка Шувалов. Он не очень ловкий фехтовальщик, но зато большой и тяжелый, как настоящий рыцарь в доспехах. Вдвоем мы сразу оттеснили Толика в другой конец прохода, к овражку, что тянется вдоль огородов. Толик отступил на самый край и отбивался изо всех сил. Но что он мог сделать против двоих?

— Сдавайся! — сказал Степка.

Наш противник лишь глазами сверкнул из-за щита. И еще сильнее замахал мечом...

Наш овражек неглубокий, но к августу он доверху зарастает темной, злющей, как тысяча гадюк, крапивой, и падать в него — все равно что в кипяток. А Толик стоял уже на кромке. Он, видимо, сильно устал: даже дышал со вздохом. И я... я сделал шаг в сторону и опустил меч.

Толик замер на миг. Потом прыгнул между мной и Степкой и отбежал на несколько шагов.

Степка обалдело уставился на меня:

— Ты чего?

— Ничего... Он же сорваться мог.

— Ну и что? Сдавался бы.

— Он не сдастся, — сказал я.

— Ну и летел бы тогда!

— Сам попробуй! Думаешь, приятно?

— Ну так чего ж... — немного растерянно проговорил Степка. — Это же война...

— Война должна быть честная.

Степка тяжело засопел. Он был не злой, только медленно соображал. И когда что-нибудь не понимал, начинал так вот сопеть. Наконец он пробубнил:

— Подумаешь... Он же в длинных штанах и в куртке. Ну и свалился бы...

— Вот балда! А руки? А лицо?

Я словно совсем близко увидел Толькино загорелое лицо с волдырями от злых крапивных укусов. Меня даже передернуло. Я не выношу, если у кого-нибудь боль. Особенно такая... обидная. И главное, за что? За то, что он так смело сражался?

Я оглянулся на Толика. Он не убежал. Стоял с мечом наготове. Он не хотел уходить от боя!

Вдруг он опустил меч. И лицо у него изменилось: он что-то увидел в стороне от нас.

Я посмотрел в ту же сторону. По деревянному тротуарчику вдоль овражка медленно шли мужчина и женщина. Я их узнал. И ясный вечер сразу сделался печальным и тревожным.

Это были родители мальчика, который утонул в начале нынешнего лета.

Его звали Юлька. Юлька Гаранин. Ему тогда, как и мне, было одиннадцать лет. Я его не знал: он переехал откуда-то на нашу улицу в мае, а в начале июня отправился купаться на озеро и не вернулся.

На берегу нашли его велосипед и одежду. А самого не нашли. И, наверно, уже не найдут: в нашем озере есть глухие бездонные омуты. Там вообще лучше не купаться в одиночку...

Говорят, отец и мать его после этого сразу постарели. Не знаю, я их до Юлькиной гибели не встречал. Но когда увидел первый раз, они в самом деле показались очень пожилыми. И какими-то... сгорбленными.

Они всегда ходили вдвоем. Бывало, остановятся в сторонке и молча смотрят, как мы играем. У нас пропадало всякое веселье, будто мы виноваты перед ними. А они, спохватившись, торопливо уходили. Но прежнее настроение возвращалось к нам не сразу.

Вот и сейчас мне расхотелось играть. Толику, видимо, тоже. И даже Степке.

Я подошел к Толику и сказал:

— Ничья. Ладно?

Он кивнул. Он думал о чем-то своем.

Я тоже.

Я стал думать про маму и папу. Они сегодня днем уехали на целую неделю в Москву, к папиной сестре тете Вере. Ничего особенного, они и раньше уезжали, а я оставался с бабушкой. Но сейчас мне стало грустно и как-то неуютно. Я подумал, что уже поздно, надо ехать к бабушке, а то не доберусь к ней до темноты...

В это время вдалеке загремело пустое ведро: сигнал сбора обеих рыцарских армий.

— Степан! — окликнул я. — Скажи нашим, что я сегодня больше не играю. Мне пора.

Надо было забежать домой: оставить оружие и прихватить курточку. Но мне ужасно не хотелось заходить в пустую молчаливую квартиру. Я взял меч и щит под мышку и зашагал к автобусной остановке.

Я прошел уже два квартала, как вдруг услышал:

— Женя!

Меня догонял Толик. Он как-то неуверенно догонял. Словно боялся, что я не захочу подождать его. Я остановился. Даже ему навстречу шагнул. Он подошел, посмотрел на свои пропыленные кеды и сказал:

— А я вижу, ты в ту же сторону идешь... Нам по пути. Ты разве не домой?

Я был рад, что он догнал меня, и поскорее объяснил, что еду к бабушке в Рябиновку. Это такой поселок на берегу озера, в семи километрах от города.

Мы пошли рядом.

— А надолго ты к бабушке? — спросил Толик.

— На неделю, пока мама с папой не вернутся...

— У-у... — огорченно сказал он. — Значит, завтра ты с нами играть не будешь.

— Ну почему? Я могу приехать, это же недалеко. Я могу каждый день приезжать, если... — «если ты хочешь», чуть не сказал я, но постеснялся. Однако он, кажется, понял, проговорил тихо:

— Ага... приезжай.

— Обязательно! — пообещал я.

Он быстро взглянул на меня — у него были коричневые с золотыми точками глаза — и нерешительно сказал:

— А давай завтра, чтоб не против друг друга, а в одной армии...

— Конечно, давай! — Еще больше обрадовался я. И почувствовал, что, хотя мама с папой уехали, вечер сегодня все равно хороший.

Мы стали разговаривать про завтрашнюю игру и незаметно дошли до автобусной остановки. Тут я спохватился:

— Ой, ты же давно мимо дома прошел!

Он засмеялся:

— Ну и что? Я не тороплюсь.

Я посмотрел на расписание. Автобус должен был прийти через двадцать минут.

— Ничего, подождем, — сказал Толик.

Недалеко от остановки, на краю пыльной лужайки стоял стеклянный киоск (низкое солнце блестело на нем оранжевыми огоньками). Киоск еще торговал. Я подбежал, чтобы купить два стакана газировки, но краснощекая тетка в окошке буркнула, что лимонад продается только бутылками — по двадцать две копейки — и пустая посуда обратно не принимается.

У меня в кармашке лежали всего двадцать копеек, да к тому же, из них нужно было еще на билет. Я виновато посмотрел на подошедшего Толика. Но он весело зашарил по карманам и тут же отыскал гривенник.

Тетка сердито сунула нам запечатанную бутылку и сдачу — мокрыми копейками. Мы кину-

ли в траву щиты и сели на них. Будто настоящие рыцари на привале.

— А чем открывать? — спросил Толик. Он попробовал сорвать пробку зубами, но она держалась, как припаянная. Мне показалось, что тетка за стеклом киоска ехидно ухмыляется.

— Подожди-ка, — сказал я и снял с себя ключ (он висел на шнурке под майкой).

О ключе надо сказать подробнее. Наш двухэтажный дом был очень старый и тяжелые врезные замки в дверях были тоже, наверно, столетние. Поэтому и ключи от нашей квартиры не подходили на обычные. Они были с трубчатым стержнем, хитрой зубчатой бородкой и фигурным колечком. Будто от старинной шкатулки. Такой, если потеряешь, у слесаря уже не закажешь. Мама всегда боялась, что я выроню ключ, когда бегаю на улице: кармашки на шортах мелкие, а скакать и кувыркаться я любил. Вот и приходилось таскать ключ на шнурке под майкой. Я немного стеснялся этого: с ключом на шее обычно ходят малыши. Но мама просила, и я не спорил...

Я подцепил пробку зубчиками ключа. Она сверкнула и улетела в одуванчики. Мы выпили из горлышка теплую шипучую газировку, спустили бутылку в урну, потом еще посидели на щитах, и тут подошел автобус.

— Ну... ты приезжай завтра, — проговорил Толик, когда дверь зашипела и открылась.

— Ладно! Я обязательно...

Он вдруг распахнул курточку и выдернул из-за ремешка небольшой деревянный кинжал. Протянул мне на открытой ладони:

— Хочешь?

У кинжала была красивая рукоятка: с мелким вырезанным узором. Конечно, я хотел такой. Но дело даже не в кинжале...

— Какой хороший... Сам делал?

— Сам. Бери.

— Насовсем?

— Конечно. — Толик быстро вскинул на меня свои глаза с золотыми точками и опять опустил ресницы.

— Спасибо... Толик, — сказал я и взял кинжал. И, цепляясь своим рыцарским снаряжением за дверь, полез в автобус.

Дверь закрылась. Я глянул через стекло и увидел, как Толик приподнял руку, словно хотел помахать. Тогда я несколько раз махнул кинжалом, и Толик быстро замахал в ответ ладонью. И я поехал...

Незнакомец

Когда не стало видно Толика, я сунул кинжал под резинку на поясе и достал свои мокрые копейки. В это время щелкнул и откашлялся дина-

мик. «Сейчас заскрипит: мальчик, а ну бери билет», — подумал я и скорее шагнул к кассе.

— Мальчик, не опускай деньги, — басовито сказал динамик. — В кассе билеты кончились... Ничего, езжай так, автобус не рассыплется... — За темными стеклами кабины я не видел водителя, но мне показалось, что он пожилой, с большими усами и улыбочивый.

Пассажиры на меня заглядывались. Мне показалось, что они думают: «Вот чудак, забрался сюда с деревянным оружием; не маленький вроде бы, а с игрушками». Я поскорее сел на свободное место к окошку и поставил щит на колени — загородился. Но от всех не загородишься. Один пассажир (он сидел у противоположного окна) все посматривал на меня. Это был худой дядька в каком-то старомодном пиджаке и помятой широкополой шляпе.

Не люблю, когда меня разглядывают!

Я сердито передвинул щит вправо — так, что кромкой царапнул колено. Разозлился и стал, не отрываясь, глядеть в окно.

Солнце спряталось, но облака еще ярко светились. Казалось, они летят, не отставая от автобуса — над антеннами, над маленькими домами окраинных улиц. Потом — над деревьями вдоль тракта... Я смотрел на облака минут пять, затем опять оглянулся на неприятного дядьку. От светлых облаков плясали в глазах зеленые пятна, однако я заметил, что он по-прежнему разглядывает меня.

Что ему надо?

Мне стало не по себе. И я решил: поеду не до конечной остановки, а выйду раньше, у дома отдыха «Звездный». Оттуда — сначала по берегу, потом вдоль огородов, и я у бабушки.

Остановка находилась у самого озера. Я вышел на берег и зашагал вдоль воды по песку.

Вода и небо еще были светлыми, а на землю уже напоздали сумерки. На далеком берегу переливались огоньки. За деревьями, в парке «Звездного», загорелись лампочки. Но сильнее лампочек была круглая луна. Поднялась она недавно, однако почти сразу стала светить как прожектор. Вдоль берега росли старые ветлы, их темные листья иногда заслоняли луну и словно разрывали ее на яркие клочки. Это было красиво. Но от воды и от влажного песка тянуло зябкой сыростью, поэтому я не очень-то любовался на луну. Даже пожалел, что не забежал домой за курточкой.

Чтобы не продрогнуть совсем, я отошел подалее от воды — к траве у границы песчаного пляжа. Трава была густая и довольно высокая. В ней вдруг затрещал кузнечик. Может быть, тоже озяб?

Только подумал про это, как услышал за спиной:

— Не уходите, пожалуйста...

Я сначала не понял, что это меня. Но оглянул-

ся. По берегу торопливо шел человек. Я сразу узнал дядьку в широкополой шляпе. Того, из автобуса.

А больше никого кругом не было.

— Подождите меня, будьте добры,— сказал мне этот человек. Он запыхался. Голос у него был странный: тонкий и мягкий, не подходящий такому высокому мужчине.

Я удивился, конечно, и замер на месте. Незнакомец подошел. Он снял шляпу и держал ее у груди.

— Извините,— сказал он.— Мне показалось, что в автобусе я рассердил вас. Мое слишком пристальное внимание было, видимо, неприличным. Но вы все поймете, если выслушаете меня...

Ко мне впервые обращались так длинно и вежливо. Я растерялся и поэтому ответил грубовато:

— Ну... говорите.

— Сядем, если позволите,— попросил он.

Недалеко от нас темнела вкопанная в песок скамейка — два бревнышка и доска. Незнакомец подождал, когда я сяду, и сам примостился на краю доски. «Что ему надо?» — подумал я. А он наклонился, заглянул мне в лицо и мягким своим голосом спросил:

— Скажите, вы рыцарь?

«Ну, все понятно», — решил я.

Наверное, в автобусе рядом со мной стояла какая-нибудь старушка, а я не заметил. И теперь этот человек будет меня воспитывать: «Вот ты изображаешь из себя рыцаря, а бабушке место не уступил. Разве рыцари так поступают?» Я и раньше встречал таких взрослых: они очень любят подъезжать к ребятам с воспитательными беседами.

А в автобусе и так было много свободных мест!

— Что вам от меня нужно? — не очень-то ласково сказал я.

— Простите,— опять мягко проговорил он.— Я наблюдал за вами не только в автобусе, но и раньше... Во время вашего рыцарского турнира... Ваше благородное отношение к противнику... Это убедило меня, что вы действительно рыцарь...

«Издевается, что ли?» — подумал я.

А он продолжал:

— Я разглядел ваш знак — гордого оленя. Рыцарь Оленя, — можно я буду вас так называть, пока не узнал вашего имени?

«Может, пьяный?» — подумал я и встал. И сказал ему:

— Вам нравится шутить, а мне надо идти. Уже поздно.

Он тоже встал и опять прижал шляпу к груди.

— Вы сердитесь... Вы должны извинить меня, я не из этой страны и невольно могу нарушить какие-то обычаи. Но прошу: выслушайте меня...

«Шляпа ненормальная, пиджак какой-то странный, — подумал я.— Может, в самом деле иностранец?» И спросил:

— Вы интурист?

— М-м... Я не знаю, что такое «интурист». Но я издалека.— Незнакомец нагнулся ко мне, словно надломился в поясице.— Я с острова Двид. И я ищущу юного рыцаря, который избавит мою страну от векового зла.

Тут я, по правде говоря, перетрусил! Уже сумерки, кругом никого, а я один на один с сумасшедшим. Я сделал шаг назад: если рвану изо всех сил — не догонит.

Он заметил мое движение, как-то сник, сел на край скамейки и с тихим отчаяньем сказал:

— Вот и вы, Рыцарь Оленя, хотите уйти. Как многие... Я прошел столько земель и не отыскал никого...

Что-то странное было в его голосе. Мне стало жаль его.

«Может, он не опасный? — подумал я. — Может, просто немного свихнулся и теперь мучается?»

— Ну, а что вам надо-то? — неловко спросил я.

Незнакомец с надеждой поднял голову. И тихо, но горячо проговорил:

— Мне надо многое... Мне надо, чтобы вы, Рыцарь Оленя, отправились со мной на остров Двид и сразились с Ящером. С тем чудовищем, которое много-много лет держит в страхе всех людей нашей страны.

«А больше тебе ничего не надо?» — подумал я и усмехнулся.

Незнакомец качнулся ко мне:

— Это не сказка, клянусь!.. Сядьте, прошу вас. Поверьте, у меня в мыслях нет шутить с вами или чем-нибудь вам навредить.

Мне стало неловко. Я присел на другой конец скамейки и спросил:

— А что за остров Двид? Что-то я не слышал...

— Конечно! — торопливо согласился он. — Остров невидим... Невидим с этих берегов. Это не укладывается в привычные понятия, но я объясню... потом. Главное не в этом. Над островом жестокий гнет. А древняя легенда говорит, что однажды из дальних стран придет юный рыцарь и уничтожит Ящера...

Видимо, он сам верил в то, что говорил. Мне стало интересно.

— А далеко ваш остров?

Незнакомец, наверно, подумал, что я начинаю соглашаться. Он придвинулся.

— Далеко!.. Но это трудно объяснить. Все зависит от разных условий. Если отправимся сейчас, путь займет не больше двух часов...

«Ага! — подумал я. — Жулик какой-нибудь. Заведет неизвестно куда, потом ткнет по башке и ограбит...»

Да, но что с меня брать? Несколько копеек да ключ на шнурке?

А может, шпион?

Но тут я сам застыдил себя своих дурацких мыслей. Так можно до какой угодно чепухи додуматься, и получится, что я больше сумасшедший, чем этот дядька.

А незнакомец придвинулся совсем близко и спросил:

— Хотите взглянуть на наш остров?

Он полез во внутренний карман пиджака и достал... я сперва не понял, что. А потом увидел: это было зеркальце. Довольно крупное — с почтовую открытку. В узкой металлической рамке. В зеркальце на миг отразилась луна.

Незнакомец положил мне зеркальце на коленку. Я вздрогнул: оно было очень холодное. И тяжелое. Но почти сразу тяжесть уменьши-

лась, а толстое стекло стало наливать теплотой. Сначала в зеркальце отражалось небо с бледной звездочкой, но скоро оно подернулось искрящейся пленкой. Затем пленка рассеялась, и я увидел, как на экранчике, зеленые горы, небо с пушистыми солнечными облаками, какие-то развалины с белыми колоннами и домики на склоне холма. Все так четко выделось!

Изображение двигалось, будто кто-то плавно поворачивал телеобъектив. На переднем плане проплывали кусты с цветами вроде шиповника — так близко, что я различал прожилки на лепестках...

Зеркальце стало горячее и сильно грело колени. Я оторвал глаза от неизвестной страны и посмотрел на незнакомца. Экран хорошо освещал его лицо. Оно было длинное, с большим печальным ртом, с резкими морщинами и маленькими круглыми глазами. В глазах отражались крошечные экранчики.

Незнакомец взглянул на меня.

— Это наша страна, — со вздохом сказал он. — Красивая, правда?.. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— А чему тут верить? Плоский транзисторный телевизор. Наверно, на жидких кристаллах...

— Теле... визор? — переспросил он. — Ах, да... Нет, это немного не то... — Он протянул руку и... просунул ее в зеркальце. Сквозь стекло! Как в окошко... Тонкими узловатыми пальцами он ухватил проплывавшую мимо ветку, дернул ее и вытащил руку. В пальцах был зажат стебелек с цветком и тремя листиками. Незнакомец протянул его мне. Это был настоящий цветок, живой. От него в самом деле пахло шиповником.

Зеркальце все сильнее жгло ногу.

— Уберите, горячо, — сказал я.

— О, да, простите... — суетливо пробормотал он и схватил зеркальце. Оно сразу погасло.

Я потер обожженную коленку и спросил:

— Вы фокусник?

Он серьезно, даже печально объяснил:

— Я чиновник по особо важным делам, один из первых заместителей правителя острова. Можно сказать, его «второе я»... Не отказывайте мне в просьбе, Рыцарь Оленя. Вы — моя последняя надежда.

— А что за ящер у вас там? — спросил я.

— Жуткое и громадное чудовище, не буду скрывать. Оно держит в страхе весь народ.

— Что же вы... Целая страна, вон какая волшебная техника у вас, а с каким-то пресмыкающимся не можете справиться?

— Не можем, — покорно согласился он. — Мы многое умеем, а перед этим чудовищем бессильны... В жизни столько сложностей.

— А я, по-вашему, справлюсь?

— Я надеюсь,— откликнулся чиновник по особо важным делам.— Вы не испытываете страха перед Ящером, а это главное. К тому же древние легенды обычно не обманывают...

— А сколько времени займет вся эта история?

— Два дня. Самое большее — три,— торопливо сказал незнакомец.

Я подумал, что бабушка меня не ждет — она не знала, что мама с папой уехали. Значит, никто не стал бы беспокоиться обо мне в эти дни...

И вдруг я сообразил, что размышляю всерьез! Будто поверил сказке про остров Двид! А я и в самом деле поверил...

Наверно, этого не случилось бы днем. Но сейчас были сумерки, необыкновенная луна за черными листьями, загадочное зеркальце, непонятно откуда взявшийся цветок... Все это завораживало.

— Значит, вы согласны?! — обрадованно воскликнул незнакомец и встал.

Разве я сказал, что согласен? Я поплотнее прижался к скамейке, чтобы никуда не ходить с этим человеком. Но через секунду поднялся. Сам не знаю, почему.

— Идемте,— ласково сказал он. И я пошел за ним. По пути я опять подумал, что лучше бы рвануть к бабушке. Но не рванул. Стыдно было. И кроме того... я надеялся оказаться в настоящей сказке.

Мы вышли к изгибу берега. Там за высокими березами была привязана лодка с тонкой мачтой. Незнакомец неловко забрался в лодку и сказал мне:

— Садитесь.

Я медленно, будто против желания, отошел к береговому кустам и спрятал в частых ветках меч и щит. Замаскировал.

— Зачем вы их бережете? — спросил незнакомец.— У нас вы получите настоящее оружие и сможете оставить его себе навсегда.

— Но им же нельзя будет играть...

— Ах да... — пробормотал он.

Я подержал в ладони кинжал Толика и снова сунул за пояс. Не хотелось мне с ним расставаться.

— Я вас жду, Рыцарь... — с сдержанным нетерпением напомнил незнакомец.

Последний раз какие-то предохранители толкнули меня назад, к дому. Однако ноги сами по себе шагнули к борту...

— Садитесь на корме, там удобнее,— предложил незнакомец. Сам он встал у мачты и потянул шнур. Вверх полез длинный парус — он ярко засеребрился под луной.

— Ветра же совсем нет,— слабым голосом сказал я.

— Это неважно... — Незнакомец оттолкнулся шестом и сел рядом со мной. Лодка пошла

сначала тихо, потом все скорее. Громко зажурчала вода.

«В самом деле волшебство», — подумал я, но не очень удивился. Мы набирали ход, и встречный воздух зябко обдувал меня. Я передернулся.

— Ох, что же это я... — пробормотал незнакомец. Он снял пиджак и укрыл меня с ногами.

— Привалитесь к спинке и вздремните,— сказал он.— Когда спишь, дорога короче...

Спинка скамьи была удобная, обитая чем-то мягким. Сразу же захотелось закрыть глаза, но я несколько минут сопротивлялся сну.

Слева от нас катилась между маленьких облаков луна. Не отставала. Потом она влетела в темное мохнатое облако и, видимо, увязла в нем. Стало гораздо темнее. В этой темноте незнакомец произнес:

— Меня зовут Ктор Эхо. А как ваше имя, Рыцарь Оленя?

— Женя,— пробормотал я сквозь дремоту.— То есть Евгений... Ушаков...

Первый разговор

С Тахомиром Тихо

Ктор Эхо на самом деле привез меня на остров Двид.

Как мы причалили, я не знаю. Проснулся я уже не в лодке, а в открытой коляске, которую быстро везли две лошади. Коляску потряхивало на булыжниках мостовой. По сторонам стояли темные деревья, в них изредка мигали фонарики. Небо над деревьями было серовато-синее с большими звездами. Прямо перед нами повис над дорогой громадный месяц. Он висел странно — вниз рогами. А где теперь круглая луна? Где наше озеро, где Рябиновка? Занесло меня в неведомый край. Куда? Зачем?

Ктор сидел рядом. Его пиджак по-прежнему укрывал меня. Я оттолкнулся лопатками от упругой кожаной спинки и сел прямо.

— Проснулись? — заботливо спросил Ктор.— Вот и хорошо. Скоро приедем.

Через минуту дорога круто повернула, и мы выехали на треугольную площадь. Я увидел башни, дома с балкончиками и флюгерами. С одного края темнела зубчатая крепостная стена. Светились окошки и неяркие желтые фонари. Блестели струи фонтана.

Вокруг фонтана ходили неторопливые люди. Играла негромкая музыка. Это было похоже на театр.

— Совсем незаметно, что вашу страну кто-то угнетает,— сказал я Ктору.

— Это на первый взгляд,— откликнулся он.— А на самом деле... Да вы увидите.

— А почему такой месяц в небе? — спросил я.
— Особенность нашей атмосферы, — охотно объяснил Ктор. — Теплый воздух собирается на высоте в большую линзу, и эта линза сильно искажает и увеличивает небесные тела...

Впереди показался освещенный купол с темным повисшим флагом.

— Дворец правителя, — сообщил Ктор.

Дорога пошла в гору. Мы проехали между рядами светящихся шаров, и лошади стали у невысокого крыльца с каменными вазами по сторонам...

Сейчас мне трудно вспомнить все по порядку. Мы шли переходами и лестницами, нам встречались и молча кланялись одинаковые бесшумные люди в узких серых одеждах. Было как во сне. Наконец мы прошли узким коридором с шарами-светильниками и оказались в круглой комнате: Здесь горела у потолка неяркая лампа, между высокими окнами висели темные ковры (я различил на них фигуры всадников и больших птиц). Было очень тихо, и в этой тишине гулко стучали, вернее, бухали громадные часы. Они стояли в стенной нише, и бронзовый диск маятника величиной со сковородку медленно ходил туда-сюда за стеклянкой дверью.

Посреди комнаты я увидел круглый стол, а на нем вазы с фруктами, блюда под блестящими крышками, кувшины и тарелки. К столу был придвинут лишь один стул — высокий, черный, с решетчатой спинкой.

Пока я все это разглядывал, два человека внесли второй стул. Они двигались бесшумно и не сказали ни слова. На них была странная одежда: узкие комбинезоны из дымчатого плюша. Плюш закрывал человека с головы до ног и оставался лишь круглый вырез для лица. Это было похоже на театральные костюмы зверей в драмкружке. Вместо масок виднелись лица — неподвижные и словно присыпанные розовой пудрой.

Люди ушли.

— Кто они такие? — спросил я шепотом Ктора. — Эти и в коридорах... Все какие-то одинаковые.

— Слуги Ящера, — сказал Ктор.

— Какие слуги? Какого Ящера? Того... чудовища?

— Ну, не совсем так... Скорее, это просто название. Их дело — поддерживать равновесие порядка на острове. Короче говоря, это что-то вроде дворцовой гвардии. Охрана правителя и полиция...

У меня все перепуталось в голове.

— А разве правитель... Я не понимаю: он против Ящера или за него?

Ктор насмешливо улыбнулся:

— Вы сами увидите. Я предупрежу его, что вы уже здесь, и он поспешит встретить вас... Подождите две минуты.

Он вышел. Долго я был один. Стоял, оглядывался, слушал буханье часов. Наконец в комнате появился кругловатый низенький человек в полосатом костюме. Он выскочил из двери, остановился передо мной, заулыбался и развел руки. Весело сказал:

— А, это вы и есть юный герой, которого отыскал Ктор? Приветствую вас, Рыцарь Оленя, на острове Двид!

— Здравствуйте... — неловко отозвался я.

— Меня зовут Тахомир Тихо. Я — правитель этого острова.

Я не знал, что делать. В кинофильмах рыцари перед разными правителями и вельможами кланялись и расшаркивались. Но не мог же я, в самом деле, раскланиваться, как придворный.

Кажется, я глупо засопел, покраснел и сипло сказал:

— Очень приятно.

— Мне тоже приятно! — воскликнул Тахомир Тихо. — Приятно видеть такого храброго юного воина! Я рад познакомиться и рад поужинать с вами. Прошу к столу.

Правитель сел, и я устроился напротив него на краешке стула. Сразу возникли откуда-то плюшевые слуги Ящера и начали накладывать на тарелки овощи и жареное мясо.

— Не стесняйтесь, — предложил правитель. — Дорога была дальняя, вы проголодались, а дело предстоит серьезное... Я восхищаюсь вашей смелостью, хотя, по правде говоря, не одобряю эту затею...

Я начал было жевать, но тут чуть не подавился.

— Не одобряете? А зачем позвали?

Тахомир Тихо опять заулыбался, и щеки у него стали как два спелых яблочка.

— Это не я. Это Ктор. Он у нас романтик... Он считает, что надо бороться с каким-то гнетом! А где этот гнет? Как бороться?

— Разве Ящер не угнетает ваш остров? — нерешительно спросил я.

— Да какое это угнетение? Ящер — в общем-то умное и незлое существо. Просто у него очень чуткая нервная система. Он реагирует на любое нарушение в равновесии порядка... Ну и... если, конечно, нарушений много, если равновесие под угрозой, наш Ящер сердится. Да. Было два случая, когда он в гневе разрушал город. Но я спрашиваю, кто виноват?

«Ничего себе! — подумал я и похолодел. — И с таким чудищем я должен сражаться?»

— А давно это было... эти случаи? — слабым голосом спросил я.

— Конечно, давно! Почти три столетия назад! С тех пор люди живут мирно, спокойно, не нарушают законов, и Ящер тоже спокоен! Только раз в месяц он выходит из озера и смотрит: все ли в порядке. А затем тихо укладывается на дно...

«Чушь, не разрушал он город,— с облегчением подумал я.— Это просто легенда. Мало ли что могли напридумывать за триста лет. А Ящер — наверно, доисторическое пресмыкающееся, которое уцелело в этом озере. Как-нибудь справлюсь...»

Ну в самом деле! Ведь во всех сказках, историях и фантастических фильмах, если мальчишки попадали в волшебные страны, если сражались с чудовищами, то всегда выходили победителями. Значит, есть такой сказочный закон, и этот закон на моей стороне. Чего же мне бояться?

И я довольно храбро спросил Тахомира Тихо:

— А что, разве раньше не находились люди, которые хотели победить Ящера?

— Ну, почему же? Были... — сухо зато ответил правитель.

— И... чем кончалось?

— Как видите, Ящер здравствует.

Мне опять стало неудобно. Но я вспомнил о сказочном законе и сообразил, что те неудачники были не главные герои сказки, а я — главный. И спросил снова:

— Если вы так жалуете Ящера, почему тогда разрешили Ктору, чтобы он устраивал бой? Непонятно что-то...

— А что я мог сделать? — воскликнул Тахомир Тихо. — Раз легенда говорит о юном рыцаре, я не имею права препятствовать! Надо уважать традиции! Я не тиран какой-нибудь, я все по закону... Если полагается бой с Ящером — деритесь!.. Только зачем? Кому это нужно?

— Неужели никому не нужно?

— Ну, встречаются изредка люди, которым все у нас не нравится, — неохотно признался правитель. — Хочется им чего-то нового! Все время им спорить надо, протестовать, в космос летать, открытия делать! Только это крайне редкие чудачки. Чаще всего дети. А вообще-то народ живет разумно. Тихо, но зато счастливо. Нет у нас ни бедности, ни голода, ни болезней. У нас все довольно жизнью, да! У нас равновесие порядка...

— Такое «равновесие», что никто на Земле про вас даже не знает, — усмехнулся я.

— И слава богу! — вскричал он. — В этом наше спасение... Да вы кушайте, кушайте, вот апельсин... Если бы про нас узнали, тогда что? Сделали бы наш остров пристанищем для туристов? Или военной базой? Или начали бы раскапывать, искать всякие руды и нефть? Научили бы жителей воевать, ссориться, мечтать о богатстве, бездельничать? Нет уж, увольте, мы проживем сами. С Ящером или без Ящера, но одни. Нам с этими чужеземными влияниями одно горе. Стоит хоть какой-то капельке просочиться из-за границы — и началось...

Он даже побледнел. Помолчал, побарабанил

пухлыми пальцами о край тарелки с ломтиками ананаса. Проговорил с легкой дрожью:

— Взять хотя бы эту кошмарную книгу... Откуда она к нам проникла?.. Про трех годовозных. Даже про четырех... Скачут на лошадях, машут шпагами, обманывают королевского министра! Палят из пистолетов!.. После этого по всему городу стук пошел: понаделали деревянных сабель и давай! А в кустах только и слышно: «Пиф-паф! Пиф-паф!». А при чем тут пиф-паф, если на острове давно нет огнестрельного оружия... Вы не поверите, пришлось главному прокурору издавать специальный указ, чтобы навести порядок. А я в эти дни платил воспитателям двойное жалование... Да вы кушайте, не стесняйтесь, Рыцарь...

Он перегнулся через стол, чтобы налить в мой стакан апельсинового сока. И я совсем близко увидел его лицо. И разглядел, что румянец состоит из множества красных прожилок. В глазах — таких же маленьких и круглых, как у Ктора — тоже были красные прожилки.

— А что плохого, если ребята играют? — спросил я.

— Играют? — испуганно изумился он. — Все игры изложены в специальных правилах, их изучают в школах и воспитательных павильонах. А если каждый начнет играть, как вздумается, что будет с равновесием порядка? И как отнесется к этому Ящер?

«Тьфу на вашего Ящера, — сердито подумал я. — Тоже мне, «счастливое государство».

А Тахомир Тихо пробормотал:

— Сначала они «играют», потом им хочется удрать из дома. Потом еще чего-нибудь захочется... Один даже додумался: плохо, говорит, что наш остров невидимый...

— А если он вдруг станет видимым? — с подковыркой спросил я. — Тогда что будете делать?

— Нет уж, — с удовольствием ответил Тахомир Тихо. — Не станет! Для этого пришлось бы изменить наклон земной оси, чтобы лучи солнца рассеивались в нашей атмосфере под иным углом... Когда-нибудь это, возможно, и случится, но очень-очень нескоро... Хотите еще соку?

Но я не хотел уже ни есть, ни пить. Ни разговаривать. Я смертельно хотел спать, у меня slipped ресницы...

Пушинка на рукаве

Меня разбудил Ктор Эхо.

Я лежал на узком диване с высокой резной спинкой. За медной решеткой окна было солнечное утро. Ктор сказал:

— Вчера вы так утомились, что задремали у стола... Я уложил вас в своем кабинете.

Значит, Ктор, Тахомир Тихо, Ящер — все это по правде? Не сон?

Я медленно приподнялся на локте. Не мог понять: хорошо мне или плохо? Радуюсь я или тревожусь, что попал сюда?

— Скоро завтрак,— сказал Ктор.

Я откинул пушистый плед и стал одеваться. Потом спросил:

— А где умыться?

— Можно пройти в парк, там фонтаны. Только не отходите далеко от дворца...

Ктор провел меня вниз по винтовой лесенке и толкнул небольшую дверь.

— Погуляйте, я приду за вами...

Я шагнул на белый песок тропинки.

Нет, все-таки хорошо, что я оказался здесь! Я вздохнул, и все жилки во мне зазвенели от радости. Потому что было такое синее небо и такой замечательный воздух, и такая красота вокруг!

Висели на кустах темные и белые розы, громадные, как воздушные шары. На лужайках качались ромашки величиной с блюдце. Бугристые стволы деревьев были оплетены вьюнками. Желтые цветы-шарики вьюнков горели, как маленькие солнышки.

Среди веток и листьев громоздились камни, покрытые скользкой зеленью. С камня на камень сыпались маленькие водопады. У подножья этих камней я увидел мраморную девочку. Она была как живая: сидела на корточках и подставляла под струи ладошки.

Я умылся рядом с девочкой, расчесал пятерней волосы и побрел наугад по извилистой тропинке. Она вывела меня к беседке с витыми белыми столбиками.

Звенели и пересвистывались птицы.

Беседка стояла на пригорке, и я увидел с высоты город. Столицу острова Двид.

Не верилось даже, что есть у них тут какой-то Ящер, какие-то несчастья, угнетение. Такой замечательный был город, такое радостное утро!

По зеленым склонам тянулись улицы с невысокими белыми домами, галереями, террасами. От верхних улиц к нижним спускались пологие лестницы, а по краям их стояли статуи. Я не мог разглядеть их издалека, но чувствовал, что они очень красивые. Кое-где поднимались развалины крепостных башен и цветные колоннады.

Но больше всего мне понравилось громадное сооружение, похожее на мост или на старинный римский водопровод. Его великанские арки подымались над крышами, над башнями. Они были белые-белые и сияли среди зелени и на синем небе...

Я оглянулся на дворец. Он был небольшой, но тоже очень красивый: с желтыми стенами, с белыми карнизами и колоннами, с высоким серебристым куполом. Над куполом струился по ветру большой голубой флаг. Что-то золотилось

на нем. Я присмотрелся, и показалось мне, что на голубом шедке виднеется голова с громадными глазами и пастью (так оно потом и оказалось).

Сойдя с пригорка, я прошел среди цветущих кустов и скоро наткнулся на высокую садовую решетку. За решеткой был тротуар из разноцветных плиток, булыжная мостовая и двухэтажные белые дома. Их балконы и стены опутывала зелень.

Я двинулся вдоль решетки и увидел калитку. Вышел на улицу. Мне очень понравился тротуар: его плитки складывались в узоры, как на ковре, и я медленно зашагал, глядя под ноги...

— Стой! — раздался визгливый вскрик... Я вздрогнул. Передо мной стоял длинный человек в удивительной одежде: коричневом балахоне до пят и шапке с кисточкой. Шапка была очень странная — оранжевая ермолка, а на нее ребром насажен черный треугольник. Белая кисточка моталась у нижнего угла, а на верхушке треугольника золотилась вышитая цифра 8.

У незнакомца было очень маленькое лицо, нос пуговкой и круглые водянистые глазки. В этих глазках я увидел растерянность и удивление.

— Ты... что? — спросил незнакомец тонким голосом.

— Что? — сказал я.

— В каком ты виде?

— В каком?

Я оглядел себя. Майка с оленем довольно чистая. Штаны помятые? Но я же не в театре и не на параде...

Человек в шапке-треугольнике протянул к моей коленке тонкую трость.

— Это что?

— Это? — удивился я. — Синяк... А что такого?

У него побелело лицо.

— Ты говоришь так, словно это медаль за примерное поведение!

Я мигал и ничего не мог понять. А он продолжал:

— Синяк! Откуда у нормального мальчика может быть синяк? Ты лазил по заборам? Или... — он перешел на шепот и слегка нагнулся, — может быть, ты гонял ногами надутый кожаный шар? Где? С кем?

«Больной, что ли?» — подумал я и спросил:

— Разве нельзя мячик погонять?

Он хотел что-то сказать, но будто подавился от возмущения. Выпрямился, потом опять согнулся. Протянул к моей голове ладонь:

— У тебя жар?

Я откатнулся. В это время позади раздалось звонкое щелканье подошв. Лицо у незнакомца изменилось, он глянул мимо меня. Я посмотрел назад. Через дорогу шагал вприпрыжку мальчик с большой сумкой. Веселый такой парнишка,

немного веснушчатый, похожий на моего одноклассника Владика Цветкова, только с неприличным костюмом. В синей курточке с широким белым воротником (как у матроски, но без полосок), в смешных желтых штанах до колен — они были широкие, с пришитой внизу длинной бахромой. «Ну и моды в здешних краях», — подумал я.

Мальчик нас не видел.

— Стой! — сказал длинный незнакомец.

Мальчик замер, будто в оstanовившемся кино. Боязливо повернул к нам лицо.

Мой собеседник поманил мальчишку длинным, как карандаш, пальцем. Мальчик сделал несколько шагов и низко нагнул голову — то ли наклонился, то ли просто понурился.

— Никуда не уходи, — строго предупредил меня незнакомец и повернулся к мальчишке:

— Почему ты неприлично скачешь и стучишь башмаками, нарушая тишину прекрасного утра?

Мальчик совсем поник головой.

— Отвечай! — тонким голосом потребовал незнакомец.

— Я спешил в школу... — пробормотал мальчик.

— Разве в школу надо спешить? В школу надо выходить вовремя и являться точно в установленный срок. А ты, наверно, бегал по пустырям с другими бездельниками? Так?

— Нет, господин квартальный воспитатель, я не бегал, честное слово, — поспешно проговорил мальчишка.

— А почему у тебя курточка в мусоре? — Квартальный воспитатель брезгливо снял с мальчишкиного рукава соринку.

— Это пушинка от тополя. У нас во дворе цветет тополь... и вот... она нечаянно прилипла...

— Надо быть внимательным и опрятным. Дай твою карточку.

Мальчик достал из нагрудного кармашка розовый квадратик. Не поднимая головы, протянул квартальному воспитателю. Тот недовольно сказал:

— Какая она у тебя потертая. И сколько дырок... — Он вынул из складок своего балахона блестящие щипцы с зубцами в виде драконьих головок.

Мальчик быстро поднял перепуганные глаза.

— Господин квартальный воспитатель, пожалуйста, не надо! Если вы проколете, меня сегодня накажут!

Драконьи головки с громким щелчком прокусили розовый картон. Мальчик вздрогнул.

— Если тебя накажут, значит, это необходимо, — наставительно сказал квартальный воспитатель. — Виновный всегда должен нести наказание, чтобы сохранялось равновесие порядка. Разве тебя этому не учили? Отвечай.

Мальчик снова понурился и прошептал:

— Учили...

— В таком случае ты должен понимать, что наказание принесет тебе пользу. Разве не так?

— Так...

— Тогда почему же ты не благодаришь?

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель, — совсем тихо проговорил мальчик, и ресницы у него заблестели.

— Отвечай как следует.

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель! — звонким от слез голосом сказал мальчик.

— Прекрасно, можешь идти. И веди себя примерно.

Мальчик повернулся и побрел с опущенными плечами. Будто совсем не он минуту назад весело скакал по мостовой.

«Вот шкура!» — подумал я о квартальном воспитателе номер восемь. А он словно услышал меня и сердито повернулся.

Но тут поспешно подошел Ктор Эхо. Что-то сказал на ухо воспитателю, а меня взял под руку.

— Ну что же вы, Евгений! Я просил не уходить далеко от дворца...

— Разве я далеко?

— Идемте завтракать.

Мы пошли к калитке. Там я оглянулся. Квартальный воспитатель изумленно смотрел нам вслед. Я не выдержал и показал ему язык.

Встречи в городе

Мы позавтракали с Ктором в круглой комнате. Потом слуга Ящера принес голубой шелковый плащ с серебристыми застежками. Ктор набросил его мне на плечи.

— Вот так будет лучше. Накидка закроет ваши «боевые шрамы», которые приводят в ужас квартальных воспитателей.

— Ряса какая-то, — сердито сказал я.

— Ничего, здесь так принято... Сейчас мы погуляем...

— А когда бой? — спросил я нетерпеливо.

— Бой завтра. Именно завтра Ящер должен показаться из озера. А пока я познакомлю вас со столицей...

Мы с Ктором долго ходили по улицам. Красивый здесь город, зеленый, тихий. Много фонтанов. И еще много разных развалин: башен, стен, храмов. Сразу видно, что страна эта древняя.

Я разглядывал людей. Мужчины были в просторных костюмах и широких шляпах, женщины — в длинных разноцветных юбках и пестрых накидках. Все спокойные и неторопливые. И вот что я заметил: все они казались одного возраста — тридцати или тридцати пяти лет, румяные,

здоровые. Нигде не было видно юношей и девушек. Я сказал об этом Ктору. Он удивился:

— А зачем они?

Я тоже удивился:

— Как зачем? Ну... я не знаю. Ребята же растут, превращаются в молодежь.

— У нас не превращаются,— объяснил Ктор.— На острове так воспитывают детей, что они сразу становятся взрослыми. Крепкими, работящими, спокойными.

— А... как же? Сперва мальчик, а потом сразу... такой вот дядька?

— Да, очень быстро. И никаких забот. А с этими подростками было бы возни! Опасный народ. Им все время лезут в голову глупые мысли: хочется чего-то изменять, куда-то лететь, строить что-то непохожее на старое... Слава богу, мы от этого избавились...

— Ради равновесия порядка и любимого Ящера,— с насмешкой сказал я.

— Вот именно,— откликнулся Ктор Эхо, и я не понял: тоже с насмешкой или серьезно?

Несколько раз нам встретились школьники. Ребята шли длинными цепочками в затылок друг другу. С опущенными плечами, молчаливые и послушные. Сзади и спереди вышагивали воспитатели в коричневых балахонах и с номерами на шапках-треугольниках. Мальчишки были в таких же, как у меня, плащах или в курточках и штанах с бахромой, которая смешно моталась вокруг тонких ног. А девочки — в разноцветных платьях и пестрых передниках.

Как-то не вязался этот яркий наряд с их поникшим видом...

Часто попадались навстречу слуги Ящера — с одинаковыми розовыми лицами. Все они с ног

до головы были затянуты в серый плюш. Даже на руках — плюшевые перчатки. Вот, наверно, мучились от жары бедняги! Я хотел сказать об этом Ктору, но услышал пронзительный голос: — Последние новости! Слушайте, дорогие жители острова Двид! Наша жизнь течет спокойно и счастливо, хвала нашему чуткому и доброму Ящеру!..

Из-за угла на середину улицы вышел очень странный человек: в грязном белом цилиндре, коричневом длиннополом пиджаке и узких клетчатых брюках. Он странно выворачивал и вскидывал ноги, будто они сгибались в коленях во все стороны. Голова на тонкой шее вертелась, руки невпопад мотались. Человек запрокидывал голову и с какой-то натужной веселостью вопил:

— Слушайте, почтенные горожане. Все спокойно на острове! Вчера вечером скончался уважаемый Дагомир Как, торговец клеем, красками и мороженым! Мы погорюем о нем положенное время, но скоро наша печаль сменится тихой радостью, потому что мы живем на острове Двид! Наша жизнь приятна и радостна, почтенные соотечественники! Сегодня после обеда мы соберемся на главной площади для субботних танцев! Приходите танцевать, жители столицы!

Взлягивая и дергаясь, человек прошел мимо нас. На его запрокинутом лице сияла блаженная улыбка. Я подумал, что это городской сумасшедший, и вопросительно посмотрел на Ктора. Ктор сказал с усмешкой:

— Это славный Крикун Чарли. Наша живая газета. Он всегда там, где самые важные события...

— Разве у вас нет радио?

— Ра-дио?.. Ах да, есть... Но Крикунчик — это наша традиция, к нему все привыкли. Кое-кто считает, что он чересчур шумлив, но все его любят. За то, что он любит наш остров, где царит незблемое равновесие порядка...

И опять я не понял: всерьез говорит Ктор или с иронией?

— Если бы мы объявили о танцах по городскому слухопроводу, никто бы, пожалуй, не пришел. А Крикунчик Чарли умеет созвать народ...

Я видел эти танцы. Они были устроены на треугольной площади, которую мы проезжали накануне. Откуда-то доносилась плавная музыка, и под нее неторопливо двигались пары: широкоплечие дядьки и румяные женщины. Танцоры сходились, расходились, перемещались по кругу, раскланивались...

Иногда музыка замолкала, и тогда начинал верещать Крикунчик Чарли. Он, дергаясь, вышагивал среди танцоров.

— Прекрасная вещь — субботние танцы! Мы замечательно веселимся, не правда ли, почтенные жители столицы? Как приятна эта милая музыка!

«Милая музыка» мне показалась однообразной, танцы были похожи один на другой. Я тронул Ктора за рукав — хотел спросить, нет ли в городе кино или зоопарка. Но музыка внезапно оборвалась, раздался звон громкого колокольчика.

Через площадь ехало странное сооружение: высокая ступенчатая пирамида, обитая грязно-розовой материей. Пирамида была на больших дутых колесах. Ее тащила смиренная серая лошадка. По углам пирамиды на ее нижних ступенях сидели слуги Ящера. А на верхней площадке, метрах в четырех от земли, возвышались два квартальных воспитателя. Они стояли как на капитанском мостике: смотрели вперед, а руки положили, будто на поручень, на тонкую перекладину, укрепленную поверх деревянных столбиков.

Музыка стихла, а Крикунчик Чарли восторженно завопил:

— О, вот она, добрая наша старая колесница справедливости! Кто не вспомнит милые школьные годы, глядя на ее скрипучие ступеньки! Ха-ха, кое-кто боялся ее в детстве, но как мы благодарны ей теперь! Не правда ли, дорогие горожане?!

Раздались негромкие аплодисменты. А Крикунчик выскочил перед пирамидой и зашагал впереди лошадиной морды. Он дергался и выкрикивал:

— Вот она едет, наша милая розовая повозка! Она никому не позволит нарушить равновесие порядка! Ну-ка, где вы, лентяи, неряхи и любители недозволенных игр?!

Лошадь не обращала на Крикунчика внимания, видимо, привыкла. Квартальные воспитатели тоже не изменили своих капитанских поз. Стояли, как деревянные. Один воспитатель был коренастый, круглолицый, с широкоим желтым воротником на балахоне. Другой — тощий и высокий. Я подумал, что это мой утренний знакомый, но увидел, что номер на его шапке другой.

«Колесница справедливости» пересекла площадь и въехала в переулок, но все еще были слышны вопли Крикунчика.

— Что это за чудо на колесах? — настороженно спросил я Ктора.

Он сказал:

— Пойдемте, вам будет полезно посмотреть.

Мы пошли следом за пирамидой.

Квартала через два она остановилась у белого аккуратного домика. Мы с Ктором отошли к изгороди. У меня от долгой ходьбы по городу гудели ноги, и я присел на покрытый черепицей выступ.

Длинный воспитатель высоко поднял колокольчик и позвонил. Прошло полминуты. На крыльце показался краснощекий дядька. За руку он держал бледного светлоглового маль-

чика лет десяти. Дядька что-то сказал сердитым шепотом, выпустил руку и подтолкнул мальчика. Тот сделал несколько шажков и замер. Перепуганно смотрел на верхушку розового помоста.

Длинный воспитатель, подобрав подол, спустился с площадки и взял мальчика за локоть. Сказал ласково:

— Пойдем, голубчик.

Я увидел, как у мальчика подогнулись колени. Он заговорил громким от отчаянья голосом:

— Но это, наверно, ошибка! Честное слово! У меня всего три прокола!

— Ха-ха! — заверещал Крикунчик Чарли. — Вы слышали? Всего три прокола! Радостный покой и благонравие все больше укрепляются на нашем острове, и три нарушения порядка за неделю — это совсем не мало в наши дни! Ни у кого на улице Зрелых Апельсинов нет проколов больше, чем у этого мальчишки! А он еще говорит про ошибку!

Длинный воспитатель поморщился и недовольно покосился на Крикунчика, но мальчику сказал:

— Ты слышал, что говорит господин Чарли? Ступай наверх.

Он повел мальчика по лесенке. Тот опустил голову и сначала не сопротивлялся, но на верхней ступеньке слабо дернулся. Сказал со слезами:

— Я не хочу...

— Как не хочешь? — громко удивился воспитатель. — Разве ты собираешься поколебать равновесие порядка и вызвать гнев Ящера?

Он потянул мальчика, и они поднялись на площадку.

— Не надо... — последний раз проговорил мальчик, но четверо слуг Ящера обступили его, засуетились, а когда разошлись, он оказался в одной коротенькой рубашонке. Слуги растянули его руки на низкой перекладине и примотали какими-то серыми лентами...

Мне показалось, что кругом очень тихо, но это была тяжелая тишина, будто уши залепило пластилином. В руке у коренастого воспитателя появилось что-то вроде маленького черного удилица. Мои пальцы так сдавили черепичную плитку, что она треснула и плоский осколок остался в ладони.

Воспитатель взмахнул удилицем. Тугую тишину прорезал короткий шелест и сразу — отчаянный вскрик. К горлу у меня подкатила горячая тошнота. Я вскочил и со всей силой метнул черепичную пластинку в этого подлого палача.

Я не попал. Черепица ударилась о столбик и разлетелась. Но, кажется, осколками этому гаду все же досталось. Он уронил хлыст и зажал рожу растопыренной пятерней. Крикунчик

Чарли тонко завопил что-то непонятное. Лошадь дернулась, помост закачался. Слуги Ящера суетливо попрыгали вниз и направились ко мне.

Но плевал я на них! Я видел распятого на перекладине мальчишку и хотел, чтобы его отпустили! Я оторвал еще кусок черепицы.

Ктор крепко ухватил меня за плечи, а слугам и всем собравшимся громко сказал:

— Успокойтесь! Это Рыцарь Оленя. Он пришел к нам, чтобы вызвать на поединок Ящера.

Они окаменели, я увидел черные открытые рты и рванулся к помосту на помощь мальчишке.

— Отпустите его! Вы! Фашисты!

Ктор ловко ухватил меня сзади, утянул в калитку, захлопнул ее. Я с яростью повернулся к нему.

Ктор сказал:

— Да успокойтесь же, его отпустят. Сейчас его никто не тронет... Нельзя же быть таким несдержанным.

— Надо было оставаться сдержанным?! — со звоном спросил я.

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал он. — Сейчас уже все равно. Может быть, это и к лучшему... Только давайте возвратимся во дворец.

Я как-то сразу ослабел. Прислонился к калитке. Испугался, что зареву, как маленький, и зло сказал:

— Ну и страна у вас...

— Вот такая страна. Остров Ящера... По крайней мере, будете знать, за что деретесь...

Теперь я знал. Я локтем оттолкнулся от калитки и хмуро сказал:

— Идемте...

Дворик, в который мы попали, оказался проходной. Мы вышли в тихий переулок и скоро уже были во дворце. Остаток дня я провел в кабинете Ктора. Он показывал мне какие-то старинные книги и монеты, но я машинально кивал и все время видел перед собой гнусный розовый помост. И тоненького светлоголового мальчишку...

Вечером пришел оружейник. Он снял мерки с моей правой руки и с головы. Для меча и шлема.

Ужинал я один — все в той же круглой комнате с бухающими часами. Ктор куда-то ушел, а Тахомир Тихо не появлялся. После ужина Ктор отвел меня в спальню с высокими окнами и громадной кроватью. Белые светящиеся шары у стен медленно потускнели. Я лег и стал думать про завтрашний бой. Он меня не пугал. Я по-прежнему помнил, что в таких боях рыцари всегда побеждают чудовищ.

Интересно, какой он, этот Ящер? Наверно, у него перепончатые лапы, гребень на спине и змеиня голова на длинной тонкой шее. Надо будет обмануть чудовище. Я увернусь от голо-

вы, проскочу под шею и снизу ударю мечом по драконьему горлу.

Я был уверен, что все так и случится.

А розовый помост мы с ребятами сожжем на площади. Интересно, что при этом будет верещать Крикунчик Чарли?

Ящер

Я проснулся на громадной, как стадион, постели. По грудам подушек, по белому атласному одеялу прыгали солнечные зайчики — желтые, красные, синие. Это за окном с разноцветными стеклами качались ветки, а сквозь них били утренние лучи.

Я сразу все вспомнил — где я и что меня ждет. И ничуть не встревожился. Что плохого может случиться в такое солнечное утро? Я, как и вечером, подумал, что битвы рыцарей с драконами всегда кончаются плохо для драконов.

Плюшевый слуга Ящера выступил из угла и шелестящим голосом сказал:

— Пора вставать, Рыцарь Оленя.

Я быстро натянул одежду.

— Умойтесь, Рыцарь Оленя, — опять прошелестел слуга. Он держал длинный медный кувшин и наклонял его над большим тазом.

Да что у них, до сих пор водопровод не изобрели? Вчера фонтан, сегодня кувшин... А может быть, это такой обычай, чтобы рыцари перед битвой умывались, как в старину?

— Мыло-то у вас есть? — спросил я.

Слуга поклонился и протянул мне желтый увесистый кусок. От него пахло горькой травой. Но все-таки это оказалось настоящее мыло.

Вода была холоднущая, но я вымыл лицо и шею. Этот плюшевый тип начал вытирать меня мохнатым полотенцем. Я вырвался... и вдруг вспомнил маму. Когда я учился в первом классе, она по утрам торопливо подталкивала меня к умывальнику, потом сама вытирала мне лицо и приговаривала: «Пошевеливайся же ты... Ну почему ты такой копуша? Опять опоздаешь в школу...»

Я коротко вздохнул: далеко-далеко мама и папа. И даже не догадываются, где сейчас их Женька.

Ну ничего! Разделаюсь сегодня со здешним драконом — и сразу домой.

— Вот ваше оружие, Рыцарь Оленя...

Слуга теперь держал на вытянутых руках прямоугольный щит, а на щите лежали блестящий меч и красивый медный шлем с гребешком из черной щетины.

Я взял меч. Он был длинный, но тонкий и не тяжелый. Как раз по руке. Я хотел помахать им, но постеснялся плюшевого зрителя. Примерил шлем. Он тоже оказался как раз на меня. За-

крывал всю голову, шею, лоб, уши. А стальная стрелка защищала переносицу.

Щит был обит черной кожей, на ней поблескивало выпуклое изображение оленя из какого-то зеленого металла. Надо же! Успели специально для меня сделать! Я просунул руку в плотные кожаные кольца. Щит оказался лишь немного тяжелее моего фанерного.

И вот я стоял в полном вооружении, прямо хоть сию минуту в бой.

— Вы готовы, Рыцарь Оленя? — спросил слуга.

Что? Прямо сейчас?

— Поесть-то хотя бы дадите? — сердито проговорил я.

— Идемте. Завтрак внизу.

Я оглянулся на громадную кровать: на раскинутые подушки и смятое одеяло. Если бы я дома не убрал за собой постель, мама дала бы мне жизни! Но, наверно, рыцарям перед битвой не положено возиться с домашней уборкой... И я не стал ничего делать, только взял из-под подушки свой ключ на шнурке (а то потеряется здесь) и деревянный кинжал — на счастье.

По темной лестнице, над которой горели желтые фонари, мы спустились в круглую комнату. Из другой двери выкатился правитель Тахомир Тихо.

— А! Вот и наш герой, — проговорил он со сдержанной улыбкой и слегка поклонился. — Садитесь, Рыцарь Оленя. Подкрепитесь перед боем.

Я оставил оружие у дверей и сел. На столе опять стояли разные тарелки и вазы, и на них было много всего. Но я вдруг почувствовал, что не хочу есть. От волнения. Это было не боязливое волнение, а, наоборот, праздничное. Примерно такое же, как перед пионерским парадом, когда я впервые шел в шеренге горнистов... В общем, я сжевал яблоко и больше ни на что не посмотрел. Встал.

Тахомир Тихо тоже встал.

— Я вижу, вы готовы, — сказал он. — Что ж, самое время. — И он посмотрел на часы, которые все бухали и бухали, качая громадный маятник. Сердце у меня тоже слегка забухало, но опять не от страха. От неизвестности и близких приключений.

Правитель снова улыбнулся:

— Сами понимаете, моя должность не позволяет мне желать вам успеха. Поэтому я скажу так: пусть все решит судьба... На место боя вас проводит Ктор. Прощайте, Рыцарь Оленя.

— Прощайте, — отозвался я. Последние слова Тихо мне очень не понравились, но я отогнал тревогу. Отошел к двери и стал надевать снаряжение. Через минуту появился Ктор Эхо.

— Приветствую вас, Евгений, — сказал Ктор без улыбки. — Я вижу, вы настроены бодро и уверены в успехе...

— А вы? — спросил я, и тревога опять кольнула меня.

— Это неважно, — ответил он. — Главное, что уверены вы. Идемте.

Мы прошагали через сад и вышли на улицу. Перед воротами дворца было пусто. Только в окнах домов торчали тут и там неподвижные, как маски, лица. Зато поодаль на тротуарах стояло множество молчаливых людей, а на мостовой выстроился четырехугольник слуг Ящера. На них были плоские каски, а поверх плюшевых комбинезонов — кольчуги с медными бляхами. Над всем этим войском торчали копья. Их наконечники были похожи на узкие двурогие вилы.

Не понравилось мне все это. Ктор мягко пояснил:

— Не обижайтесь, Евгений. Люди боятся вас приветствовать. Их запугивали всю жизнь, и они думают: «А что нам будет, если победит не рыцарь, а Ящер?»

— Подумаешь! — бодро ответил я. — Больно нужны мне приветствия... — Однако настроение слегка угасло.

Мы двинулись вниз по улице. Почти сразу ухнули сзади дружные шаги. Я оглянулся. За нами неторопливо маршировал вооруженный строй.

— Зачем они?

— Не волнуйтесь, — с усмешкой сказал Ктор. — Когда вы победите, они станут выполнять все ваши приказы... А народ будет рукоплескать и кричать «ура».

«Тоже мне, народ, — подумал я, вспомнив краснощеких мужчин и сытых дам на площади. — Как драться — их нету, а рукоплескать — дожалуйста». Но тут же я вспомнил мальчишку на розовом помосте, и пальцы у меня стиснулись на рукоятки.

Улица уступами спускалась с холма, а кругом на склонах раскинулся город. Такой красивый! И утро было такое свежее, чистое! Пахло мокрой зеленью и еще чем-то знакомым, похожим на запах цветущих одуванчиков. Солнце стояло невысоко, но было уже горячее. Оно светило мне в спину и грело сквозь майку.

Среди зелени ярко белело кружево старинного моста...

Неужели я не смогу освободить от Ящера эту прекрасную землю?

Улица вывела нас из города. Неширокая дорога пролегла среди кустов и невысоких пригорков. На пригорках я увидел людей. Они устанавливали на треногах какие-то приборы, похожие на громадные гармошки: не то фотоаппараты, не то телекамеры.

На ближнем холмике, совсем недалеко от дороги, я разглядел вертящую фигуру Крикунчика Чарли. Он крутился среди тех, кто устанавливал аппараты. Когда я проходил мимо, Крикунчик укрывался за другими людьми.

Кое-где стояли цепочки ребят, а над ними торчали треугольные шапки воспитателей...

Топот вооруженных слуг Ящера затих. Пригорки кончились, и дорога потянулась через луг, похожий на высохшее болото: вперемешку с травой торчал из земли сухой тростник. Иногда он был очень высоким, метелки его качались выше моей головы. За этими сухими метелками заблестела синяя вода.

— Вот и все, — сказал Ктор и остановился. — Дальше вам идти одному, Евгений. Дальше — уже поле боя...

Так быстро? И так просто... Я недоверчиво посмотрел на Ктора. Тот отвел глаза.

— По правде говоря, — вздохнул он, — мне тоже не хочется, чтобы Ящер видел меня с вами рядом... А вы идите прямо к берегу и ждите. Ящер скоро появится... Ну, я пошел.

Он даже не добавил «желаю победы». Быстро исчез, только тростинки зашелестели. Мне страшно стало. Но не мог же я отступить. И я пошел к берегу: не по дороге, а прямо сквозь траву и сухие ломкие стебли.

И вышел на плоский песчаный бугорок шагах в двадцати от воды.

Озеро было шириной с километр. На том берегу голубел невысокий лес. В гладкой воде отражались облака. И тихо было. Страх начал угасать. Я опять стал думать, как обману Ящера, когда он вылезет: обегу стороной, поднырну под зубастую голову и с размаху садану мечом по длинной шее...

Но скоро ли появится это чудище?

Все было спокойно. Только мне показалось, что озеро в самой своей середине стало вспухать. Вода словно поднималась плоским горбом.

Сердце у меня заперестукивало, я пригляделся. Нет, это не вода вспухала. Это поднимался из озера синевато-серый стальной остров. Его движение ускорялось. И вдруг из воды с ревом и свистом выросла на жуткую высоту башня! С нее рушились водопады...

В первый миг я даже не испугался. Просто остолбенел и закинул голову, разглядывая башню. Это был шар с двумя черно-зелеными кругами. Он стоял на чешуйчатых столбах. Столбы колебались, и шар вверху покачивался, будто аэроплан... понял что это! И задохнулся от ужаса.

Круги — это были зеленые глаза с черными зрачками. Шар — голова. Гибкие столбы — щупальца. Покачиваясь на этих щупальцах, над озером стоял осьминог. Спрут. По форме он был такой же, как обычные осьминоги (я их видел на картинках), но покрыт не слизью, а, видимо, стальной броней.

А размеры!..

...Когда я был совсем маленький, мне изредка снился жуткий сон: будто я один-одинешенек стою в широком поле, а из-за горизонта пока-

зывается лицо. Невыразительное, скучное, с морщинками и родинками. Обыкновенное лицо, но оно размером с полнеба! И эта смесь обыкновенности и громадности замораживала меня мертвым страхом...

Так было и сейчас. Я заледенел и смотрел, не мигая, на чудовище ростом с Останкинскую башню.

Спрут стоял на четырех щупальцах. Четыре других были скручены улитками, и эти громадные «улитки» висели под самой головой. Спрут повел глазами и стремительно выпрямил одно щупальце. На секунду оно повисло над озером, а потом конец его упал на дальний берег. Сначала я ощутил сотрясение земли и увидел, как взволновалась вода, а затем уже услышал громоподобный свист и грохот удара. Над лесом взметнулся дым.

Тут же развернулась вторая «улитка», и, с ревом рассекая воздух, прямо на меня понеслось другое щупальце.

Я не шелохнулся, только закрыл глаза.

Гигантская «нога» спрута упала на берег шагов за пятьдесят от меня. Словно грохнулся с неба железнодорожный состав. Земля подскочила, мой пригорок вздыбился и сбросил меня в траву.

Шлем с меня скатился, меч отлетел. Только щит удержался на левом локте. Я опрокинулся на спину. Опять, как от взрыва, подскочила земля: это приподнялось и снова грянуло о берег тысячетонное щупальце спрута. Надо мной прошел жаркий ветер, и я увидел на верхушках сухого тростника язычки бледного огня.

А в ясном небе, над огнем и грохотом, над моим отчаянным страхом, стояла громадная круглая голова с зелеными глазами. Глаза медленно поворачивались, кого-то искали. Меня?

Я отбросил щит, вскочил и побежал. Как зверек в траве. Скорее, скорее, лишь бы спастись...

Я бежал, а земля вздрагивала и гудела, и теплый ветер иногда толкал меня в спину. Потом стало тихо, но я все равно бежал. А в голове сама собой колотилась только одна коротенькая мысль: «Спрут, а не Ящер. Спрут, а не Ящер...»

Сквозь высокие кусты и камни я выбрался на ровную лужайку. Там стояли люди. Я бы промчался мимо них без задержки, но они загородили дорогу. И я услышал тонкий вопль Крикунчика Чарли:

— Вот он наш «герой»! Посмотрите, жители острова Двид! Вот он глупый трусливый рыцарь, бросивший свой меч! Как быстро улепетывает он с поля боя! Да здравствует победитель Ящер! Да здравствует вечное равновесие порядка! Держите этого хвастуна!

Передо мной мелькали какие-то лица. Кто-то злорадно загоготал, кто-то свистел. Двое слуг Ящера крепко взяли меня за локти, и мне пока-

лось, что в пальцах их плюшевых перчаток стальные стержни.

Меня куда-то повели, потом повезли в глухой темной повозке.

И я оказался в темнице...

Государственный преступник

Да, это была настоящая темница. Со всех сторон, под ногами и над головой — грубый но-здреватый камень. Даже лежанка оказалась сложенной из еле отесанных могучих плит. А вместо обычного стола поднимался над полом вырубленный из камня куб. Только табуретка была железная или чугунная: с дурацкими завитками на ножках и мелкой решеткой на сиденье.

Когда меня сюда впихнули (не очень грубо, но решительно), я целую минуту обалдело стоял, и в мыслях у меня была сплошная путаница. Потом как-то сразу ослабели ноги. Я сел на решетчатую табуретку, но тут же вскочил: она обжигала холодом, будто ее внесли с зимней улицы. Камень лежанки тоже был холодный. И сырой. Я прислонился к двери. Она оказалась сколоченной из могучих плах, и дерево было теплее камня.

Темница на то и темница, чтобы в ней не хватало света. Но после глухой черноты внутри повозки мне здесь показалось светло. Стены сверху постепенно сужались и превращались в высокий сводчатый потолок, а в самой высокой точке потолка ярко светилось квадратное окошко. Я находился будто внутри четырехугольной каменной бутылки, а окошко было горлышком. В этом «горлышке» белел край облака.

Сначала я просто смотрел, как движется облако. Потом потрянул головой, и обрывки мыслей стали как бы склеиваться. Я начал по порядку вспоминать, как все было...

И мне стало до жути стыдно.

Нет, не потому, что я бежал с берега. Разве может один человек воевать с несущимся на него курьерским поездом, с Ниагарским водопадом, с атомным взрывом? Не может ни мальчишка, ни взрослый. Но меня съедал стыд за свою прежнюю нахальную уверенность. Надо же, явился сказочный принц! Решил, что махнет мечом и спасет целое государство! «Обегу стороной, поднырну под шею и по горлу — раз!..» Ой, дурак, дурак, дурак...

Да, но эти, кто додумались меня сюда привезти, о чем думали? Неужели всерьез верили, что мальчишка справится там, где нужны ракетные батареи? Идиоты! В легенды поверили! Сами хвосты поджали, а пацана одиннадцати лет сунили вперед. На верную гибель!

Тут у меня все смешалось: и стыд, и злость, и жалость к себе. И очень-очень захотелось домой. И еще захотелось лечь прямо на пол и зареветь.

Но на пол я не лег, знал, что он холодный. А зареветь не успел. Тяжелая дверь за мной качнулась, и я отскочил.

Вошел очень высокий человек в плаще до пола. Молча посмотрел на меня, подтащил к каменному столу чугунный табурет и сел. Конечно, в плаще-то не холодно.

Сидеть ему было неловко: некуда девать колени. Он поморщился, повозился и повернулся ко мне. Сказал невыразительным голосом:

— Я — главный прокурор острова Двид. Моя задача — поддерживать равновесие порядка, установленное могучим Ящером.

«Ну и что?» — хотел спросить я, но не решился. Просто смотрел на него мокрыми глазами. У главного прокурора была длинная, как огурец, голова. Голая. Только на самой верхушке «огурца» торчал жиденький кустик волос. Нос был маленький, пяточком, совсем не подходящий к длинному лицу. А бровей я вовсе не увидел. Вместо них над глазами шевелились розовые безволосые бугорки.

— Эй... — негромко сказал прокурор в открытую дверь, за которой маячили темные фигуры. Почти сразу вошел слуга Ящера, он принес горящую свечу и лист бумаги. Прокурор кивком отослал слугу, достал большую авторучку и обратился ко мне:

— Вы — тот, кто называет себя Рыцарем Оленя?

— Не называл я себя так... — заспорил я сильным от слез голосом. — Это здесь меня так прозвали.

— Ну, допустим. А кто вы на самом деле? Как ваше настоящее имя?

— Ушаков... Женья. Из девятнадцатой школы, четвертый «В». То есть пятый уже...

Все так же невыразительно он спросил:

— Вы прибыли на остров, чтобы убить нашего славного Ящера?

— Я же не сам... Это Ктор сказал, что все хотят... что он всех угнетает... А я...

— Вы пошли к озеру с оружием, желая нагасть на Ящера. Разве не так?

Это было так.

— Я же не знал, что он такой громадный, — глупо пробормотал я.

Прокурор сказал со сдержанным удовольствием:

— Значит, если бы наш славный Ящер был меньше и слабее, вы попытались бы убить его... Вы признаетесь?

— Я же не сам... Мне сказали, что так надо... — опять пробормотал я. Но он уже не слушал и быстро писал. Потом помахал в воздухе листом и сказал:

— Подпишите признание.

Я здорово испугался, сам не знаю, почему. И крикнул:

— Ничего я не буду подписывать!

— Ну, как хотите. Это неважно, — равнодушно сказал прокурор и встал. Прихватил свечу, бумагу и, шурша плащом по полу, зашагал к двери.

— Что вам от меня надо? — громко сказал я вслед. — Что я, так и буду здесь сидеть?

Прокурор оглянулся в дверях и спокойно ответил:

— Нет, вы здесь не засидитесь.

Дверь с визгом и ляганьем закрылась.

Я стоял и не знал: пугаться или радоваться словам прокурора. Не засижусь... а что будет потом?

Я подошел к табуретке и потрогал. Может быть, она хоть немного нагрелась от прокурора? Нет, видно, прокурорский зад был такой же холодный, как стены темницы.

На усталых и слабых ногах я зашагал от стены к стене...

Так прошло какое-то время. Совсем не знаю, какое: может, пятнадцать минут, а может, три часа. То вспоминал я о доме, то думал про железного Ящера, то со страхом гадал, что со мной сделают...

Залезгал дверной засов. Я остановился и задрожал: что сейчас произойдет?

Появился Тахомир Тихо.

Он с печальной улыбочкой посмотрел на меня, огляделся, покачал головой и заговорил:

— Ну, это уж чересчур, это уж ни к чему. Холод, сырость, постель не дали... Эй, там! Велите, чтобы принесли постель!.. Да, уважаемый Рыцарь Оленя, грустно все у вас получилось. Я ведь предупреждал.

— Ничего вы не предупреждали! — крикнул я и разозлился. — Говорили: «Ящер, Ящер», а это спрут. Да вон какой громадный!

Тахомир Тихо сдержанно хихикнул:

— Все его зовут Ящер. И всегда так звали. А что такое «спрут», я не знаю... Я же говорил, что это страшное чудовище. А вы думали, что это котенок?

Он присел на край лежанки, тут же встал и мелко зашагал из угла в угол.

— Да-да, я предупреждал... И зачем вам нужно было влезать в эту историю? Остров жил спокойно, мирно, все были довольны...

— И те ребята, которых вы хлестали на вашей дурацкой телеге? — перебил я.

Тахомир Тихо остановился и пожал плечами:

— Что здесь дурного? Дети сами понимают, что это необходимо. Это разумная строгость. Да! Она нужна для равновесия порядка.

— «Порядка»? Фашисты вы, — сказал я.

— Кто? Не понимаю... Детей необходимо держать в страхе, чтобы в головы им не прихо-

дили нелепые фантазии. Иначе что получится? Сначала они начнут слишком прыгать, бегать и хохотать, затем у них появятся недозволенные игры, потом кому-то покажется, что в жизни острова не хватает новизны... И наконец, у кого-то может возникнуть желание переделать эту жизнь...— Правитель оглянулся и передернул плечами.

— Ну и пусть переделывают! А вам жалко?

Тахомир вздохнул, будто пожалел меня за неразумность. И объяснил:

— Во-первых, жалко... Из-за какого-то младенческого бреда разрушить такую налаженную, спокойную жизнь... А во-вторых, Ящер не потерпит, чтобы равновесие порядка было нарушено...

— Да ему-то зачем это ваше равновесие?

— Зачем, никто не знает,— строго объяснил Тахомир.— Но Ящер поставлен над нами высшей силой, чтобы это равновесие соблюдалось. И прекрасно, что поставлен! Да! С его помощью остров достиг расцвета и благоденствия.

— Ну и расцвет! Смотреть тошно!

— Не нравится — не смотрите,— возразил Тихо.— Вас никто не звал.

— Как раз звали! Ваш заместитель Ктор Эхо!

— Ну... я же говорил: Ктор у нас романтик,— с улыбкой заметил Тихо.— Вам не надо было его слушать... Теперь вы сами видите, что острову Двид вы не нужны.

— Ну, раз не нужен, отправьте меня домой,— торопливо сказал я.

— Да? А Ящер? Вы хотите, чтобы он в ярости смешал наш город с камнями? Вы нарушили закон, и должны отвечать, Рыцарь Оленя.

— Но я же ничего не сделал!

— Ничего? — сердито хмыкнул Тихо.— А вчерашний скандал на улице? А дерзкий вызов Ящеру? Думаете, он простит?.. Вы — государственный преступник, и вашу судьбу решит суд острова Двид.

— Вы не имеете права меня судить! Я не из вашей страны!

— А проникать в нашу страну с преступной целью вы имели право? — с насмешкой возразил он.— Нет, уважаемый Рыцарь Оленя, вы виноваты, и народ должен увидеть, что вы понесли наказание.

«Неужели, как того мальчишку на розовом помосте?» — с дрожью подумал я.

Нет, ни за что! Драться буду, кусаться, царапаться! Биться до смерти!..

— Только посмейте тронуть!..— сказал я и разозлился. А когда я злюсь, то страх у меня приходит.

Правитель хмыкнул себе под нос и покатился к двери. Уже с порога он сообщил:

— Эту ночь вам придется поскучать. Я прикажу, чтобы принесли свечу...

— Подавитесь вы вашей свечой...— сказал я. Тахомир Тихо укоризненно покачал головой

и ушел. Тут же появился слуга Ящера с большой охапкой соломы. Он кинул солому на лежанку. Другой слуга внес в корзине глиняную миску, мятую жестяную кружку и кусок хлеба. Он оставил все это на столе, и меня опять заперли.

Я примял солому ладонями. Уткнулся лицом в ломкие стебельки. От соломы пахло сухой теплой травой, как на бабушкином сеновале. Отчаянная тоска резанула и сдавила меня. За горло взяла. Тоска по свободе, по дому, по маме и папе, по ребятам. По Толику... Я приподнялся, крикнуть хотел, броситься к двери, забарабанивать! И тут же понял: бесполезно... Никто, никто меня не пожалеет на этом проклятом острове. Никому я здесь не нужен.

Я опять брякнулся лицом в солому.

Никто не пожалеет и не поможет... А Ктор Эхо? Он же ко мне по-хорошему относился. Даже пиджаком укрывал, когда плыли на остров... Ведь это из-за него я здесь! Неужели бросит? Неужели не придет?

...Ктор Эхо пришел вечером. А до его прихода я много раз то совсем погибал от отчаянья, то, наоборот, начинал думать, что ничего страшного не случится: поугадают и отпустят. Я, кажется, даже поспал немного. А потом поел. Тюремная похлебка ничуть не напоминала обеда и ужины у Тахомира Тихо, она была недосоленная и противно пахла жареным луком. Но я съел всю. И хлеб съел. И запил водой... Вот тут-то и появился Ктор.

Он пришел с жестяным фонарем, от которого разлетались по стенам прямые желтые лучи. Сел рядом со мной на лежанку, а фонарь поставил у ног. Долго молчал (я тоже молчал, хотя и ждал с нетерпением: что он скажет).

Он сказал:

— Плохо все кончилось, Евгений...

Будто я сам не знал!

— Жаль...— сказал Ктор. И добавил: — Я ду- мал, вы проявите больше мужества.

Это что же? Он меня еще и обвиняет? Я дернулся так, что солома взлетела над каменными плитами.

— Я? Мужества?.. А вы сами сможете драться с таким... с такой машиной! Небось, даже на берег побоялись сунуться!

— Я не рыцарь, я чиновник,— возразил он.— А вы обещали, что будете драться... Я надеялся, что вы примените какую-нибудь военную хитрость... Говорят, около ста лет назад один смельчак попытался прыгнуть с воздушного шара Ящера на голову. Ходят слухи, что вся сила у Ящера в щупальцах, а голова почти не защищена. Вроде бы ее можно пробить мечом... Правда, тому герою тоже не повезло: он промакнулся...

— Интересно, где мне было взять воздушный шар? — ехидно спросил я.— Вы же не говорили, как о е это чудовище.

— Я говорил все, что мог,— возразил он.— Иногда даже больше, чем полагается. Не забывайте, что я на высокой службе и не могу разглашать государственную тайну.

«Нет,— понял я.— Не будет он мне помогать...» Меня опять накрыло страхом. Стыдно было этот страх показывать, но я не удержался и тихо спросил:

— Что теперь со мной сделают?

Он вздохнул и долго молчал. Проговорил как-то виновато:

— Ну уж потерпите еще завтрашний день...

— День? А потом?

— Ну...— он поерзал, зацепил ногой фонарь, опрокинул и быстро поставил. Желтые пятна метнулись по камням.

— Что? — нетерпеливо повторил я.

— Это же быстро,— пробормотал он.— И, говорят, не больнее, чем вырезать гланды...

Я обмер:

— Что... не больнее?

— Ну... когда это... голову...— он ребром ладони провел по колену.

— Да вы что!! — заорал я и вскочил на лжанке.— Вы с ума сошли?! Какое вы имеете право!..— И я, по правде говоря, отчаянно заревел.

Но Ктор на мой крик будто не обратил внимания. По-прежнему сидел согнувшийся и неподвижный. От этой его неподвижности слезы у меня остановились. Я часто задышал и снова сказал:

— Не имеете права. Еще и суда не было.

Ктор шевельнулся.

— Да был суд...— вздохнул он.

— Без меня?

— А зачем вы там нужны? И так все ясно...

Я опять заплакал — от беспомощности.

— Гады вы все с вашим Ящером. Связались с мальчишкой...

Ктор медленно поднялся.

— Евгений! Если вы не сумели быть рыцарем на поле боя, то хотя бы сейчас ведите себя достойно.

— Идите вы с вашими рыцарями! Сами все напридумывали, а на меня свалили! Сами заманили сюда, а я отвечаю, да?!

Ктор спросил немного удивленно:

— Значит, по-вашему, во всем виноват я?

— А кто? Я?!

Он задумался, и у меня почему-то появилась надежда.

— Хорошо,— наконец заговорил Ктор.— Если вы так считаете, ладно... Я не хочу упреков совести и потому выдам вам один секрет... Вон там, в углу, начинается подземный ход. Он заделан тонкой стенкой, вы ее сможете пробить даже ногами. Бегите...

Я чуть не ошалел от радости. Но тут же подумал: «А куда бежать?»

— Смеетесь, да? Только начну стучать, меня тут же схватят.

— Кто? — усмехнулся Ктор.— Вас не сторожат. Запирают снаружи дверь, вот и все. Ведь на острове нет ни одного вашего друга. Никто не подойдет и не отодвинет засов.

Это он правду сказал: никто не поможет.

— А куда я денусь на вашем острове? Меня любой выдаст.

— Прячьтесь от людей. Подземный ход выведет вас на опушку леса. Идите тропинками через лес на ближайший берег. На берегу можно отыскать лодку или связать плот. Если подует юго-западный ветер, он пригонит вас домой...

— А если не подует?

— Когда-нибудь подует... Впрочем, я не обещаю, что вам обязательно повезет. Но я даю вам шанс...

Ктор нагнулся и взял фонарь.

— Советую не долбить стену сейчас. Дождитесь полной темноты.

— Как же я буду... в темноте?

— Ах, да... Ладно, оставлю вам свет.— Он опустил фонарь на стол и проговорил с усмешкой: — Теперь прощайте... мальчик Женя. В любом случае, мы больше не увидимся.— И ушел, пригнувшись в низкой двери. Дверь опять закрылась со скрипом и лязгом.

Я дрожал — то ли от зябкого воздуха тюрмы, то ли от волнения. Может, правда спасусь?..

Я зарылся в солому, чтобы согреться, и стал ждать, когда вечернее небо в окошке совсем потемнеет. Ух как долго я ждал! Просто чуть не выл от нетерпенья. Но долбить стенку раньше срока боялся.

Наконец окошко стало темно-синим, и в нем ярко загорелась зеленая лучистая звезда. Мне она показалась хорошей приметой. Я встал, отряхнул солому, поправил на животе рукоятку кинжала (он так и торчал у меня из-за резинки на поясе), прошел в угол и с размаху ударил пяткой о стену у самого пола.

Здорово отшиб ногу, а камень не шелохнулся.

Я ударил еще раз — всей подошвой! Камень держался мертво. Неужели Ктор обманул?

Отчаянным рывком я подтянул тяжелую табуретку, схватил за ножки, через силу приподнял. Потом раскачал ее в руках и грохнул чугунным ребром о стену.

Табуретка ухнула в пустоту. Она чуть не утянула меня в открывшуюся черную дыру.

Я схватил фонарь и, царапаясь о кромки разбитого камня, полез в проход. И оказался в низком земляном коридоре.

Скорее, скорее!

Сверху сыпались серые крошки. Из неровных стен торчали волосатые корни. Они хватили меня за ноги и за локти, но я не останавливался. Свет фонаря стал меркнуть, и я боялся остаться в глухой подземной тьме.

А ход оказался длинным-длинным. Наверно, он вел через весь город. Фонарь все же погас. Я бросил его и стал пробираться на ощупь. Наконец что-то загорелось впереди. Огни? Меня кто-то караулил?.. Я замер. Потом сделал шаг.

Не было огней. Это светил через листья большой перевернутый вниз рогами месяц.

Я пробрался через кусты, которыми зарос выход. Каким теплым и ласковым показался мне воздух после темницы и подземного коридора! И листья большой травы были ласковые. Они гладили меня, словно хотели зализать все царапины.

Совсем близко темнела смутная громада леса. После всего, что случилось, ночной лес не казался мне страшным. Я вошел в него.

Сначала было совсем темно: месяц не пробивался под лесные своды. Но потом стали попадаться светляки. Чем дальше, тем гуще роились они вокруг. Несколько огненных жучков сели мне на майку. Я им шепотом сказал спасибо.

Мне хотелось уйти дальше, чтобы запутать следы. И я шел, шел, раздвигая мягкую траву, перелезал через горбатые древесные корни, нырял под низкие ветки, переходил вброд мелкие щекочущие ручейки...

В одном месте я наткнулся на кривое дерево. Могучий ствол его совсем низко нависал над землей. Сил у меня уже не было. Я сбросил раскисшие сандалии и лег под дерево. Трава обступила меня. Теплый воздух был, как одеяло. Я сразу уснул.

Птица

Мне приснилось, что мы с Толиком ночуем в палатке. В каком-то походе или лагере. Будто я открыл глаза и увидел, что уже утро и колючие солнечные лучики пробиваются сквозь мелкие дырочки на парусине. А Толик сидел у выхода и как-то странно смстрел на меня. Потом приложил палец к губам и выбрался из палатки. Что-то встревожило меня. Не очень, но все-таки... Я выбрался следом и увидел, что он уходит через лужайку к туманной кромке леса.

А над лужайкой, протянувшись от неба до травы, искрились тонкие стеклянные струны. Я сразу понял, что это заколдованный дождик. Ночная тучка ушла, а замершие струи остались, и солнце пересыпало их разноцветными огоньками...

Толик уходил через этот неподвижный дождик и время от времени оглядывался на меня.

Я побежал за ним. Молча, не решаясь его окликнуть. Упругие дождевые струны цепляли меня за плечи, мешали бежать, и я не мог догнать Толика. Тогда я рванул из всех сил! И одна струна лопнула. А за ней остальные! И они рассыпались на миллионы капель. Я промок до ниточки. Задрожал и проснулся.

Я и в самом деле был мокрый — от росы. Ее крупные шарики гроздьями висели надо мной, и в них переливалось солнце — так же, как в недавнем сне.

Несколько секунд я лежал, ничего не понимая. Но меня затрясла такая дрожь, что я вскочил. И, наверно, от этого сразу все вспомнил.

Кругом стоял сказочный лес. Стволы деревьев были огромными. Я их видел не совсем отчетливо, потому что среди стволов клочьями ви-

сел туман. Солнце прошивало листья, и в тумане горели косые неподвижные лучи.

Я здорово дрожал, но, несмотря на холод, мне стало радостно от такой красоты. Наверное, в этом лесу нет опасности. Это добрый лес. Мне даже показалось на миг, что здесь я встречу Толика.

А что? Я его в самом деле встречу. Ну, пускай не здесь, а дома, но все равно скоро. Потому что все будет хорошо и я обязательно попаду домой.

Вздрагивая и смеясь, я выбрался на поляну. Здесь было теплее. Обрывки тумана быстро улетали вверх. Солнце грело уже крепко, и трава высыхала на глазах. Я стянул с себя всю одежду и раскинул ее на ветках куста с большими желтыми цветами.

И вдруг спохватился: а где кинжал, где ключ, который вчера висел у меня на шее?

Ох как не хотелось лезть опять в сырые заросли, да еще голышом! Но пришлось. Тем более, что сандалии тоже остались в траве, и надо было их просушить.

Кинжал и сандалии я нашел сразу. А ключа не было. Куда он пропал? И как шнурок мог с меня соскользнуть? А может быть, ключ потерялся еще под землей? Там было так страшно, и корни так царапались и хватали за шею, что я мог и не заметить потерю.

Здорово я расстроился. То, что ключ пропал, мне показалось плохой приметой: будто намек, что я никогда не попаду домой. Но потом я немного успокоился. Решил поискать получше, когда трава под деревом высохнет. Опять выбрался на полянку и запрыгал, чтобы согреться.

Мне понравилось прыгать, размахивать руками и купаться в солнечных лучах. Они становились все горячее и даже делались какими-то пружинистыми, тугими. Так замечательно было! Но наконец я запыхался. Остановился и начал глубоко вдыхать запах мокрых цветов. И через шумное свое дыхание вокруг услышал чей-то живой писк.

Я замер. Писк опять разнесся над поляной. Громкий и отчаянный. Я не испугался. Сразу почувствовал, что кто-то маленький зовет на помощь. Зверек или птица.

Я тоже был маленький и беспомощный в этой стране. Но сейчас был кому-то нужен. Мог помочь! Маленькие и слабые должны помогать друг другу, чтобы не быть одинокими. Чтобы стать сильнее.

У меня даже защекотало в горле от этой неожиданной мысли. И от резкой жалости к тому, кто пищал в траве. Я еще не знал, кто там, но все равно жалел его. И поскорее бросился на сигнал беды.

У края поляны кто-то копошился в траве. Я раздвинул стебли...

И увидел ошипанного гуся.

Он бился в травяной чаще. Подпрыгивала голова на тонкой голой шее, дергалась пупырчатая кожа. Там, где должны быть крылья, шевелились нелепые култышки. Скребли по листьям тощие лапы...

Честно говоря, мне стало не по себе. Даже противно сделалось. Я откинулся назад. Но птица без перьев забилась еще сильнее и попыталась встать. Опять громко запищала. Словно просила: «Не уходи!»

Я снова нагнулся и пригляделся. Нет, это был не гусь. Голова совсем не гусиная, клюв длинный и слегка загнутый. И лапы очень длинные, без перепонки между пальцами... И вообще это была не взрослая птица, а птенец! Неоперившийся птичий детеныш, только громадный.

Я вздрогнул: какие же родители у такого птенчика? А если прилетят на писк да решат, что я обижаю их младенца, да хряпнут меня по твоему метровым клювом?

Подальше бы отсюда... Но птенец — он все-таки птенец. Он в беде. Наверно, выпал из гнезда. Я поднял глаза. На ветвях могучего дерева, прямо надо мной в самом деле темнело гнездо: куча хвороста величиной с рожаль.

Дерево было очень толстое и прямое. Конечно, я смог бы добраться до гнезда, цепляясь за выступы и наросты на коре, но это если один. А как с птенцом?

Пока я раздумывал, какая-то полупрозрачная тень пронеслась над поляной, надо мной. На миг потемнело солнце. Я быстро оглянулся. Но все было по-прежнему. Наверно, у меня просто закружилась голова.

Что же все-таки делать? Была бы веревка — я бы забрался в гнездо, а потом поднял птенца... А если найти подходящую лиану? Кое-где по стволам тянулись длинные стебли вьюнков с желтыми и синими цветами-колокольчиками. Выберу стебель покрепче, сделаю из майки мешок, засуну туда птенца...

Я вскочил, чтобы побежать за вьюнком. И опять пронеслась надо мною серая тень. Так ощутимо, что на этот раз ветер шевельнул мои волосы. Я присел на корточки, и сердце забухало. Сквозь это буханье до меня донесся шум тяжелых шагов. Я задрожал и рывком обернулся.

Сначала я ничего не увидел. Потом... Потом прямо из ничего, из воздуха, выступила громадная голубая птица.

Птица стояла и смотрела на меня. Я даже не удивился, что она появилась из пустоты, меня просто ошарашил ее рост. От земли до ее клюва было не меньше пяти метров.

Птица шевельнула головой, не то скрипнула, не то протрещала что-то на своем языке и зашагала ко мне. Ее очень тонкие, но, видимо, тяжелые ноги подминали траву и мелкие кусты. Желтый ласковый клюв (длиной с саблю, но го-

раздо толще) был по-боевому загнут вниз. Я почувствовал себя маленьким голым червяком, которого сию минуту склюнут и проглотят. Но не побежал. Даже в голову не пришло, что можно удрать и спрятаться в чаще.

Птица подошла и нависла надо мной. Я зажмурился. Но ничего не случилось. Я осторожно глянул вверх. Птица склонила голову набок и смотрела на меня одним глазом. Мне показалось, что вопросительно. И тогда, сам не зная зачем, я сказал:

— Птица, я же не виноват...

Она приоткрыла клюв и защелкала им так, что по лесу рассыпался костяной треск. Я вздрогнул. Птенец снова отчаянно запищал. Но птица не двинулась с места. Она лишь повернула голову и глянула на меня другим глазом.

— Честное слово,— жалобно сказал я.— Он сам упал. Я хотел помочь... Хотел поднять вон туда.— Я посмотрел на гнездо.

И птица... Она тоже посмотрела на гнездо! А затем опять на меня.

Мне показалось, что она все понимает. Наверно, просто показалось. Но так хотелось, чтобы хоть кто-то на этом острове отнесся ко мне по-человечески! Пусть даже птица...

— Я помогу,— заторопился я.— Ты не думай, птица, я его не обижу. Ты только не мешай, ты только поверь мне, птица...

Надо было взять майку. Я осторожно поднялся. На дрожащих ногах обошел птицу стороной. Двинулся к желтому кусту, где сохла одежда. Птица стояла на месте и внимательно следила за мной: поворачивала голову на длинной гибкой шее.

Теперь между нами оказалось шагов двадцать. Я, наконец, подумал, что можно удрать — схватить одежду и рвануть в гущу леса! Птица не догонит меня среди зарослей.

Но она же не делала мне зла. Она стояла и ждала (а птенец все пищал). Она смотрела на меня так умно, будто человек. И я даже застеснялся перед ней, как перед человеком, что совсем раздетый. Натянул на себя все, кроме майки.

А майку понес к птенцу.

В пяти шагах от птицы я сказал ей:

— Ты не думай, я ничего плохого ему не сделаю. Просто заверну, чтобы поднять в гнездо. Ладно?

Она — вот умница! — шагнула в сторону. Словно хотела сказать: делай, что надо, не бойся.

И я почти перестал бояться. Приподнял птенца и начал заталкивать в майку. Он был очень теплый и какой-то жидкий — как полиэтиленовый пакет с горячим киселем. В этом киселе отчаянно стучало твердое сердечко. Птенец пискал орал, неумело щелкал клювом и царапал меня когтистыми лапами. Кожа была мок-

рая, а прорастающие перья кололи ладони. Не очень-то приятно было, но что делать. Наконец я упихал этого скандалиста в майку — так, что ноги его торчали из ворота, а сам он барахтался, как в мешке.

Теперь привязать к майке лиану, взять ее конец в зубы — и марш на дерево.

— Все, птица,— сказал я.— Скоро все будет в порядке...

Она стояла рядом и слушала. Внимательно так... И вдруг на меня просто озарение нашло!

— Слушай, птица! — воскликнул я.— Тебе же это совсем легко! Возьми майку в клюв и лети в гнездо! Понимаешь меня, птица?

Я был уверен, что она понимает, и даже не удивился, когда она шагнула ко мне и склонила голову.

Я протянул птице майку с дрыгающимися лапами. И она осторожно зажала в клюве трикотажный подол. Подпрыгнула и взмахнула великанскими крыльями так, что меня откинуло ударом воздуха.

Птица поднялась и через две секунды оказалась в гнезде.

Она совсем скрылась, только пышный короткий хвост из темных перьев иногда выглядывал из-за края гнезда. Гнездо качалось, слышалась шумная возня и писк. На меня сыпалась труха и упало несколько веток. Потом птица высунула голову и рассыпчато пощелкала клювом.

— Ну что, птица, все в порядке? — спросил я.

Она опять коротко потрещала.

— Вот и хорошо. Только отдай мне майку. Понимаешь, птица? Майку. А то как же я пойду? Вечером холодно будет, и комары заедят.

Птица скрылась. Я опять услышал возню и писк. «Ну и характерец у этого младенца», — подумал я. Это мама так говорила, если я начинал упрямиться: «Ну и характерец...»

Птица опять выглянула — с майкой в клюве. Я решил, что она бросит мне майку, и вытянул руки. Но птица с шумом слетела, шагнула поближе и опустила майку к моим ногам.

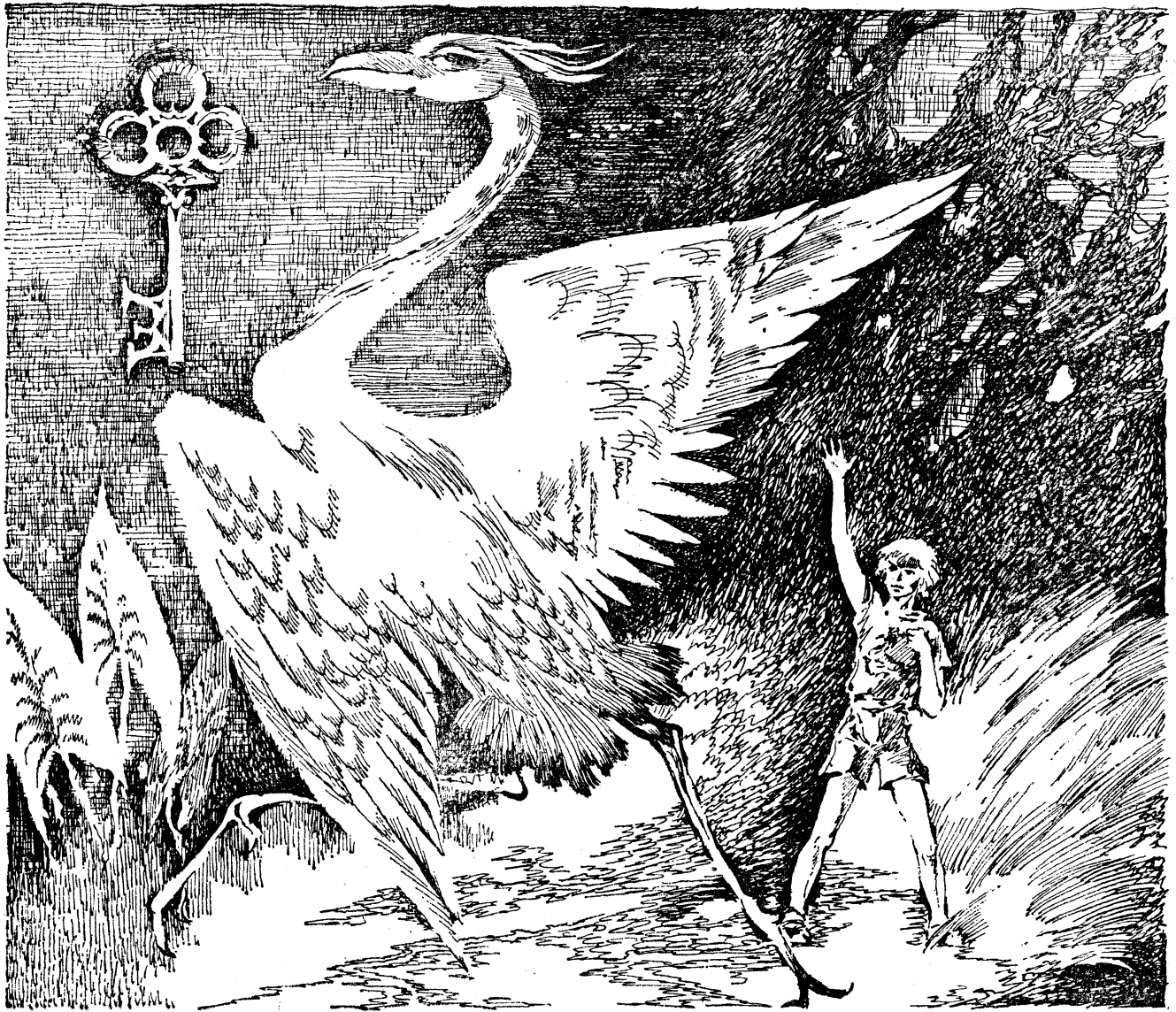
А затем она осторожно положила мне на плечо свою тяжелую голову — так, что могучий клюв оказался у меня за спиной. Совсем рядом я увидел круглый черный глаз в оранжевом ободке. В глубине глаза я разглядел желтую искорку и крошечное отражение своего лица.

Это был добрый умный глаз, хотя и не человеческий.

— Какая ты хорошая, Птица,— шепотом сказал я. Теперь я называл ее Птицей как бы с большой буквы — словно это было имя.

Птица еле слышно пошуршала клювом.

Я уже ни капельки ее не боялся. Я понял, что она говорит мне спасибо. Еще бы! Любая мать, любой отец будут благодарны тому, кто выручит из беды их ребенка. Я вдруг вспомнил роди-

телей Юльки Гаранина. Вот бы они радовались, если бы кто-нибудь спас их сына!.. И тут же я подумал о маме и папе. Если не попаду домой до их приезда, сколько горя они хлебнут! А если совсем не вернусь?

От этих мыслей и оттого, что Птица была такая ласковая, у меня намокли ресницы... Но нет, нельзя раскисать! Я вернусь! Надо идти к берегу, искать лодку, ждать юго-западного ветра!

Я погладил Птицу по упругим шелковистым перьям на шее.

— Прощай, Птица. Меня ждут... дома...

Она подняла голову на пятиметровую высоту. Я взял с травы майку, поправил под резинкой кинжал. Вздохнул и пошел.

На краю поляны я оглянулся. Птица стояла на прежнем месте. Громадная, стройная. Раньше она казалась мне похожей на страуса, но те-

перь я понял: ничего подобного. Больше всего Птица походила на фламинго. На фламинго-великана, только не розового, а серовато-синего.

Впрочем, трудно говорить о цвете: он все время менялся. То отливал сталью, то словно отражал небо, то делался почти сиреневым. Вдруг Птица шевельнулась... и пропала! Это солнечные лучи отскакивали от блестящих перьев так, что Птица словно растворялась в воздухе.

Так вот почему она появилась будто из пустоты! Она умела становиться невидимкой! Ну, правда, не совсем невидимкой. Ярко-желтый клюв, серовато-коричневые ноги, темный хвост и черную оторочку крыльев можно было разглядеть. Но только, если сильно присмотреться. В общем, Птица исчезала, как исчезают изображения у картинок-переливашек на карманных календариках.

Я помахал Птице и шагнул в лесную тень. Куда идти, я не знал, и пошел на северо-восток, чтобы солнце светило в правую щеку. Почему-то казалось, что эта дорога до моря будет самой короткой. Да и лес в этой стороне был реже...

Трава была высокая, но не густая, и шел я легко. Кругом стояли узловатые могучие деревья — не то старые вязы, не то ясени. Я раньше таких не видел: вокруг нашего городка лес был сосновый вперемешку с березой и осиной, а на улицах росли тополя да клены. А здесь — как в сказке про Красную Шапочку или в балладах о Робин Гуде...

Прошло, наверно, минут десять. Я услышал сзади шаги — торопливые и тяжелые. Бросился к ближайшему дереву. Но пугаться не стоило: меня догоняла Птица.

Зачем я ей понадобился?

Она подошла, согнула шею. В клюве ее был зажат шнурок с ключом. С моим ключом от дома!

До чего же я обрадовался. Я совсем забыл про ключ, а она как-то догадалась, нашла, догнала меня...

— Спасибо, Птица! Значит, я еще попаду домой, да?

Она весело покивала, щелкнула клювом и пошла назад. Я опять помахал ей и тоже зашагал. Шел и разглядывал ключ. Мне показалось, что в трубчатый стержень попал мусор. Я дунул в трубку. Нет, ключ был чистый: из него вырвался звенящий свист. Совсем как в те дни, когда мы с ребятами играли в футбол. Таким свистом я давал сигнал к началу матча.

Я вспомнил наших ребят, вспомнил Толика, вздохнул и дунул еще раз. И сразу же услышал шаги Птицы.

Она догоняла меня снова!

— Что, Птица? Что случилось?

Она переступила тонкими своими трехпальными ногами и посмотрела как-то нерешительно. Опустила голову и осторожно тронула носом ключ. Отошла и оглянулась.

Я начал догадываться. Отвернулся, прошел немного, прижал ключ к нижней губе и свистнул. Птица тут же подбежала и выжидающе склонилась надо мной.

— Ты решила, что я звал тебя? Нет, Птица, — сказал я, — это нечаянно. Извини. Я просто так свистнул... Не сердись, Птица.

Тогда она снова положила мне голову на плечо, и я опять погладил ее шелковую шею.

И мы разошлись...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Кают-компания Мечты

Она открывается каждый второй вторник месяца, в шесть вечера, в помещении клуба писателей Днепропетровска. «Кают-компания Мечты» — так по традиции называют свои заседания члены Днепропетровского клуба фантастов. Клуб основан пять лет назад, в августе 1975 года, и объединяет начинающих авторов, а также просто любителей литературы крылатой мечты.

Люди здесь разные, но молодые. Василий Головачев, Вячеслав Плугин, Александр Левенко — инженеры, Михаил Ларин — журналист, Андрей Гриневский, Виктор Савченко, Владислав Ксионжек — научные работники, Игорь Овчаренко и Ян Валетов — вчерашние школьники...

Заседания с давних пор начинаются с обмена новостями «цеха фантастики». Затем, как правило, следуют чтение и обсуждение новых произведений членов клуба, их литературная учеба. Таким образом рассмотрено уже свыше 150 рассказов и новелл. Около 30 из них позже были опубликованы в местной печати, в республиканских и центральных журналах и сборниках. Члены клуба выпустили три книги, на подходе — еще две, а в замыслах — коллективный сборник.

В клубе нередки дискуссии: о биологических и эволюционных возможностях человека, о «черных дырах» Вселенной, о реальности и мифах НЛО... Обсуждаются новинки советской и зарубежной фантастики. Проведен конкурс на лучший рассказ по рисунку, создается устная повесть-буриме. Для разминки воображения регулярно проводятся «мозговые штурмы».

Члены клуба многократно выступали перед рабочими, служащими, студентами и учеными, школьниками родного города, выезжали на встречи с шахтерами Павлограда.

Председательствует в клубе один из его основателей Леонид Панасенко, член бюро и руководитель секции прозы Днепропетровской писательской организации, делегат XXIII съезда ЛКСМ Украины.

Проверьте вашу память

В отличие от прошлого года, вопросы обоих туров викторины-81 мы помещаем одновременно: это избавит ее участников от необходимости заново просматривать уже «проработанную» литературу.

«По-моему, каждую викторину следовало бы делать тематической...» Как несомненно заметят по первому — «биологическому» — туру наши читатели, нам пришлось по душе это пожелание десятиклассника из Кудымкара Андрея МЕШАВКИНА.

Авторы вопросов новой викторины — Г. АРЕФЬЕВ (Ленинград), А. БЕЗЛАТНИЙ (Челябинск), С. БИТЮЦКИЙ (Ростов-на-Дону), А. БЛАГОДАРОВ (Петрозаводск), В. БОРИСОВ (Абакан), В. ГУРЕВИЧ (Комсомольск-на-Амуре), Л. ЗЯТКОВА (Челябинск), В. КАЗИНСКИЙ (Свердловск), В. КАРАБАЕВ и Р. КАДИКОВ (Уфа), Ю. КОВАЛЕВ (Баку), Т. КОРТЫШЕВА (Ленинград), Е. КУЛИНИЧ, В. ЧЕРНИК и П. РОСКЛАДКО (Горловка Донецкой области), А. МЕШАВКИН (Кудымкар Пермской области), А. СМИРНОВ и Ю. ЛЕВИН (Донецк), А. СУТОРИХИН (Свердловск), Ю. ШАХТОРИН (Челябинск), М. ЯКУБОВСКИЙ и А. ТЕТЕЛЬМАН (Ростов-на-Дону).

I

1. В каких НФ произведениях герои волшебством науки превращаются: в слона! в собаку! в суслика! в дельфина! в кальмара! Продолжите, если сможете, этот ряд превращений.

2. «Темой сегодняшней лекции будет: почему студент потеет на экзамене!» В каком произведении и кем была прочитана такая лекция!

3. В каких НФ произведениях инопланетяне внешним обликом похожи на земных животных!

4. «Капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент». Согласны ли вы с таким определением «капеса»!

5. Найдите в фантастике примеры мимикрии животных. И постарайтесь вспомнить: кто притворился... пультом управления космического корабля!

6. На какой планете (и в каком произведении) разумные существа настолько углубились в процесс мышления, что собственные тела перестали их слушаться и сами заботятся о пропитании!

7. «— Это кайтиту так пахнет! — спросил он, кивая на завернутую в листья свиному.

— Да. И миту-миту тоже.

— Их надо убрать. Запах дразнит чудовищ.

— Куда убрать? Бросить им!

— Не дай бог! Это только привлечет их к нам.

— Тогда съесть!

— Жалко... Давай их лучше съедим...»

Где описан этот «пир во время чумы»!

8. Как действует на инопланетян... обыкновенный земной чай!

9. Где можно купить яйцо пштемощля всего за четыре мурплиа!

II

1. «Ну так в чем дело! Почему Брэдли не хочет поговорить с живым капитаном Йорком!» Откуда взяты эти грубоватые фразы! Кстати, не встречался ли вам Рэй Брэдли в произведениях других фантастов!

2. В каких НФ произведениях используется миф о Пигмалионе и Галатее!

3. Марсиан нет, они были, но исчезли... Как фантасты объясняют это ЧП!

4. «Эхо-4,— сочиняло Эхо-4 в мирном уединении нового корпуса имени Ротермира Пошлака,— блистательная новая фигура на литературной арене...» Какое произведение «сочинила» эта ЭВМ! И кто его подлинный автор!

5. «— Это Иван Грозный, так ведь! — перебил Мартин.— Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного!» В каком произведении нашелся этот доброволец!

6. В каких НФ произведениях фигурируют: а) пять зеленых лун! б) двенадцать синих лун! в) тройные луны!

7. а) «Я родился в Гренландии, недалеко от Полярного круга, в той части острова, где тропический климат сменяется умеренным, а пальмовые рощи уступают место высокоствольным листовым лесам...»; б) «Полуостров Таймыр встретил нас зелеными купами дубовых рощ...»; в) «Климат Антарктиды стал настолько хорош, берега ее внутренних пресоводных морей покрылись такой буйной живописной растительностью, что сюда стали переезжать люди из других стран...»; г) «— Извините меня за это ненаучное определение, но согласитесь, что в условиях Северной Сибири — пальмы и самшит в открытом грунте, субтропики под открытым небом в соседстве с тайгой — это все-таки чудо!..»

Откуда взяты эти описания суровых — по нынешним временам — зон Земли! Возможно, вы сумеете привести и другие подобные прогнозы писателей-фантастов!

8. В каких НФ произведениях действие происходит в 1981 году! Не удастся ли вам составить по ним краткую хроник событий, «запланированных» фантастами на нынешний год!

9. Предложите ваши вопросы для новой викторины.

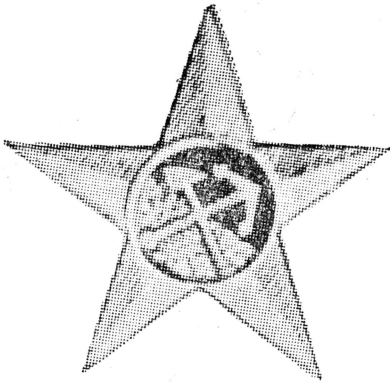
Победители викторины (мы определили их по итогам обоих туров) получат по традиции книги с автографами советских писателей-фантастов.

Ответы на вопросы первого тура нужно отправить до 1 мая, на вопросы второго тура — до 1 июня 1981 года.

К школьникам просьба: не забывайте сообщать, в каком классе учитесь.

ЗВЕЗДЫ С КАЙЛОМ И ЯКОРЕМ

**Валерий
БЕРЕЗИН**

К началу 1920 года обширная часть территории Советской России была освобождена от белогвардейцев и интервентов. Лишь в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке еще полыхала гражданская война. После ликвидации колчаковского режима в Верхнеудинске, Владивостоке и Хабаровске пришлось удержаться от советизации: очень неустойчиво было положение в этом районе.

Чтобы избежать военного конфликта с Японией, ЦК партии и Советское правительство решили создать к востоку от Байкала буферное государство — Дальневосточную республику (ДВР).

Однако повсеместно принимались резолюции подобные этой:

«Мы никому не можем больше верить, кроме Советов рабочих и крестьянских депутатов. На них мы надеемся, в них наша сила!»

М. И. Кузеванов вспоминает, что когда начальник штаба партизанских отрядов Прибайкалья, председатель съезда Б. Н. Добронравов сделал доклад о необходимости создания ДВР, партизаны его чуть ли на штыки не подняли.

Дальневосточная республика была все-таки создана и существовала с весны 1920 до глубокой осени 1922 года. 3 июля 1920 года в беседе с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты «Осака-Асахи», В. И. Ленин заявил:

«Рабоче-крестьянское правительство именно потому, что оно придерживается миролюбивых принципов, пошло на признание буферного государства...»

Какие же тактические и дипломатические цели ставили перед собой организаторы ДВР? Защищать революцию и мир на Дальнем Востоке, чтобы не допустить оккупации интервентами, предотвратить образование буржуазной республики, зависимой от американского или японского империализма.

Первой столицей молодой республики был с 6 апреля 1920 года город Верхнеудинск, потом — Чита. Многие общественные организа-

ции буферной республики работали и строились по образцу учреждений Советской России. Например, — вооруженные силы. Для защиты границ ДВР, а также для борьбы с оставшимися группами белогвардейцев и интервентов весной 1920 года начала создаваться регулярная Народно-революционная армия — родная сестра Красной Армии.

Основу НРА составляли воинские части, прибывшие в Верхнеудинск из Иркутска во главе с командующим Калашниковым и комиссаром Гончаровым. Здесь уже были партизанские отряды, которыми руководили видный организатор Буров и комиссар, потом председатель Иркутского ревкома Ширямов. Потом к ней примкнули бойцы Красной Армии, которых в «вагонах смерти» завез на Дальний Восток Колчак.

Днем рождения НРА считается 11 марта 1920 года, но вначале она именовалась Прибайкальской народно-революционной, затем Забайкальской армией. Командующим ее был Г. Х. Эйхе. В НРА насчитывалось свыше десяти тысяч бойцов.

1921 год. В мае совершился очередной правительственный переворот во Владивостоке — черном буфере. На этот раз пришли к власти богачи — братья Меркуловы. Они объявили о походе на Москву. Белогвардейский генерал Молчанов хвастливо заявил: «Завтракаем в Волочаевке, обедаем в Ине (поселок в 100 километрах от Хабаровска), ужинаем в Чите».

Армия, которой командовал прославленный полководец Блюхер, только-только создавалась. Председатель СНК В. И. Ленин постоянно интересовался, как идут дела в НРА. Около ста военно-политических работников было послано в Читу.

По постановлению Реввоенсовета республики в НРА ввели новую форму. Не хотели бойцы менять алые звездочки на ромб! Сколько было обид, недовольства.

Видный партийный деятель, герой гражданской войны П. П. Постышев в 1920 году был комиссаром,

редактором армейской газеты «Вперед». Он писал: «Нам приказали снять звездочки, на фуражки прицепить кокарды и на рукава — ромбы. Да что же это мы, говорили бойцы, за что дрались, за что топтали собственными ногами тайгу, за что кровь проливали? Чтобы сменить красную звездочку на старую кокарду, на несчастный ромб?»

Находились среди командиров и бойцов горячие головы, которые открыто говорили: «Вы нашиваете нам ромбики на рукава, а потом постепенно передвинете их на плечи и на погоны. Затемли что-то неладит, недобрым пахнет, старым пахнет».

НРА строилась по образцу Красной Армии и, в конечном счете, была ее частью. Большевики-партизаны разъясняли, что все эти нововведения временные. Говорили, что это решение Москвы, а там — всем делом руководит вождь рабочих и крестьян товарищ Ленин. Только это заставило бывших партизан подчиниться приказу о переименовании и сменить звездочку на кокарду.

Конец всему положило решение 1-й Дальневосточной краевой конференции РКП(б), проходившей 22—28 ноября 1920 года: «Военное дело на Дальнем Востоке, построение армии должно происходить по образцу Красной Армии РСФСР с сохранением в ней полноты влияния РКП(б) в целях действительного превращения всех военных сил в часть Красной Армии». Устав НРА обязывал бойца «по первому зову рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту Дальневосточной и Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех его врагов и в борьбе за дело социализма и братство народов».

Что же представляли собой знаки различия Народно-революционной армии?

Устанавливался специальный знак на головной убор: пересекающиеся кайло и якорь на фоне пятиконечной звезды, почти закрытой красно-синим кругом. Буферный знак, который пришивался на левый рукав, имел вид ромба, наполовину красный и синий — цвета флага Дальневосточной республики. На верхней части ромба было изображение восходящего солнца — золотого символа свободы буферного государства, на солнце — буквы «НРА».

Отличительным знаком лиц, занимавших руководящие должности, служили красные нашивки на синей половине ромба. Например, командир отделения имел узкую нашивку, ротный — среднюю, у командира полка была широкая, а у комбрига — узкая, но нашитая углом. Две угловые нашивки — средняя и узкая, одна над другой, — носил командарм. Главком республики полагалось носить широкую угловую нашивку.

Решение ЦК партии и Советско-

го правительства об образовании на Дальнем Востоке буфера было очень нужным и своевременным. Опираясь на дипломатическую и моральную поддержку, на материальную помощь Советской России, ДВР, ее вооруженные силы развернули борьбу с белогвардейцами и иностранными захватчиками на всей территории — от Иркутска до берегов Тихого океана, против Семенова в Забайкалье, Унгерна в Бурятии.

Два с половиной года существовала Народно-революционная армия. Ее костяк: части 1-й Иркутской и Забайкальской дивизий, партизаны Бурятии и Прибайкалья с боями прошли от Читы до Волочаевки. Здесь в феврале 1922 года среди армий Восточного фронта была Забайкальская группа под командованием Н. Д. Томина и Троицко-Савский полк В. П. Пальшина.

Волочаевские укрепления, построенные по последнему слову военного искусства полковником Аргуновым, не зря называли «новым Верденом». 12 февраля шашками, тесаками, прикладами, грудью народоармейцы про-

рвали густую сеть проволочных заграждений и ударили в штыки. Белые дрогнули, покатались к океану...

Еще был Бикино-Васильевский бой, Спасский укрепрайон, возведенный японскими генералами. Но ничто уже не могло остановить наступление Народно-революционной армии.

На плечах врага бойцы дошли до Владивостока, где на здании железнодорожного вокзала водрузили красное победное знамя. В ноябре 1922 года Дальневосточная республика, выполнившая свое назначение, прекратила существование, а ее территория декретом ВЦИК была объявлена нераздельной частью Советской России. НРА постановлением Реввоенсовета республики переименовалась в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. На смену ромбикам и кокардам снова пришла алая звезда...

БЫЛ ТАКОЙ ФИЛЬМ «РАДУГА»...

**Борис
ЭФИМОВ**

Книга Ванды Василевской «Радуга» взволновала сердца миллионов читателей. По этой повести режиссер Марк Донской снял одноименный фильм, пропитанный суровым реализмом.

Актриса Е. Тяпкина в день съемки получила известие о гибели сына. Режиссер решил отменить съемку. «Нет, Марк Семенович, — возразила актриса, — я буду сниматься. Ведь мы воюем своим искусством...» Был дан полный свет, снимался эпизод — мать у тела убитого сына...

В январе 1944 года «Радуга» была выпущена на экраны. Фильм дошел до сердец тех, кто сражался с фашизмом. И это было для съемочной группы самой большой на-

градой. Тогда же был издан приказ Политуправления Советской Армии всем войскам, частям, подразделениям смотреть «Радугу».

Прислал телеграмму и президент США Франклин Рузвельт. Вот ее текст: «В воскресенье в Белом доме смотрели присланный из России фильм «Радуга». Я пригласил профессора Чарлза Болена переводить нам, но мы поняли картину и без перевода. Она будет показана американскому народу в подобающем ее величии в сопровождении комментарием Рейнольдса и Томаса. Франклин Рузвельт».

Я жил на

**Владимир
ДЕНИСОВ**

*Рисунки
В. Меринова*

О любимой

Мою желанную
любили,
а не лукавили слегка...
Какие песни ей дарили
во все прошедшие века!
Давным-давно

поэт курчавый
нам о любви поведал той:
«В час незабвенный, в час печальный
я долго плакал пред тобой...»
Потом другой
поэт с обидой
сказал о ветренной, о ней:
«Я целый мир возненавидел,
чтобы тебя любить сильнее!»
В признаньях, кои раздавались,
чтобы остаться на века,
так белопенно раздувались
ее упругие шелка!
И верил я, что в людном мире
все, кроме этих слов,— вранье...
Мою любимую
любил.
А я?
Люблю ли я ее?

Житье-бытье

Я жил на родине весенней,
подковы гнул, судьбу ковал.
Дощатый быт ее селений
мои ладони шлифовал.
С какою удалью чубатой
дроздам, слетевшим на пенек,
я дирижировал лопатой,
да так, что гнулся черенок!
В тайге нехоженой и древней,
где воздух колок, как нарзан,
тела костлявые деревьев
я по колени обрезал.
Ну а потом

слетала каска
на доски общего стола...
Во мне рабочая закваска
не на год комнату сняла!
Она давно со мной знакома
и не решит сменить жилье.
Ведь без нее
не будет дома,
не будет дома
без нее...

родине весенней...

Ключ

Меня не ждали.
Не любили.
Не звали:
— Приезжай скорей!
И даже ключ переложили
В другое место у дверей.
Вот он блеснул в руке знакомо —
В нем тяжесть, как в стальном ноже...
Обычный ключ... Но он от дома,
Где нету прошлого уже.
В цепи событий, пусть несложных,
Сместить не в силах ничего,
Кладу я ключ, как будто в ножны,
В тайник сменившийся его.
И понимаю:
В этом мире,
Где каждый чей-то иль ничей
Найдется ключ
к любой квартире,
Но нету к прошлому ключей!

Твой дом.
И прямо от порога,
от той калитки, где навес,
моя вечерняя дорога
уходит в темный-темный лес.
Костлявый зад большой телеги
вдали теряется во мгле...
Летает птица в темном небе.
Проходит лошадь по земле.
А у обочины размытой,
где грязь и глина, и песок,
стоит и гнется

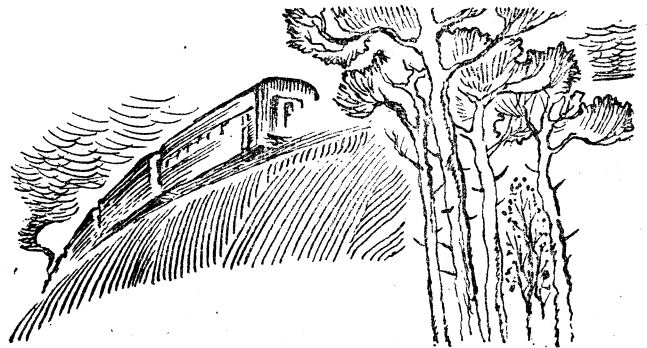
позабывтый,
чуть-чуть сутулый колосок.
Он одинок в холодном поле.
Над ним — холодная звезда.
И в холодеющем просторе
стучат на стыках поезда.
Как уезжаю я навеки!
Туда, за поле и за лес.
У птицы есть гнездо на ветке
и есть у лошади
навес.
А я сегодня весь из боли,
я неприкаян и высок,
как колосок несжатый в поле,
несжатый в поле
колосок...

Доброта

«Прекрасное рождает доброту...»
О, как умны
сердца
великих мира!
Быть может, кто-то каялся в аду,
когда звучала пушкинская лира.
У доброты с искусством
зрима связь.
Без доброты — не сложишь даже зданья.
Она тогда, наверно, родилась,
когда еще
ей не было названья.
Когда, охотясь из последних сил
и увидав оленя бег вечерний,
наш узколобый предок опустил
свое копые
в неведомом смущеньи...

Он у стены сидел упрямо
И слушал брань своей жены,
Спина прямая повторяла
Прямую линию стены.
Ну а когда он встал со стула,
Чтоб выйти в двери навсегда,
Была спина его сутула,
Как и во все его года.
А в доме том, уж так случилось! —
Другой опоры не найдя,
Стена прямая покосилась
От ветра, снега и дождя.
Чего ей, деревянной, мало?
Вон и пылинки сметены...
А ей всего-то не хватало
Надежно сгорбленной спины.

ПУГАЧЁВЦЫ НА ЖУРНАНС

**Игорь
ЗАЙЦЕВ**
Оформление
З. Баженовой

На берегу Кольского залива, на самом пределе русской земли, уютно расположился старинный городок, давший имя и заливу, и всему полуострову — Кола. Интереснейшие страницы встречаются в его долгой истории. Одна из них — ссылка в этот суровый край участников Крестьянской войны под руководством Емельяна Ивановича Пугачева.

Точных сведений о дате основания города нет, но принято считать, что это поселение возникло в середине XVI века. В Колу приходили заморские гости из Дании, Голландии, Англии... Русские промышленники снаряжали здесь суда для походов на Шпицберген и Новую Землю. В конце XVI столетия Кола становится административным и военным центром обширного и богатого края. А с XVII века Кола, как и многие другие отдаленные города Российской империи, становится местом политической ссылки людей, которые были неуютны самодержавию и церкви. Одними из первых в этом печальном списке были участники пугачевского восстания.

3 февраля 1775 года по этапу в Колу на вечное поселение прибыли десять сподвижников Пугачева.

Давайте познакомимся с этими людьми поближе.

«Пугачевец № 1» — Степан Максимович Оболяев, по прозвищу «Еремину курица». Хозяин постоялого двора, он укрывал Емельяна Ивановича Пугачева после бегства последнего из казанской тюрьмы и помог ему установить связи с недовольными яичками казаками. Именно Оболяев одним из первых узнал о «царском» происхождении Пугачева. Сам Степан Оболяев прямого участия в восстании не принимал, так как был арестован еще до его начала. Но даже под пытками он не выдал намерений Пугачева, сохранив тайну подготовки восстания.

Ближайшим другом и соратником Пугачева был Тимофей Григорьевич Мясников. Во время подготовки восстания он был телохранителем, проводником и связным Пугачева. Заботясь о том, чтобы крестьянский вождь имел «царственный» вид, он привез ему дорогой зеленый

кафтан с золотым позументом, бешмет, шелковый пояс, черную бархатную шапку и красные козловые сапоги. Вскоре после начала восстания Мясников был избран сотником, впоследствии командовал личной гвардией Пугачева, сопровождал его во всех поездках и торжественных выходах. Принимал он активное участие и в боевых действиях. Так, в сражении под Сакмарой Мясников командовал пятисотенным военным отрядом.

В апреле 1774 года, после разгрома Пугачевской армии, Тимофей Григорьевич Мясников попал в плен. На допросах под пытками он сознался в том, что был близок к Пугачеву и принимал участие во многих сражениях с правительственными войсками.

Все остальные ссыльные также принимали активнейшее участие в крестьянской войне. Афанасий Чучков ведал раздачей муки и хлеба при Пугачеве, а позднее стал начальником общевоинской конюшни. Иван Харчов занимался закупкой скота и раздачей мяса повстанцам. Михаил Кожевников укрывал Пугачева на своем хуторе и снабжал его всем необходимым в период подготовки восстания. Петр Толкачев собрал первый отряд, с которым Пугачев и начал 17 сентября 1773 года крупнейшую в истории Русского государства антифеодальную войну. Простой яичкий казак Петр Кочуров, зная о замыслах Пугачева, не донес властям о самозванном царе. Тимофей Скачков, Петр Горшенин, Панкрат Ягунов с оружием в руках участвовали в боевых операциях, в разорениях крепостей, городов и барских усадеб.

Все они после суда были наказаны кнутом, заклеяны, им вырвали ноздри и под конвоем отправили в Кольский острог. Первое время ссыльные содержались под стражей, получая на содержание по две копейки в день, на которые можно было купить фунт хлеба и кружку кваса. Но и эти деньги власти выплачивать не хотели. Отпускать пугачевцев на промыслы, которыми занималось местное население, начальство боялось. Ссыльные могли

бежать за границу, о чем и доносила императрице кольский губернатор Головцын. Екатерина II ответила, что побега пугачевцев в датские владения опасаться не следует, так как тем самым государство избавится от опасных людей.

Выдача кормовых денег пугачевцам была прекращена. Взамен ссыльные получили хоть и относительную, но все же свободу в хозяйственной деятельности и передвижении. Освободившись из-под стражи, они пошли в услужение к местным торговцам и рыбопромышленникам.

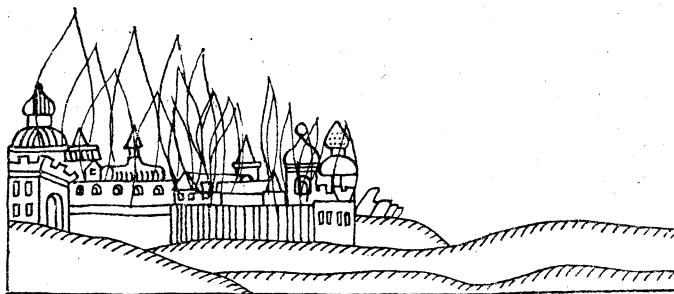
В сентябре 1781 года военный комендант Кольского острога полковник Б. И. Ернер сообщал губернатору, что бывшие сообщники Пугачева «расставлены по квартирам частных людей и кормятся своею работою, а жителям, у которых они живут и работают, подтверждено накрепко, чтоб за ними имели присмотр».

Шли годы, и некоторые пугачевцы, жившие на поселении в Коле, обзавелись семьями. Женился Степан Оболяев: в 1781 году он вступил в брак с крестьянкой Анной, сосланной в Колу «за удушение помещицы своей до смерти подушками». Женились Иван Харчов и Петр Кочуров. Прочные корни пустили ссыльные на кольской земле. Род пугачевцев не прервался и в наши дни — их потомки живут и трудятся в Коле и Мурманске.

К 1801 году из десяти пугачевцев, сосланных на Мурман, в живых оставалось шестеро. Вступивший в этом году на престол император Александр I объявил широкую амнистию ссыльным, но на участников пугачевского восстания она не распространялась. Никто из них не увидел больше родных мест...

ВОСЕМЬ ДНЕЙ ЖАРИНЫ ЖНИШЕК

**Владимир
АРИНИН**

Весна 1614 года. В предгорьях и степях южного Урала появился воицкий отряд. Состав его был пестрым — в основном, казаки, но были также поляки и литовцы. В отряде находилась и полька Марина Мнишек. Бурная авантюрная судьба забросила ее сюда — на Южный Урал. По следам отряда уже шло московское войско. Военачальники московских стрельцов получили приказ — захватить Мнишек живой или мертвой.

Личность Марины Мнишек, ставшей участницей событий русской истории начала XVII века, неоднократно привлекала внимание русских писателей.

Туманные ее глаза смотрят сквозь зыбкую пелену времени. Ее называли то царицей и панной, то смутьянкой и колдуньей. Ее то боготворили, то проклинали. Тому причиной — удивительная ее судьба, а в этой судьбе, как вершина, — восемь дней, ради которых отдана вся жизнь... Любопытно, что о ней хотел написать великий Пушкин. Завершив «Бориса Годунова», поэт в одном из писем писал: «Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть». Интересовали Пушкина и другие лица «смутного времени», в частности Ксения Годунова.

1606 год. 2 мая. В Москве объявлен великий праздник. Весь город вышел на улицы. Зрители, как гроздь, повисли на заборах, на

кровлях и крышах. Гремят барабаны, бьют литавры. Стрельцы в красных кафтанах с белыми поясами на груди выставили пищали, оттесняют толпу:

— Дорогу! Дорогу царской невесте!

...Длинный свадебный поезд извивается по улицам. Едут дворяне и бояре. Шагают польские гайдуки в голубых жупанах с белыми перьями на шапках. Едет польская конница — развеваются разноцветные флажки, сверкают позолоченные шиты с орлами и драконами. Шагают немецкие алебардники. Важно восседают в седлах польские паны. А вот и надменный воевода Мнишек, он вступает в Москву как победитель...

Едет невеста — в позолоченной карете, запряженной десятью породистыми лошадьми белой масти с черными яблоками. Невеста — на подушках, обшитых жемчугом. Пожалуй, ее нельзя назвать красавицей. Чуть неправильные черты лица, нервный маленький рот, выпуклый лоб, негустые черные волосы. Но есть в ней что-то утонченное, влекущее.

Она одета, как писал голландский купец И. Масса, «по французскому обычаю, в платье из белого атласа, все унизанное драгоценными камнями и жемчугом...»

Марина Мнишек едет на свадьбу с московским царем, которого впоследствии назовут Лжедмитрием I.

Дальний и необычный путь привел Марину в Москву. И все же

нет, не случайно она появилась здесь. С ранних лет она уверовала — ей уготована великая судьба. С ранних лет она мечтала быть самой первой и самой блестящей среди польских женщин. Однако, как все же стать первой? Как достичь этого, живя не в столице, а в скромном городе Самборе и являясь дочкой пусть влиятельного, но всего лишь воеводы? Марина завидовала жизни королей и великих любовниц, вершивших судьбами держав.

И вот наконец фортуна приготовила ей случай, которого она ждала. Как-то ее родственник пан Адам Вишневецкий привез в Самбор своего русского холопа. Холоп не стоил ни одного взгляда доходя воеводы. Но пан Вишневецкий с таинственным видом объявил, что это-де важная персона, это — московский царевич Дмитрий, чудесным образом спасшийся от убийц.

Поверила ли она? Позволила себе верить. Позволила себе несколько приблизить этого якобы Дмитрия. Он, конечно, опьянел. Что-то лепетал о любви, набивая себе цену, твердил лихорадочно о своем царском сане. Она сказала ему скромно, но с твердостью:

— Победите ваших врагов, тогда подумайте, как победить мое сердце. Только славными подвигами и доблестями вы меня завоюете.

Вот такой своего рода брачный контракт был заключен. За свою любовь Марина потребовала лишь царскую корону — не меньше.

Прошло два года. И вот оно — чудо.

Шумит московская толпа, поют флейты, трубят трубы! Свадебный поезд, везущий юную повелительницу Московской державы, приближается к Кремлю. Да, о такой встрече, о таком триумфе мечтала она! И этот триумф пришел к ней в неполные восемнадцать лет.

В свадебном поезде во многих каретах едет свита: знатные, холерные панны, набор красавиц. Все они необычайно взволнованы. Предстоит такое событие! Такая роскошная свадьба!

Однако никто из этих знатных матрон и благородных девиц не знает, какая участь ждет их через какие-то две недели...

Но, прервав повествование, вернемся на несколько лет назад.

Незадолго до приезда Марины Мишиек из Москвы была тайно удалена и отправлена в далекий Вологодский край, в Горницкий монастырь, Ксения Годунова, красавица-царевна Ксения...

Современники восторгались ее женской прелестью. Князь И. М. Катыров-Ростовский так описывает ее: «красотою лепа, бела велики, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны велики, светлостью блистая... брови союза, телом изобилна... вла-

сы имея черны, велики, акы трубы, по плечам лежаху».

Кажется, это первое в русской истории столь восторженное и подробное описание женской красоты. Белая кожа, алые губы, огромные черные глаза и длинные черные косы, маленькие изящные ножки (дошедшая до нас туфелька Ксении очень маленького размера).

Царевной Ксения стала в шестнадцать лет, когда ее отец Борис Годунов после сложных интриг вступил в 1598 году на московский престол. Она была свидетельницей торжественного коронавания отца. Царь Борис к народу вышел из Успенского собора, по словам Карамзина, «держа за руку своего юного наследника, а другою ведя прелестную Ксению».

Как и подобает правителям, Годунов обещал своим подданным многие блага и даже воскликнул: «Не будет в моем царстве бедного человека!». Но увы — суждены нам благие порывы... Царь Борис управлял страной довольно умело. Но нищета в народе не прекратилась. А вскоре пошли, как прежде, волнения, войны. Недовольные сажали в тюрьмы. Слишком рассуждающих казнили. Доносчики подданных друг на друга весьма поощрялись...

Но Ксения, подобно шварцевской принцессе из «Обыкновенного чуда», была ограждена от этих важных государственных дел. Ни интриги, ни смуты не касались ее. Она была образованна — «писанию книжному искусна». Увлекалась церковным пением. И подобно всем знатым московским девушкам — вышивала. В Загорске ныне сохранились две вышивки прекрасной, тонкой работы. Считается, что они принадлежат руке царевны Ксении. Это — покровец на гробницу Сергия и одежда на жертвеник. Обе вышивки, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, шитые шелком и атласом, серебряными и золотыми нитями, запечатлевшие облики Троицы, Христа и Богоматери, прекрасны. Современный искусствовед отметил бы художественные способности вышивальщицы.

Царь Борис любил дочь и баловал ее. В честь нее в стране провозглашались многие здравицы. От ее имени делались богатые вклады в монастыри. Ксения имела все, что только могла иметь русская царевна. Оставалось одно — подобрать достойного жениха.

Царь Борис хотел в зятя знатного иностранца, желательно бы — заморского принца. Однако с замужеством Ксении дело неожиданно осложнилось. Намечался был брак с сыном шведского короля Густавом. Но у шведского принца оказался неговорчивый нрав, нежелательные политические взгляды. Естественно, шведу отказали...

Царь Борис сумел подыскать для дочери другого жениха — датского герцога Иоанна. В сентябре 1602 года герцог приехал в Москву. Жених привез с собой огромную свиту в 342 человека, не забыл захватить даже собственного палача.

Царь Борис дал торжественный обед в честь герцога в Грановитой палате. Невесту — по обычаю — жениху еще не показали. Но Ксения подсматривала во время обеда за женихом из тайника, имевшегося в Грановитой палате, — сквозь смотрительную решетку. Герцог понравился Ксении. Высокий, с благородной осанкой, правда, нос у него великоват, но все равно герцог красив. И платье диковинное — из алого атласа, шляпа — в кружевах, чулки из красного шелка, башмаки сафьяновые...

На родителей Ксении жених также произвел благоприятное впечатление. Началась подготовка к свадьбе. Но вот первый неожиданный, коварный удар, как в мелодраме. Герцог внезапно заболел горячкой. Болезнь протекала скоротечно, тяжело, необратимо. 28 октября — к ужасу Годуновых — Иоанн умер.

По Москве поползли слухи: отравили, не угодил, мол...

В эти дни Ксения много молилась, ездила по монастырям. Не тогда ли произошла встреча, о которой упоминает Карамзин? Во всяком случае это можно представить, исходя из самого факта встречи, о которой сказано в примечаниях «Истории государства Российского».

...Ксения вздрогнула, почувствовав на себе недобрый взгляд, похотливый и восхищенный. Из темноты, из угла храма жадно и восторженно смотрел на нее молодой монах, широкоплечий, с толстым носом и большим чувственным ртом. Устыдившись робости, презрительно прошла мимо, не удостоив чернеца взглядом. Если бы она могла предугадать, какую судьбу уготовит ей этот монах! Это был Григорий Отрепьев.

О нем Ксения узнала через два года. Бежавший в Польшу Отрепьев объявил себя царевичем Дмитрием. В октябре 1604 года воинский отряд Лжедмитрия перешел границу Московского государства. На первый взгляд все это кажется нелепостью: воевать небольшим отрядом против великой страны. И войско-то у Лжедмитрия — всего-то ничего. И слухи, которые он о себе распространяет, похожи на фальшивую сказку. И тем не менее огромная воинская рать московского царя никак не может покончить с самозванцем. Более того, силы его растут. Смутное время с его раздорами, бессмыслицей, предательствами, обманом охватывает страну. Окровавленный образ несчастного царевича Дмитрия со смертной раной на шее встает над страной.

И не выдерживает царь Борис,

с ним — приступ. Новый, оглушающий, страшный удар для Ксении — скоростижно умирает отец.

Царем объявлен шестнадцатилетний брат Ксении — Федор. Но власть его призрачна. В Москве уже открыто выступают агенты Лжедмитрия, читают его грамоты, призывают к восстанию.

Впоследствии народная песня расскажет о переживаниях царевны так:

Сплачется мала птичка,

Белая перепелка...

Сплачется на Москве царевна:

Охте мне молоды горевати!

Что едет в Москве изменник,

Что Гришка Отрепьев — расстрига,

Что хочет меня полонити.

1 июня 1604 года. Восставшая толпа врывается в Кремль. Еще недавно эти люди не смели головы поднять перед царевной, молились на нее. Теперь все перемешалось. Ксению, Федора и их мать, царицу Марью, вытаскивают из дворца, волокут по улицам. Их запирают в прежнем доме Годуновых. Судьбу их должен решить Лжедмитрий. И он решает...

Голицын, Мосальский, Молчанов, Шереметевы входят в дом. Они разводят Годуновых по разным комнатам. И приступают к делу. Первой душат мать Ксении. Пожилая женщина не в силах оказать сопротивление. Но безоружный Федор защищает с отчаянием смертника. Ксения слышала предсмертные крики брата. Очередь за ней? Нет, ее не тронули, ибо имели тайный наказ от Лжедмитрия — сберечь красавицу для него.

Под триумфальный звон колоколов вступает Лжедмитрий в Москву. И в качестве драгоценной добычи беззащитную девушку приводят к нему.

Лжедмитрий дорвался до власти. Буйно празднует свою победу, завел он себе в Кремле целый гарем. Но лучшей, самой сладостной утехой была все же для него, бывшего расстриги, царская дочь.

Пять месяцев держал Лжедмитрий Ксению при себе. Что делать ей? Наложить на себя руки? Но страшно и грех...

Наконец, натешившись пленницей, Лжедмитрий приказал постричь ее под именем монахини Ольги в Горичий монастырь. Когда Марина Мнишек въехала в Москву, Ксения уже была далеко, на Белоозере.

8 мая 1606 года затрещивали, обрушили свои многоголосые звоны на столицу колокола. Венчание. По пути, устланному красным сукном и парчей, шла Марина в русском наряде, с распущенными волосами, с венком из алмазов на голове.

Седовласый патриарх возвел ее рядом с царем на трон, возложил на ее голову корону. Свершилось: она — царица! Сбылось: она — на

троне! О, Матерь Божья, какое великолепие!

Начался свадебный пир — хмельной, разгульный, богатейший. Длинными рядами тянулись праздничные столы, за которыми веселились князья, бояре, паны. Гремели музыканты, гремел хор, специально привезенный для торжеств из Польши...

На другой день — новый пир. На третий — обед для военных. Затем прием польских послов. Музыка, подарки, танцы...

Восемь дней была царицей Марина. Это были дни из ожившей сказки. Марина упивается своим триумфом. Откуда ей знать, что по московским посадам говорят открыто: царь-де не настоящий — вор, а жена у него еретичка, православных законов не соблюдает. А главное — поляки в Кремле взяли власть.

Москвичи почувствовали, что стране грозит иноземное господство. Царь окружил себя польской шляхтой. И уже раздаёт он жирными кусками иноземцам русскую землю: Марина должна получить Псков и Новгород, ее отцу обещана половина смоленской земли и часть северской.

Столковение называло. И уже плел в Кремле хитрый боярин Шуйский нить заговора. А Марина готовилась к карнавалу.

Рано утром 17 мая ударил набат. — Бейте литву! — пронеслось по Москве.

Восставшие хлынули на Красную площадь, затем в Кремль. Лжедмитрий выскочил из спальни жены, успел крикнуть Марине: «Измена, сердце мое!», потом выпрыгнул в окно, сломал ногу и вскоре был убит.

Перепуганная Марина заметалась, хотела спрятаться, выскочила из спальни — попала в самую толпу восставших. Но ее не узнали.

Марина сумела добраться до спальни свиты. Комната была полна охваченных паникой женщин. Здесь оказался и юный паж Марины Ян Осмульский. Он выхватил клинок, решив защищать свою королеву до конца.

Восставшие уже ломались в двери. Осмульский отчаянно и смело отбивался. Но грянул ружейный выстрел — смелый паж упал.

Толпа ворвалась в комнату. Что же было потом? По описанию современника событий Конрада Буссова, лифляндца-ландскнехта, служившего в Кремле, Марина пыталась спастись невероятным, но, как оказалось, единственно разумным образом: она спряталась под юбку своей гофмейстерины. Те, кто ворвались в спальню, увидели перед собой полураздетых полячек, знатных красавиц — и набросились на них. Марина слышала крики и плач своих подруг, но ничем себя не выдала, и избежала смерти.

«Гофмейстерина, под юбкой которой спряталась царица, была ста-

рой толстой матроной, она сохранила свою честь вместе с царицей, но ее обругали такой-сякой...», пишет К. Буссов. Действительно ли все происходило так, как он описывает? Многие историки считают, что все это вполне могло быть.

...Вакханалия в спальне длилась недолго. Появились руководители восставших — бояре, они прекратили насилия. Марина обнаружила себя, выбравшись из-под гофмейстерской юбки. Она и ее дамы были взяты под стражу.

Когда несколько поулеглись страсти, бояре объявили Марине, что ее отпустят, но пусть она сначала отдаст все, что Лжедмитрий подарил ей.

Первая реакция Марины — берите, ей не нужно ничего! Она отдала украшения, деньги, драгоценности, она сняла даже платье, оставшись в спальном халате.

Марину отправили к ее отцу Юрию Мнишеку. Он с помощью своей многочисленной челяди сумел отбиться от восставших и таким образом уцелел. Воевода и гордая полячка теперь уже находились в положении пленников. Они некоторое время жили в Москве, затем были сосланы в Ярославль, где пробыли до июля 1608 года. Наконец им было позволено вернуться на родину. Правда, с одним условием: Марина никогда не будет именоваться московской царицей.

Но Марина в Польшу не вернулась. Дальнейшая ее жизнь напоминает авантурный, насыщенный неожиданными поворотами роман. И самое поразительное, что эта молоденькая женщина, натерпевшись ужасов, вместо того, чтобы поскорее возвратиться домой, начала с отчаянной дерзостью и умением бороться за власть, за утерянный престол. Она продолжала называть себя царицей, хотя этот титул стал для нее отныне хуже проклятия.

Отвергнутая Польшей, как битая карта, она оказалась в центре событий чужой страны, она интриговала и боролась, переходя из рук в руки, являясь то лакомой добычей, то выгодным орудием, то временно возвышаясь, то низко падая...

Она попала в руки к «царику» Лжедмитрию II. Признала его, совершенно незнакомого человека, который внушал ей отвращение, за спасшегося мужа. Она жила в отрывательном Тушинском лагере среди полудиких вояк и лагерных женщин, но пыталась организовать борьбу, командовать войсками.

«Царик» тайно бежал от своего войска, бросив Марину. Переодевшись гусаром, она ускакала к польскому войску, к Сапеге. Вела переговоры с польским королевичем Вла-

диславом. Снова вернулась к Лжедмитрию II в Калугу.

«Царик» убит — это было уже в Калуге. С распущенными волосами, с факелом в руке беременная Марина над трупом обезглавленного «мужа» призывает калужан мстить. И удивительно, что ей еще многие подчиняются, она еще одерживает победу. У нее есть покровитель — атаман Заруцкий, возглавляющий сильные казацкие отряды. Она даже посылает убийцу к князю Пожарскому, к счастью, неудачно...

Поистине в своей неестественной, лихорадочной жизни она могла показаться злой чародейкой, колдуньей, которая и во время восстания в Москве уцелела и смерти неподвластна.

Судьба еще раз столкнула Марину и Ксению. Много горя пережила Ксения за эти годы. «Всякого бесчестия скудость и нужду перетерпела». Она перебивалась в разных монастырях, гонимая судьбой. «Чуть жива, — писала она в письме к Троице-Сергиевской лавре, — а впредь никак не чаем себе живота, с часу на час ожидаем смерти...»

А впереди были новые бедствия. В 1610 году Ксения поселилась в Новодевичьем монастыре. Казалось, здесь она найдет успокоение изболешшей душе. Но в монастырь ворвались банды Заруцкого и Мнишек. И это означало — быть в плену, у Марины. Монастырь был подвергнут осквернению и грабежу. Ксения пережила и это. Ее «грабили донага, а других бедных черниц и девиц грабили и на блуд брали...» Монастырь был выжжен.

Несколько лет терзали Русь недруги и авантюристы. Но уже собирались в поход полки Минина и Пожарского.

Отряды Заруцкого и Мнишек металась по стране, уходя все дальше и дальше на юг, предавая огню и мечу города и селения на своем пути. Заруцкий даже намеревался создать особое государство из южных русских земель для себя и для Марины. Добрались до Астрахани, атаман-предатель и Марина вступили в переговоры с персидским шахом Аббасом, призывая его войско на Русь. Но все было тщетно — по их следам шла грозная русская рать...

СЛОНЫ = МОИ ДРУЗЬЯ

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Четырехлетнего Вадюню Гарутта привели в Зоологический музей. Он восторгался не львом, не жирафом, его поразило чучело мамонта, провалившегося в трещину. Мальчик лет через десять узнает, что он тогда видел в музее так называемого Березовского мамонта, которого обнаружил на севере охотник Тарабыкин. И право на выкапывание драгоценной туши простодушный зверолов продал купцу Яловскому за мешок махорки. Пройдут годы, и мальчик завороченно прочитает и о том, как доставляли мамонта из тундры в Петербург. Его рубили топорами, чтобы можно было увезти на нартах. А сначала, чтобы вытаять мамонта, не повредив его шкуры, над ним специально срубили избу. Для такого вот архисложного дела пригласили из немецкого города Штутгарта опытного зоолога Фиценмайера. Вся эта история была исполнена для Вадима Гарутта особого смысла. В мальчишке неведомо когда и как вспыхнула на всю жизнь страсть охотника за древними слонами...

В тот день, когда Вадюня первый раз был в Зоологическом музее, способном удивить чучелами экзотических животных даже бывалого человека, он делал уже дома, из подушек и диванных валиков, мамонта. С этого дня ему стали дарить не игрушки, а чучела животных и птиц. И книжный шкаф стал музейной витриной. Гордясь своей коллекцией, Вадим как-то пригласил в гости заведующего научной частью зоосада профессора Гавриленко. Он охладил пыл мальчика.

— Все начинают с домашних музеев, а потом бросают эту затею. Почему? Да наконец-то доходит до ума, что в Ленинграде есть самый богатый зоологический музей страны...

Разочарованный Вадим кому-то отдал коллекцию моллюсков, кому-то раздарил чучела. И осталась у него одна палеонтология — зубы мамонта да рог оленя. Кости вымерших животных никого не интересовали...

В квартирах коренных жителей нынешнего Ленинграда можно встретить невероятно старинные, интересные вещи, каких нет ни в одном музее. Но то, что бережет у себя дома ленинградец Вадим Евгеньевич Гарутт... Это череп слона, точнее, слонихи. И как ее звали известно — Бетти. И хранит Вадим Евгеньевич череп слонихи не потому, что он специалист по вымершим слонам, палеонтолог, и изучение всяческих костей — его любимое дело, а потому что...

Историю слонихи Бетти надо рассказать подробнее. Но вначале еще надо досказать о том, как вызывал себя самый ранний интерес у Вадима Гарутта к ископаемым животным.

Отец Димы Гарутта служил до революции в кавалерии, но случилось падение с коня, и травма позвоночника, его перевели в артиллерию. После Октября он служил в Главном артиллерийском управлении Красной Армии и преподавал в военных училищах Петрограда. Умер от заражения крови (натер кожу ортопедическим корсетом); когда сынишке было всего пять лет.

Вообще, у Димы Гарутта был глубокий петербургский корень, и он позднее кое-что узнает о своих далеких предках, и выяснится, что его прадед и прабабушка, со стороны матушки, были крепостными графа Шувалова, а после царского манифеста об освобождении крестьян жизнь их «встрепенулась» — прадед открыл в Петербурге крохотную столярную мастерскую, где делал ящики для кондитерских, и семья тихонько и скромно, как герань, цвела-процветала и даже деток можно было выучить...

Дед Димы Гарутта по отцовской линии был инженером с изобретательской жилкой, что не дремал на службе, абы жалованье шло, а принимал, например, деятельное участие в конструировании первой в России подводной лодки, и его инженерные деяния засвидетельствовал в своей книге «Воспоминания и очерки» известный кораблестроитель академик А. Н. Крылов. Изобретательный дед Димы Гарутта действовал также на благо отечественной электроники и воздухоплавания.

Воспитывали Диму бабушка и мама, всю жизнь мечтавшая о карьере балерины, потому что патриархальные родители воспротивились намерению дочери стать актрисой и одним этим обесславить имя честного отца. Что же, тогда несостоявшаяся балерина стала мечтать о том, что отдаст она в балет своих детей, особенно, если будет у нее дочка.

Но первенцем был мальчик, и ему тоже пророчилась балетная карьера. И мальчик подрос, и его ведут впервые на балетный спектакль Пуни «Конек-Горбунок» в постановке Сен-Лиона и Горского. И он глядит на сцену, а на него смотрит мама и убеждается — мальчик восхищен. И все, и с этого момента мама стала всячески благоприятствовать прекрасному увлечению сына, и также легко принимала другой его интерес — к животным, но настало иное время: звери окончательно пленили воображение Димы, и он стал не артистом, а зоологом, пламенно любящим балет, человеком, который бывает в театре, как дома, и много лет собирает материалы по истории русского балета и ему помогают пополнить хореографическую коллекцию театральные деятели и преподаватели балетных школ страны.

Зоолог Гарутт... Он произносит название недавнего индийского фильма «Слоны — мои друзья», и это звучит самооценкой. Он всю жизнь со слонами, они действительно его друзья. А что общего между балетом, хореографией и слонами? «Есть! — говорит Вадим Евгеньевич. — Представьте себе, есть... Ведь недаром индийский юноша, желая сказать комплимент девушке, говорит, что ее походка — слоновья... Индианки искренне радуются такому сравнению. У европейцев странное предвзятие об удивительном животном, о слоне. Басня о слоне в посудной лавке подхватывает легенду о неповоротливости слона. В клетке он действительно производит такое впечатление. Но посмотрите на крупного человека, вошедшего в телефонную будку, кажется ли он там воплощением грациозности? В джунглях и саваннах большой зверь ступает бесшумно и ловко, он переходит без видимого напряжения даже высокие горы, иногда поднимаясь до кромки льдов, наконец, он может плыть не мину-ту-другую, а несколько часов кряду...»

Было лето двадцать седьмого года. Десятилетний Вадим жил на даче, которая находилась на берегу Финского залива. Тут же в графском охотничьем замке размещалась Лахтинская экскурсионно-биологическая станция. Работники ее водили приезжающих из города детей на экскурсии в природу. Летом здесь создавался зоологический кружок для юных дачников. Был на станции и музей. А в нем чучела волка, лисицы, коллекции бабочек и жуков. Директором этой станции был даже профессор. Однажды где-то на берегу Рижского залива обнаружили стоянку неолитического человека, и в музее биостанции появились кости древних животных.

Станный мальчик Вадим уже тогда страстно мечтал о своей коллекции древних костей.

Он бывал со своей мамой в музее биостанции. И всегда он прилипал к палеонтологической витрине. И однажды прошептал:

— Мамочка, я возьму одну косточку, у них много...

— Что ты, что ты, мы купим! — испугалась мама. Она потянула сына к кассе музея. Происходящее в те минуты так врезалось в память, что и ныне Вадим Евгеньевич помнит имя и отчество той кассирши, которая получила такое неожиданное предложение — продать экспонат музея. Кассирша Анна Юрьевна посоветовала пойти к заведующему музеем, но добавила, что, мол, сейчас его нет, к сожалению.

Прошло несколько дней, и Вадим опять был в музее, и опять он стоял около костей древних живот-

— Мальчик, это ты интересуешься костями? — к нему подходил мужчина в необычном одеянии — в кавказской куртке, в галифе, а на ногах — ботинки и гетры.

— Я интересуюсь... — прошептал Вадим.

Странно одетый мужчина взял со столика горсть мелких костей и вложил в руку Вадиму.

— Идем!

И повел мальчика в препараторскую, и все там показал — формалин в банках, расправилку для бабочек, заспиртованную змею. И вдруг поддал Вадиму два куска сланца с отпечатками на них древней рыбы и краба. У Вадима заблестели глаза...

— Нет, нет, это тебе я не могу подарить. Сие — собственность одного профессора. Вот если бы он разрешил. Впрочем, я ему напишу письмо и потом сообщу тебе о его решении. Жди!

Вадим ждал всю осень. Письма от заведующего музеем не было. Тогда мама Вадима написала в музей.

И еще прошло много времени, и появился тот дядя из музея. Он принес отпечатки древней рыбы и краба. И еще дядя пригласил Вадима в кружок юных биологов Ленинградского зоопарка.

Так Вадим познакомился с педагогом-биологом Пестинским, так он стал ходить в кружок юных зоологов при зоопарке, где увидел слониху Бетти...

Тогда сторожем у Бетти был Василий Константинович Буряк. Он жил тут же, при слоновнике, и по ночам выходил к животным, успокаивал их, разговаривал с ними. Зимой в слоновнике было тепло и Вадим любил сюда приходиться и смотреть, как Буряк варит в большом казане картошку, а потом кормит ею слонов и сам ест, и Вадима угощает. Буряк был частью под хмельком. Уйдет в каморку, клоннет винца и опять какими-нибудь делом занят. А денежки у Буряка не выводились.

Еще до революции слониха Бетти работала в цирке Эйбуса. И вот актер Новиков приобрел петербургский зоопарк, в котором зверей к тому времени сильно поубавилось, и тогда новый владелец купил где-то в Сибири у некоего Эйбуса цирковой зверинец, а с ним и слониху Бетти да Жолли. Жолли умерла от голода в годы гражданской войны; она была старше Бетти, быстрее ослабела и погибла. Бетти выжила, а в году, кажется, двадцать пятом, произошел такой случай. Состарившийся Эйбус жил в Одессе и однажды говорит своей жене: «Я хочу, не возражай, и я поеду повидаться с Бетти, ты хорошо знаешь, что я ее просто обожал». И старик приехал в Ленинград. Он подошел к клетке, где была Бетти, и тихонько запел старую цирковую песенку. А Бетти? Она узнала его и через

десять лет. Она просунула меж прутьев хобот, и нежно притянула старика и решетке, и возбужденно затрубила. А старик перестал петь, и только улыбался, и тянул руки к Бетти...

А вечером старик Эйбус ушел в гостиницу. Он не вышел из номера ни утром, ни днем, ни вечером. К ночи дверь в его комнату взломали. Старик умер.

У Михаила Зоценко есть горький рассказ о старике, который пригласил к определенному часу в дом всех друзей и знакомых... и до прихода гостей умер от разрыва сердца.

Да, так вот у сторожа слонихи Бетти всегда было на что купить винца потому, что его подопечная умела подбирать и монеты и бумажные деньги. Она брала монету, уставляла ее куда-то под хобот, в складку, и снова тянулась. Вместо рубля бросали конфетную обертку — слониха даже не пыталась ее поднимать. Это восхищало публику, и люди бросали настоящие купюры. Тогда Бетти трубила, звала Буряка. Если он не слышал ее зова, она трясла прутья решетки так, что те громко стучали. Буряк просыпался. Иногда устраивал маленькое представление. Бетти сажала Буряка на спину и ходила по кругу. И умела кланяться, делать книксен. После цирковых представлений слониха становилась умиротворенной.

Сторож Буряк был умен и наблюдателен. Он до тонкости понимал повадки слонов. И постепенно юный натуралист Вадим Гарутт приходил к мысли, что учиться вовсе не надо, учиться — это ненастоящая жизнь, а надо быть всегда около животных, и будешь все, все про них знать. Вадим завидовал Буряку, он хотел быть сторожем у слона и затосковал из-за нескорой осуществимости этой мечты и перестал ходить в школу.

Во время уроков нельзя было идти ни в зоопарк, ни домой. И он слонялся по городу, и как только заканчивались в школе уроки, прибегал в зоопарк. А вечером подолгу сидел за столом, писал. Он записывал дневные наблюдения за слонами. «Погулял бы!» — жалела обманщика бабушка. Ему было стыдно, что обманывает, но и пойти в школу он не мог, там было скучно.

О том, что у него с учебой полный швах, в зоопарке Вадим никому не сказал. Однажды его вызывает директор зоопарка Михаил Александрович Никонов. Вадим подумал: «Что-то ребята натворили, и он зовет меня как председателя кружка... Никонов сидел за большим столом. Махнул рукой, — садись.

— Вадим, есть серьезный разговор. Тебе известно, что в городе будет строиться новый зоопарк?

— Известно...

— Понадобятся настоящие натуралисты, знатоки... Думаю, ты бы подошел для такого дела. Но я слышал, ты не учишься, а без образования...

— Я хочу быть сторожем у слона! — выпалил Вадим.

Никонов наклонился, чтобы скрыть улыбку.

— Когда тебе стукнет шестнадцать, я, конечно, возьму сторожем. Ну, а научного сотрудника тогда уж придется приглашать из университета. Тебе понравится, что он будет командовать и тобой, и слонами, а сам только в теории и силен... Иди, Вадим, иди в школу!

— Мне там скучно. Мои друзья здесь. И ребята, и слоны...

— А на рабфак пойдешь?

— Что это такое — рабфак?

И Михаил Александрович Никонов, красный директор зоопарка, рабочий, выдвигенец, человек прямой и ясный, отбросив дипломатию, не стал больше уговаривать Вадима вернуться в школу, а нашел в телефонной книге адрес рабфака, который занимал здание Бестужевских курсов, и дал его Вадиму.

На рабфак Вадима не приняли — ему не хватало года до шестнадцати лет. Он — к Никонову. Тот продиктовал машинистке такой документ: «Просим в виде исключения принять на рабфак активиста Ленинградского зоопарка Вадима Гарутта, так как планируется строительство нового зоопарка и мы нуждаемся в квалифицированных кадрах». А затем директор зоосада Никонов и профессор Гавриленко сели в коляску и поехали на рабфак — договариваться, чтобы приняли Вадима.

Недавно отмечали столетие Ленинградского зоопарка. Вадим Евгеньевич увидел Михаила Александровича Никонова:

— Спасибо, что устроили на рабфак... А то я бы так и остался навсегда сторожем у слона, — говорил с улыбкой Гарутт.

А он и есть всю жизнь сторож у слона — кандидат биологических наук В. Е. Гарутт. Он работает в Зоологическом институте, том самом, в котором четырехлетним мальчиком впервые в жизни увидел мамонта, того, сидящего, не изменившего своей позы за пятьдесят прошедших с того дня лет. Его интерес к древним слонам не изменился, не ослабел.

Я был в его институтском кабинете, на стенах которого рисунки и фотоснимки — и все это слоны да мамонты. А в шкафу белеет крохотный скелетик слона. Такие штуки делают на заводах Японии, чтобы дети могли собирать и разбирать слона и так изучать анатомию. На столе Вадима Евгеньевича я увидел книги, они тоже о слонах. А одна из них на немецком языке. «Дас

маммут» («Мамонт»). Автор книги — Гарутт.

— Эту книгу в ГДР я издал нечаянно, — рассказывал Вадим Евгеньевич. — Получилось так. Я написал книгу о древних слонах и мамонтах, и еще не знал, куда предложить рукопись. Вдруг в Ленинград приехал представитель одного московского издательства. И стал собирать рукописи у ленинградских зоологов о животных. Задумывалась серия популярных книг о зверях и птицах. Я отнес свою работу приезшему редактору. И вот он меня вызывает.

— Кому нужна, — говорил мне представитель столичного издательства с государственной озабоченностью, — в век атома и большой химии книга о вымерших слонах? В библиотеке ее не будут читать. В магазине ее не купят. Все вот так и будет, как я сказал, издай мы вас, товарищ Гарутт, уж поверьте мне, старому книжному волку.

— Но в музеях люди интересуются древними слонами...

— Интересуются единицы, а мы должны заинтересовать массы!

Так я получил отказ. Рукопись моя, однако, долго не пролежала. Вскоре приезжает к нам в институт представитель гдзэзовского издательства «Цимзен». Оказывается, немцы тоже задумали выпустить маленькую домашнюю библиотечку о животных, и они искали авторов также и среди ленинградских зоологов.

— Мы бы взяли, например, с большим удовольствием рукопись о белой полярной сове, — говорил немец. — Доктор Гарутт, вы не напишете для нас о белой полярной сове?

— А мамонт вас не заинтересует? — отшутился я.

— О, это тоже интересно! Мы принимаем такой ваш деловой предложение, доктор Гарутт.

Я сказал ему, что, мол, надо сначала запросить Академию наук, потом она перешлет этот запрос в наш Зоологический институт, и только тогда можно будет послать рукопись в ГДР. Так все и произошло. И моя книга увидела свет за границей. Жалею, что мне не удалось ее издать вначале у нас. А теперь уж, кажется, меня опережают другие, и кто-то из ленинградцев написал книгу о мамонтах. У нас, знаете, мамонтам не везло издавна. Еще в восемнадцатом веке Василий Никитич Татищев написал о мамонте, но его труд так и не опубликовали. И вот и мне не повезло...

Да, Вадим Евгеньевич Гарутт всю жизнь — сторож у слона. Расскажу еще один случай из давних лет и мы вернемся к истории слонихи Бетти. А случай такой...

Двадцать лет назад в Зоологический институт приезжает из Ростова-на-Дону работник краеведческого музея Вера Северьяновна Байгушева и привозит с собой челюсть мо-

лодого слоненка. Разговорились — и она пожаловалась на свою беду. Рядом с Ростовом есть село Ливенцовка, а там — песчаный карьер. В нем и нашли череп слоненка. Вера Северьяновна раздобыла грузовик и помчалась в карьер. Рабочие помогли ей выкопать находку и Вера Северьяновна попросила их поставить череп в кузов. Те бережно взялись за череп и потом разом подняли его... Тут и случилось страшное. Череп слона развалился прямо в руках у рабочих на мелкие части...

— Вы, я вижу, и сейчас волнуетесь, рассказывая, а вы не волнуетесь, скажите-ка лучше — кости-то вы, случайно, тогда не собрали?

— Собрала! — встрепенулась ростовчанка.

— Пришлите мне их, я попробую что-нибудь сделать, — сказал Гарутт.

Через месяц Гарутту пришел ящик с обломками слоновьего черепа.

Через два года Вера Северьяновна получила ящик с восстановленным черепом, который теперь можно увидеть в краеведческом музее Ростова-на-Дону.

Но самое удивительное в этой истории — не долготерпение Гарутта. Так было сделано сенсационное открытие представителя самого древнего вида слонов — архидискодонтомерионалиса.

Первобытный слон был впервые описан итальянцем Нести почти двести лет назад. Он установил тогда, что древний слон отличается от современного слона одним зубом. У него не молочный, а постоянный молляр. И зубы этого слона дискообразны. И коли встречен был этот слон в Италии, то есть на юге Европы, то его назвали южным слонем. Итак, архидискодонтомерионалис — это значит древний южный слон с дискообразными зубами.

Так вот, архидискодонтов было найдено во всем мире всего несколько экземпляров. И одного из них открыл для науки и всеобщего обозрения Вадим Евгеньевич Гарутт, открыл, не выходя из кабинета. Вы догадываетесь, что собрать череп древнего слона из мелких косточек ему было несколько труднее, чем, скажем, радиолубителю смонтировать по схеме цветной телевизор.

О гибели слонихи Бетти Гарутт узнал на фронте. Из письма матери. Бомба взорвалась совсем рядом со слонником, и Бетти была изрешечена осколками...

Нечто похожее случилось и с Гаруттом. Взорвался снаряд, его тяжело контузило. И он попал на лечение в Ташкент. Там он и закончил университет. Его распределили на работу в Наманган, в краеведческий музей.

— Узбекистан помог вам закон-

чить университет, теперь вы ему помогите,— профессор улыбался, но смотрел на студента испытующе. Это была трудная минута. Но единственно верные слова нашлись.

— Ленинградцы сейчас должны быть в Ленинграде,— начал Вадим.— А Узбекистану я всегда буду благодарен, всегда...

Защитил университетский диплом Вадим Гарутт уже дома, в Ленинграде. Тема его дипломной работы, конечно же, была о слонах: «Пластическая реконструкция черепа мамонта»...

Как только Вадим приехал из Ташкента, он пошел в зоопарк. Родные погибли, друзей война тоже не вернула. Ему рассказали, как погибла Бетти, как ее зарыли в траншее, выкопанной для обороны города. Нашелся свидетель смерти Бетти. Слоиха после ранения еще жила целую ночь под обломками рухнувшего здания. К ней подошли, видели, что она еще жива, открывает и закрывает глаза, но никто не пытался поднять бревна, спасти животное. Не было сил и опасались: а вдруг освобожденная слониха бросится на людей.

Вадим добился разрешения выкопать останки Бетти. На месте захоронения Бетти росла капуста. Надо было ждать поздней осени, когда бесценный урожай уберут. Эти дни настали, но еще две недели Вадим не мог наткнуться на могилу Бетти, где ни копнет — целина, там землю никогда не трогали. И однажды лом наткнулся на твердое. Оказалось, удар пришелся в череп Бетти. Вадим выкопал череп и попросил приятеля, тоже фронтовика, помочь ему. Так они шли с носилками по улицам послеблокадного города и никто не удивлялся их необычной ноше. Ленинградцев, переживших блокаду, все еще можно было удивить только самыми простыми вещами — горстью ягод, стаканом молока, булкой хлеба.

Приятель перетрудил раненую ногу и ушел домой. А еще надо было тащить нижнюю челюсть. И Вадим катил кость по снегу, а потом, надев ее на шею, как хомут, цепляясь за перила, долго поднимался на четвертый этаж.

Так он жил первую зиму после войны. Окна комнаты забиты заиндевевшей фанерой. Спал на тонкой кошке, раскатывал ее вечером и скатывал утром. Больше из имущества ничего не сохранилось. Здесь он писал дипломную работу, грея руки над электроплиткой, а в углу стоял череп Бетти, и широкий лоб слонихи напоминал башню танка...

НО ЗЛОЮ ОН СУДЬБОЙ ГОНЯЯ

**Александр
ШАРЦ**

В трех номерах журнала «Заволжский муравей» за 1833 год (журнал издавался в Казани и был единственным тогда на Урале и в Поволжье печатным органом) были опубликованы стихотворения Волкова. В архиве журнала хранятся сведения о некоторых авторах, в том числе и о Волкове: «Роман Митрофанович, сын Митрохи Волка, 1800 года рождения, в 1834 году сослан в Восточную Сибирь на поселение. Бежал из тобольской тюрьмы и состоит в беглых».

Вот только это известно нам о безусловно даровитом поэте. Видимо, редакция журнала ценила талант Волкова, если следила за его судьбой и в 1834 году, это был последний год издания «Заволжского муравья», наводила справки о судьбе Волкова.

Родился Р. М. Волков в семье крепостного в имении Всеволожского (ныне деревня Быкова Сивинского района Пермской области). Его отец Митроха Волк (прозвище отца стало фамилией сына) — беглый старообрядец из Углича. Грамоте Роман научился сначала от отца, а потом у дьячка сивинской церкви.

В 1825 году Всеволожский решил строить себе в губернском городе Пермь дом и стал посылать туда своих крепостных. Смешливый и честный, Роман Митрофанович скоро стал артельным, близко сошелся с губернским архитектором И. И. Связовым (1797—1875).

В 1834 году за неповиновение господину своему и богохульство по просьбе пермского архиепископа Аркадия и по распоряжению пермского губернатора Г. К. Селастенника Волков был сослан в Восточную Сибирь на поселение. Из тобольской тюрьмы бежал. В списках пойманных, «родства не помнящих», как озаглавлено дело, каинской пересыльной тюрьмы (ныне город Куйбышев Новосибирской области) значится Роман, как назвал себя беглый, родства не помнящий. У него был обнаружен журнал «Заволжский муравей», в котором стихотворение «Дума» подчеркнута кровью. Номер и год выхода журнала «сильно из-

носился», как значится в допросе. «Бродяга», родства не помнящий, снова бежал и дальнейшая его судьба неизвестна. Сохранились допросы его отца, который клялся, что его сын в деревне Быково не появлялся.

Вот одно из опубликованных в журнале стихотворений крепостного крестьянина-самоучки.

ДУМА

Какою мрачной пеленою
Покрыт полночный свод небес —
И только звездочкой одною
К нему прикован занавес!
Тогда, как горе забывая,
Природа сном спокойным спит,
Она — звезда моя родная —
Огнем недремлющим горит,
И всякий раз, как ночь нисходит,
Встает над бурным Иртышом,
И всякий раз на месте том,
Как на указанном восходит,
Как будто в тесных берегах
Валов клсочущих стенанье —
Земное, душевное страданье —
Знакома ей и в небесах.
Страшнее бурь и непогод
Иртыш клубит, Иртыш несется;
И гул его ревущих вод
Далеко, грозно раздается;
И сон прибрежного жилища,
Окрестные леса и скалы
Тревожит голос одичалый
Неугомонного певца.
Иртыш, Иртыш! как непонятен,
Как для других ужасен твой
Неугомимый стон и вой!..
Но тот, чей мир в душе утрачен,
И кто в измученной груди
Такой же страшной бури полный,
Отрад не видит впереди,
Тот любит и седые волны,
И плеск твоих валов;
Стремясь с тобой к одной

награде,
Заснуть меж чуждых берегов,
Он не живет с тобой в разладе...
О, как нередко и над ним
Сияет блеск звезды высокой!
Но злою он судьбой гоним —
Бежит, не видит светлоокой!..

Я Вас поздравляю!..

**Семен
ИВЕНСКИЙ**

В конце 50-х годов по делам службы я побывал в колхозе имени XVII партсъезда, что на Вологодщине. А под Новый год стали приходить поздравительные открытки — целых пять штук. Люди, с которыми я подружился в деревне, писали — каждый своим почерком, по-своему, — о себе, желали здоровья... За скучными строчками фраз видел я грустную улыбку старушки, испытующий взгляд старика, веселое лицо школьника. И только на оборотах всех до одной открыток был один и тот же сюжет: два зайца несут одну морковку. Стандарт.

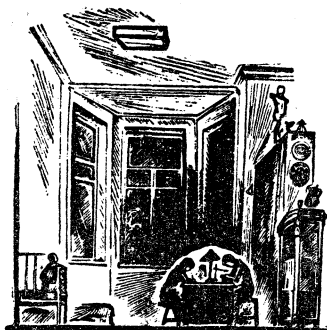
Конечно, художник не виноват. Сюжет милый, смешной, теплый. Получил я такую открытку в одном экземпляре, я был бы просто рад. Но пять?! Тогда я впервые подумал, всегда ли стандартная открытка принесет привет ее посланного в наилучшем виде?

Сейчас, ассортимент новогодних открыток намного шире. Открытки яркие, веселые, нарядные, на выбор людям разных вкусов, профессий, возрастов, увлечений... И все же в наши дни, когда люди получают и посылают, пользуясь услугами почты, не одну-две, а иногда десяток-два новогодних поздравлений, оди-

наковость хотя бы двух из них, если не более, неизменно накладывает свой оттенок на радости. Даже если сюжетов много, а не один-единственный.

Может быть, вспомнив об этом эпизоде, я стал с 1963 года заказывать у знакомых художников собственную новогоднюю поздравительную гравюру, печатал ее вечерами от руки или, если удавалось, получал небольшой тиражик через типографию, чтобы послать многим друзьям и знакомым. Первую такую открытку создал для меня московский гравер-анималист Вадим Антонович Фролов. Сюжет явно для зарубежных любителей графики: усатый молодец едет на расписных санках, которые везут три медведя под такими же расписными дугами, а над ними — развесистая ягода-клюква. Картинку можно было раскрашивать чистыми акварельными красками, и тогда она еще больше напоминала сказочный игрушечный лубок.

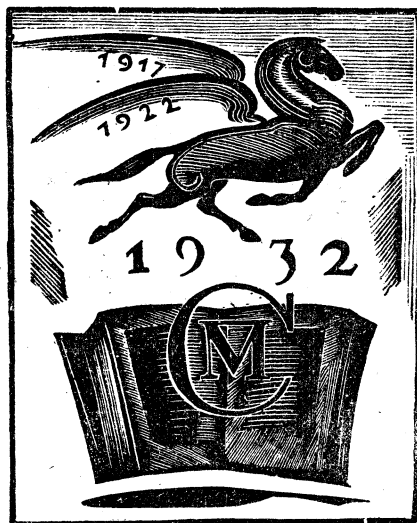
В дальнейшем мне гравировали новогодние листы разные мастера: москвичи В. Морозов и М. Чуракова, график из Ухты В. Кислов, киевский ксилограф В. Розенталь и другие, а еще позже, уже, примерно, в течение десяти лет, — известный авст-

НОВОСЕЛЬЕ
У ПИСКАРЕВЫХ
1931

GUTE VERBINDUNG 1960

P.F. 1960

HEINRICH
GRAF

1/2

СГ-ИВЕНСКОГО

рийский график Отто Файль из Вены. В искусстве Файля, в том числе в его новогодних поздравительных гравюрах, всегда видна любовь к скромной, незаметной природе. Частым мотивом его новогодних поздравлений, наряду с общепринятыми изображениями елок в праздничном уборе, звездного неба, игрушек, служат полевые и садовые цветы.

За долгие годы нашего письменного общения Файль нарезал для меня десять экслибрисов и почти столько же новогодних поздравлений. Мотив гравюры — если не памятник старой архитектуры, то обязательно цветы. Однажды он получил мое письмо, на листе которого сверху в виде заставки я отпечатал крошечную гравюрку — прямо с гравированной доски работы чудесного мастера М. С. Чураковой. Живя под Москвой, Мария Сергеевна постоянно наблюдает русскую природу, которая стала главным содержанием

ее больших и малых гравюр. На моем письме оказалось крошечное изображение сухонького придорожного цветка колокольчика, выросшего на своей тоненькой длинной ножке. Вскоре я получил от Файля ответ. «Теперь, — писал он, — я знаю Ваши любимые цветы — это колокольчики!» И сделал мне экслибрис с большими садовыми колокольчиками с крупными, роскошными цветами. Я ценю этот знак дружбы и уважения, люблю клеить его на книги, но все же часто вспоминаю тот маленький цветочек, который вырос где-то на обочине проселочной дороги, который не поливали, по которому, наверное, не раз ступали, а он все живет и тянется к солнышку...

Сам жанр поздравительной графической композиции восходит к так называемой обстоятельству гравюры, создаваемой по случаю рождения, юбилея, праздника, определенного события в жизни общества,

коллектива или отдельного человека или семьи. В качестве классического примера отечественной графики можно назвать серию ксилографий классика советской графики Н. И. Пискарева. Он отмечал подобными гравюрами дни рождения сына или события в жизни семьи (переезд на новую квартиру), а сами гравюры печатались как приглашения на семейные торжества.

Позже интересные обстоятельства стали особенно часто делать другой московский ксилограф — Г. Кравцов, ученик В. Фаворского, автор многочисленных экслибрисов и иллюстраций, мастер книжного оформления. Личные поздравления Кравцов гравюрует и к Новому году, и ко Дню Советской Армии (он — участник Великой Отечественной войны), и к 8 Марта, преподнося эти листы знакомым женщинам.

Многие советские графики, очевидно, без всякого влияния своих

старших товарищей в наше время делают для себя и близких новогодние поздравления и графику обстоятельного плана. С юмором решает их в гравюре, например, А. И. Аносов из Иркутска. Немало их сделано на дереве известными граверами супругами Г. Н. и Н. В. Бурмагиными из Вологды.

Очень развита культура новогодних графических новелл в Чехословакии. Здесь одним из самых плодотворных и известных мастеров обстоятельного графики стал старейший художник ЧССР Ярослав Водражка из Праги. В одном из писем он признался, что настолько «погряз в делании экслибрисов и миниатюрных работ по случаю, что часто забывает за этими занятиями большую графику». Пожалуй, он прав: только в моей, не самой большой коллекции его работ около шестисот подобных мелочей, из них не менее ста — новогодних поздравлений.

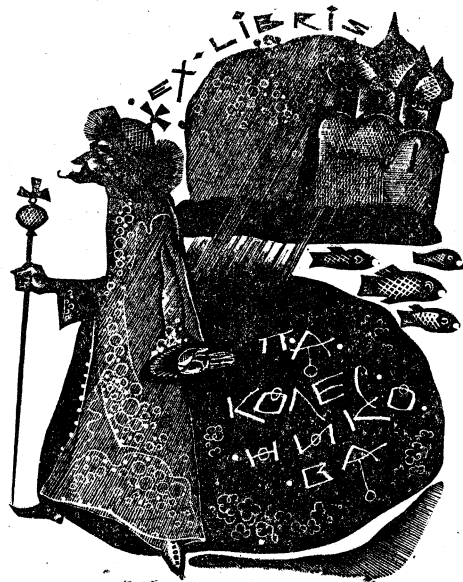
Водражка сделал мотивами своих новогодних поздравлений и экслибрисов виды чешской природы, образы борцов за народную свободу, героев чешской истории, русских былин, литературных произведений и фольклора.

Большим мастером новогодних поздравлений в гравюре слывет бельгийский прогрессивный график Герард Годуэн, наследующий народные, оптимистические традиции классического искусства своей родины — традиции Брейгеля и Рубенса. Его задорные и лукавые ребятишки, вечные проказники, герои романа де Костера Тиль Уленшпигель, Ламме Гудзак и Неле, добродушные, как и сам создатель этих листов.

Пользуются неизменным успехом и новогодние графические поздравления таких известных мастеров, как коммунист Ф. Мазереель, как учителя Годуэна В. Штуйваэрт и М. Северин.

Еще в конце XIX — начале XX веков новогодние композиции исполнял известный в Германии художник Г. Фома. Рисовал он в стиле господствовавшего тогда модерна. Мы знаем немало новогодних поздравлений в гравюрах такого талантливого мастера, как Михель Фингестен (1883—1943).

В Германской Демократической Республике прекрасные новогодние миниатюры делает талантливый график Вернер Клемке. У меня хранится большая серия новогодних поздравлений, полученных от семьи видного политического, общественного и культурного деятеля ГДР, доктора Лотара Больца, председателя общества ГДР — СССР. Кстати сказать, Больц собрал и передал в собственность ГДР крупнейшую в Европе коллекцию русской и советской графики. Автором всех поздравлений, исполненных в технике шабкартона и ксилографии, является не кто иной,

В. П. 1980
INNA ETSEMION

С НОВЫМ ГОДОМ! С. МИЕШКОВСКИЙ

как Клемке. Поразительна фантазия художника, каждый раз новые, острые, подвижные, полные лукавого народного юмора композиции, остроумие, графическая грациозность сюжетов всех листов. На последнем из присланных поздравлений с Новым годом — сцена: у взбешенного бога войны Марса молодая девушка, полная сил и здоровья, шутя, похитила его меч — доброе, в духе Жана Эффеля пожелание мира, радости и счастья всем народам земли.

Ювелирным мастерством, блестящей техникой резьбы отличаются новогодние гравюры на меди лейпцигских граверов Г. Штауфа, мастера миниатюрных резцовых гравюр О. Фолькамера, ксилографа и живописца доктора Г. Шульце.

Немало юмора, гротеска в польской обстоятельной графике. В этом она как бы перекликается с чешской и отчасти с венгерской.

Из польских мастеров новогод-

ней графики можно отметить мастера-самоучку З. Долятовского, чьи новогодние сюжеты не уступают по острому юмору его экслибрисам. Долятовский достиг мастерства, как и советские граверы Сапожников и Фролов, трудясь над экслибрисами, к которым он «прикипел» еще в конце 1950-х годов. Он — признанный в мире график малых форм, чьи работы нарастают у любителей.

Однако первенство в польской миниатюрной графике бесспорно за В. Якубовским, чьи ювелирные, искрящиеся резьбой, будто плоскостями драгоценных камней, экслибрисы и новогодние листы создали их автору славу одного из лучших мастеров этого рода искусства в мире.

В Венгрии все рекорды — как по количеству (около тысячи), так и по изяществу и юмору — завоевал известный, скончавшийся в 1968 году, гравер Иштван Драхош.

Искусство новогодней личной по-

здравительной композиции, связанное с добрыми чувствами людей друг к другу, пронизанное мечтой о мире и счастье людей на земле, не может не развиваться и не обогащаться новыми именами, находками, сюжетами, ибо оно выдает наши мечты о лучшем, чем мы привязаны к жизни, о будущем наших детей и потомков, которое хочется надеяться, должно волей народов, волей простых людей быть защищено от трагедий.

Как вы потеете?

В личной библиотеке свердловского книголюба Владимира Третьякова есть настольный календарь за 1875 год, в котором я и прочитал эту занятую заметку о том, как люди в различных частях света по-разному, иногда престранным образом, приветствовали при встрече друг друга...

Вежливый чех ставит себе в неприменную обязанность назваться вашим покорным слугой. Он обыкновенно прощается так: «Доброй ночи желает ваш покорнейший слуга!». «Целую вашу руку!» — восклицает австриец и даже целует подол платья тому, к кому он питает особое уважение. В кругах польской аристократии можно было слышать вопрос: «Счастливы ли вы?». Турок при встрече грациозным движением прикладывает руку сперва к сердцу, потом ко лбу в знак искреннего расположения. Иначе приветствует англичанин. В кругах вежливости и благосклонности он схватывает вашу руку, как в железные тиски, и так сильно ее трясет, как будто желает оторвать. Причем и женщины, и мужчины получают одинаковое приветствие, а физиономия у того, кто приветствует, остается бесстрашной. Так же серьезен житель скандинавских стран, он постоянно задумчив, и при встрече с ним не надо пугаться, когда он допытывается: «О чем вы думаете?». «Хорошо ли живете?» — восклицает датчанин, между тем как голландский гуляка, кланяясь, быстро задаст вам вопрос: «Куда вы идете?».

А теперь перенесемся в другие страны света. Жители Японии кланяются, снимая с ног туфли, приближаясь друг к другу с босыми ногами. Они выказывают уважение обнажением ног, так же точно, как и мы, обнажая голову. В Китае встречающиеся берут друг друга за руки, прикладывают их к сердцу и низко склоняют головы. Когда же двое знакомых китайцев встречаются после долгой разлуки, они падают на колени. Или спрашивают: «В порядке ли ваш желудок?». Если бы какому-либо китайцу вздумалось поклониться по европейскому обычаю, он получил бы пятьдесят ударов бамбуковой палкой по распоряжению мандарина. Если европейцы обнажением головы выражают свое уважение, то представители некоторых восточных народов выражают этим свое пре-

зрение. В Гималаях мужчины имеют обыкновение при встрече поворачиваться друг к другу спиной, между тем как индусы хватают друг друга за бороды. Большая часть островитян Тихого океана имеют привычку при встрече тереться носами. Этот обычай существует также у некоторых северных народов, а уроженцы группы Тонгских островов нежно прижимают нос ко лбу приветствуемого.

Пренебрежением эстетическим чувством кажется нам свойство поклона жителей острова св. Лаврентия в Тихом океане. Если тамошние жители выражают свое особое уважение и расположение, то плюют себе на ладони и натирают друг другу лица. Можно вообразить, что должен ощущать деликатный европеец, который сделается жертвой такой вежливости. Также не особенно должно быть приятно, когда представители другой национальности встретившемуся товарищу дуют в уши и при этом добродушно потирают друг у друга живот. В Ламузке обитатели хватают руку приветствуемого и нежно проводят ею по своему лицу. Высшим изъявлением уважения считается, когда кидаются при встрече на землю и ногою приятеля легонько дотрагиваются до своего лица. Честь эта выпадает на долю преимущественно начальников и священнослужителей. Африканские негры, приветствуя, хватают большой палец или все пальцы и жмут их до хруста, чем и выражают искренность чувств. В Египте, климат которого требует, чтобы человек сильно и правильно потел, при встрече спрашивают с участием: «Как вы потеете?». Не задать такой вопрос — значит выразить недостаток расположения. На Сокотре (остров у Восточной Африки) встречающиеся целуют друг друга в плечо, а на Онце ложатся на землю. В Северной Америке, где высока смертность детей, молодые женщины, встречаясь, сочувственно спрашивают: «Здорово ли ваше беби?».

Таким образом, мы ознакомились с далеко не полным обозрением разнообразных выражений одного и того же чувства. Вполне вероятно, что некоторые формы этих приветствий совершенно устарели, исчезли. Что ж, тем любопытнее было узнать о них.

Юрий
АЛАН

Уральские турбины

Многие, наверное, помнят, как возле каждого многоэтажного дома черным дымом чадила огромная труба — местная котельная отапливала несколько десятков квартир. И так было в каждом городе. На отопление уходили миллионы тонн угля, топились котельни круглосуточно, засоряли атмосферу...

За последние двадцать лет постепенно все котельни закрыли. Им на смену пришли паровые теплофикационные турбины. Изготавливает их Уральский турбомоторный завод, построенный в Свердловске по решению XVIII съезда партии.

Первая турбина на Урале была сделана 16 мая 1941 года. Она была небольшой мощности — всего 12 тысяч киловатт.

После войны производство турбин возобновилось. Совершенствовалась их конструкция, увеличивалась мощность. В 1961 году сконструирована и построена теплофикационная паровая турбина мощностью в 100 тысяч киловатт. Этот агрегат, работая на ТЭЦ, обеспечивает коммунальными благами город с населением 100—150 тысяч человек.

Через десять лет конструкторы создали, а в цехах завода изготовили уникальную теплофикационную паровую турбину в два с половиной раза мощнее предыдущей! Она не имеет себе равных в мире. Она настолько мощна и производительна, что всего четыре таких турбины могут осветить, отопить и обеспечить горячей водой такой, скажем, город, как Свердловск.

Сейчас турбины разной мощности — от 25 до 250 тысяч киловатт — работают в сотнях городов нашей страны и во многих странах мира.

Уральский турбомоторный завод — основной поставщик теплофикационных турбин для народного хозяйства страны.

На заводе создается принципиально новая машина мощностью 450—500 тысяч киловатт. Она будет использовать тепло атомных реакторов. Турбостроители дали слово к XXVI съезду КПСС разработать чертежи самых сложных узлов этой машины.

Анатолий ВАЙНБЕРГ

Локомотив-памятник

На Привокзальной площади Сарапула стоит необычный памятник — на постаменте установлен паровоз «Оч № 3705». Этот локомотив вел в феврале 1919 года из Сарапула эшелон с хлебом в голодающую Москву.

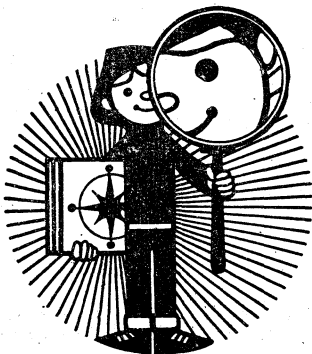
20 тысяч пудов зерна собрали тогда крестьяне уезда и направили его в столицу — на имя В. И. Ленина. Владимир Ильич в ответной телеграмме на имя сарапульского комбеда назвал патриотический поступок удмуртских крестьян подвигом.

На постаменте памятника написано: «Подвигу сарапульских крестьян и железнодорожников посвящается».

Ефим КРАПОЛЬСКИЙ

МИР

НА ЛАДОНИ

Легендарная бурка

В одной из витрин Центрального музея Вооруженных Сил СССР выставлена бурка Василия Ивановича Чапаева. Ее передал в музей в 1955 году родственник героя гражданской войны И. С. Кутякова.

В сентябре 1919 года

красноармейский обоз увозил из станицы Лбищенской раненых в тыл. Шел дождь, и Чапаев снял с себя бурку, чтобы укрыть ею одного из бойцов. Обоз ушел, а на другой день В. И. Чапаев погиб.

Заменивший начдива И. С. Кутяков разыскал бурку и сохранил. Потом она попала к его родственникам, а затем в музей.

Антон ШИРОКОВ

Откуда пошло «Яблочко»

Всемирно известен танец советских моряков из балета «Красный мак» композитора Р. М. Глиэра. Премьера этого спектакля состоялась 14 июня 1927 года на сцене Большого театра.

Основой мелодии популярного танца послужил мотив широко известной в годы гражданской войны сатирической частушки «Яблочко». Текст ее имел многочисленное количество вариантов. Сам же напев «Яблочко» был взят из молдавской плясовой песни «Калач».

Борис АЛЕКСЕЕВ

Звезда Александры Пахмутовой

Имя советского композитора Александры Пахмутовой широко известно. Ее песни поет молодежь всей планеты. Народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола подарила народу множество песен, ставших весьма популярными. Это — «Песня о тревожной

молодости», «Надежда», «Созвездие Гагарина», «Нежность», «Мелодия»...

А знаете ли вы, что у Пахмутовой есть «собственная» звезда? Малая планета № 1889, открытая советскими астрономами, получила название в честь Александры Николаевны Пахмутовой.

Алексей ГАЛИН

Красной нитью...

Как возникло это крылатое выражение, которое, кстати, надо считать международным?

Некогда в Англии было введено строгое правило: все виды канатов королевского флота изготавливались с красной нитью. Даже

в самой тонкой пряжи, входящей в состав каната, красная нить была обязательной. Первым, кто употребил это выражение в переносном смысле, был Гете: фраза «красной нитью...» появилась в его романе «Избирательное средство» в 1809 году.

Престарелый станок

В «Уральском следопыте» рассказывалось о старом токарном станке, который, как экспонат, стоит в музее Свердловского машиностроительного завода имени М. И. Калинина. Этот станок знаменит тем, что на нем когда-то работал Михаил Иванович Калинин.

Недавно краевед Ф. Ф. Васильев обнаружил на Сысертском заводе, что близ Свердловска, продольно-строгальный станок выпуска... 1849 года. Этому ветерану тоже подобает занять место в музее, но он, что весьма удивительно, — совсем исправен и работает.

Установили краеведы и такой удивительный факт. Сейчас на древнем станке уже четвертый десяток лет трудится строгальщик Алексеев, а до него на нем работали, тоже по сорок с лишним лет, только два человека.

Может, потому станок так живуч, что он знал за свой долгий век всего трех или четырех хозяев? Или сделали его так добротно?

Василий ПЕТРОВ

Суворовские заповеди

Ключ к пониманию своеобразной тактики и стратегии, сделавших русскую армию в конце XVIII века непобедимой, дают положения, изложенные А. В. Суворовым в его «Науке побеждать».

Этот труд великого полководца представляет большой интерес и в наше время. При Советской власти

10 заповедей из суворовской «Науки побеждать» впервые были опубликованы в «Книжке красноармейца», изданной Военным отделом ВЦИК в годы гражданской войны. Образец «Книжки красноармейца» был утвержден в 1918 году В. И. Лениным.

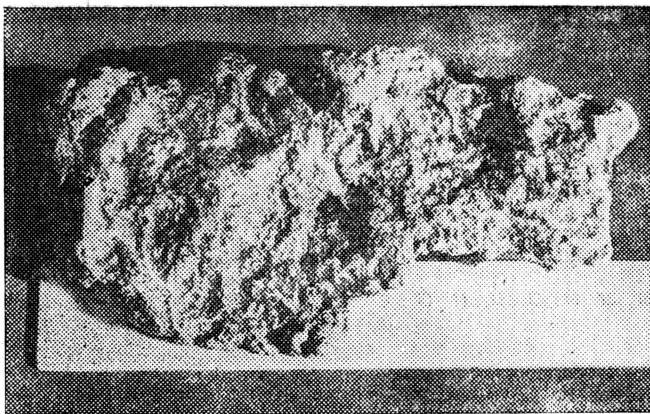
Сергей МИХАЙЛОВ

Почему море соленое

Считалось, что соль в моря приносят реки. Однако сторонники этой гипотезы не могли объяснить, почему состав соли в морской воде намного отличается от речной.

Сейчас среди ученых преобладает мнение, что поставщиком океанских солей являются подводные вулканы. Содержащиеся в вулканических извержениях растворимые соединения имеют химический состав, близкий к морской соли.

Давид ЭЙДЕЛЬМАН

Дар земли уральской

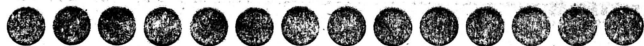
Этот бесформенный кусок металла легко помещается на ладони. Длина его 16 сантиметров, ширина — шесть сантиметров, толщина — 15—17 миллиметров. А весит он 1050 граммов! И не удивительно: это ведь самородок золота!

Нашла самородок старательская артель «Печора», работающая на Салдинском карьере объединения «Урал-золото». В тот летний день все шло как обычно: гидромонитором разрыхляли горную массу, на специальной установке промывали ее. И когда открыли шлюзы, в которых накапливается металл, то среди разнообразной мелочи увидели большой камень. Присмотрелись — с нескольких сторон он отдавал желтизной...

— Нередки у нас самородки, — сказал директор Салдинского карьера В. С. Дементьев. — В прошлом году женщина, проходя по участку, нашла буквально под ногами самородок весом в 468 граммов, не раз здесь находили более мелкие — от 20 до 100 граммов.

Эдуард ЯКУБОВСКИЙ

Фото Дмитрия Пашкевича

Гидромото

За 10 минут ленинградские изобретатели В. Овчинников и И. Буданицкий превращают коляску своего мотоцикла «Ява-350» в лодку, способную взять на борт двух человек и 50 килограммов груза.

Умельцам удалось найти простое и надежное решение — установить на стандартное шасси мотоцикла лодку. Надрамник изготовлен из двух стальных облицованных резиной труб, изогнутых таким образом, что они копируют продольный профиль днища.

Испытания и эксплуатация гидромото полностью оправдали возлагаемые на него надежды. Скорость передвижения по воде при полной загрузке в 250 килограммов с мотором «Салют» достигает восьми, а на земле с тремя пассажирами — 90 километров в час.

Гидромото удовлетворило и строгие требования ГАИ.

Яков СЕРГЕЕВ

Баржа Ермака

На реке Сосьве, протекающей на Северном Урале, недалеко от слияния ее с Тавдой, находится старинный поселок Гари. В 1983 году исполнится 350 лет со дня основания его. А еще ранее, 400 лет назад, тут проплывали струги Ермака и его сподвижников. Как бы в память

об этом здесь лежат остатки старинного корабля — днище и корма. Местные жители считают, что это — остов баржи Ермака. Сделан был речной корабль без единого гвоздя из вековых лиственниц. Плахи и сейчас хорошо сохранились.

Василий ШИМОВ

Сколько островов в Индонезии

Об Индонезии говорят, что это страна тысяч островов. Однако точно не известно было, сколько их на самом деле. Недавно завершилось картографическое исследование страны. Результат оказался поразительным: Индонезия состоит из 13 500 островов. Лишь

шесть тысяч из них имеют названия. Населены 992 острова, более 12 тысяч, стало быть, необитаемы. Все новые зарегистрированные острова и островки получат названия.

Леонид МЯСНИКОВ

От Пустошки до Одера

В музее боевой славы при Иркутском гарнизонном Доме офицеров в прошлом году появился новый экспонат — фронтовой стек. Вот какие надписи выгравированы на нем его первый хозяин гитлеровский обер-лейтенант: «Берлин. Париж. Варшава. Минск. Витебск. Великие Луки. Ржев».

Герой Советского Союза майор А. Смирнов, к которому попал на войне стек, повел обратный счет: «Пустошка. Ковель. Холм. Люблин. Радом. Познань. Река Одер. Лебус».

Под Лебусом комбат был ранен и не смог начертать на стекле другие победные вехи — вплоть до Берлина...

Виталий БЕРДЮГИН

Памятная медаль

С 14 июня по 15 сентября 1887 года в Екатеринбурге проходила Сибирско-Уральская промышленная выставка. Главным организатором выставки было Уральское общество любителей естествознания.

Выставка была столь непривычна для скучной, периферийной жизни дореволюционного Урала, что ее нельзя было не отметить. По ходатайству пермского губернатора и УОЛЕ в память о Сибирско-Уральской выставке была выпущена специальная медаль.

На снимке: памятная медаль.

Андрей ГОРБАТОВ

Отменили...

Английские метеорологи теперь вздохнули с облегчением: парламент отменил закон, принятый в 1667 году, по которому лживые предсказатели погоды подвергались публичной казни. Значит, отныне ошибки метеорологов, составляющих прогноз погоды, узаконены.

Вадим ИВАНЧЕНКО

Дело и слово

Телефон изобрел, как известно, американец Белл, а вот слово «телефон» придумал немецкий физик Рейс, хотя в немецком языке уже существовало название аппарата для общения на расстоянии, а именно «ферншпехер», то есть дальноговоритель.

А про аэроплан можно сказать, что сначала было слово, а потом дело, потому что термин «аэроплан» был придуман еще в 1855 году Жозефом Плином, который он впервые употребил в своем прошении выдать ему патент на аппарат тяжелее воздуха. Аппарат оказался мертворожденным, а слово стало крылатым. Кстати, до появления слова «аэроплан» были самые разные названия для летательных машин — орнитоптер, птероплан, планофор, ортоптер.

Велосипед назвал велосипедом не тот, кто впервые соорудил двухколесную машину с педалями — крепостной умелец из Нижнего Тагила Артамонов, — а француз Мишо, который придумал для самоката не только удачное название, но и тормоз.

Слово «радио» произошло от латинского «радиус» — луч. Ведь вначале ученые называли электромагнитное излучение «лучами Герца»... В 1894 году Попов придумал «электрический радиометр», прибор, улавливающий лучи Герца. Попов, безусловно, говорил слово «радиометр», то есть слово «радио» уже и звучало. Но кто же его придумал?

А. КОПАЙСКИЙ

Человек, писавший... зубами

Чудом остался в живых тяжело раненный солдат Никтополион Святский, вытасканный из сугроба снега. К своей матери в Вологду герой Шипки возвратился инвалидом. Вскоре мать умерла, и Никтополион оказался буквально на улице, никому не нужный, с шестирублевой пенсией, на которую расщедрилось рекрутское присутствие.

Но мир не без добрых людей, нашлись они и на родине Святского. Вологодские друзья увезли Никтополиона Павловича, не стоявшего на ногах, не способного держать в руках карандаш, в Царское Село. По его просьбе подыскали жилье недалеко от лица, где воспитывался Пушкин. И свои первые поэтические строки Святский посвятил великому русскому поэту:

...Кто имя Пушкина не знает!
Кому не дорого оно!
Весь мир тебя благославляет
С твоей Отчизной заодно.

Свое первое стихотворение он написал пером, которое держал... в зубах.

Невозможно без волнения читать документ, датированный 18 августа 1905 года, найденный в архиве библиографа П. Ди-

лакторского. В его верхней части карандашом помечено: «Письмо писано зубами». Его автор, которому не подчинялись руки и ноги, в своем письме высказывал сочувствие чужому горю.

П. Дилакторский, видимо, ознакомил с этим письмом петербургских литераторов, так как вскоре в газетах появились статьи с такими вот строками: «Святский прямо герой, он не пал духом и с редким достоинством, с редкой силою несет свой страшный крест». И еще: «Его можно назвать живым духом в мертвом теле».

До нас дошло очень немногое из наследия поэта. В 1893 и 1900 годах Никтополион Святский издал на деньги, собранные друзьями, две маленькие книжки стихов. Читая их, убеждаешься в том, что поэт был свободолобив. Он называет себя в стихах «поклонником свободы», он страстно ждал, когда «падет скрижаль, насилий рухнет трон!.. Умолкнет плач, навек затихнет стон». Обе книжки хранятся в отделе редких изданий библиотеки Академии наук СССР.

За Египетскими воротами в Пушкине есть место, где установлен памятник, надпись на нем свидетельствует о том, что здесь покоится удивительной судьбы русский человек, герой Шипки, поэт Никтополион Святский...

Всеволод КРИВОШЕИН

Озеро-хамелеон

При раскопках древнего города Таниса, одной из столиц Египта, археологов заинтересовала конструкция трех глубоких резервуаров для хранения питьевой воды. Обложенные обожженным кирпичом, они были построены с учетом того, что около шести месяцев в году вода озера Манзала, расположенного рядом с морем, была пресной, а другие шесть месяцев — соленой. Когда вода в озере была пригодной для питья, она поступала в резервуары и расходовалась в течение полугода.

Анатолий ПЕТРОВ

В ГОРОДЕ ХИМИИ, ГОРОДЕ МЕНДЕЛЕЕВА...

Лариса
РОЩЕВСКАЯ

Фото
А. Грахова

Поезд приходит в Тобольск ранним утром. Вначале на горизонте высоко над лесом появляется белоснежная вертикаль колокольни Тобольского кремля, затем открывается и весь кремль, стоящий на крутом высоком обрыве. Поезд идет низиной, издали огибает город. Наконец — тобольский красавец-вокзал, построенный, как и железная дорога, всего несколько лет назад, а за ним — в молодом сосновом бору раскинувшийся современный поселок железнодорожников Менделеево, названный так в честь всемирно известного ученого Дмитрия Ивановича Менделеева (1834—1907).

Поселку Менделеево немногим более 10 лет, но здесь возведены школа, детский сад, интернат, клуб, спортивный комплекс с бассейном, дома отдыха локомотивных бригад, общежитие, жилые дома...

И завод, и поселок Менделеево, и железная дорога, и крупнейший в стране строящийся Тобольский нефтехимический комплекс — это результат открытий в Западной Сибири месторождений нефти и газа. Создание нефтехимического комплекса именно в Тобольске символично: здесь родился Д. И. Менделеев.

В Тобольске чтят память своего замечательного земляка: в городе имеется памятник Менделееву, со-

хранилось четыре здания, где он бывал, его именем названы педагогический институт, улица и поселок.

Менделеев родился в городе Тобольске, но раннее его детство прошло в селе Аремзяны, что в 30 километрах от города, где его мать управляла небольшим стекольным заводом своих родственников. На заводе изготавливали хорошую посуду. Некоторые изделия сохранились до сих пор и экспонируются в местном краеведческом музее.

Мать ученого принадлежала к старинной купеческой фамилии Корнильевых, которые много сделали для распространения просвещения в Сибири, основали за Уралом печатное дело, издавали первый в Сибири журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

Отец ученого был учителем, а затем директором тобольской гимназии. Он умер в 1847 году, когда сыну исполнилось 13 лет. Могила отца — Ивана Павловича — находится на территории Завального кладбища в нагорной части города. Кладбище является филиалом Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Под охраной государства здесь находятся могилы семи декабристов, а также видных деятелей культуры — сибирского историка П. А. Слоцова, поэта П. П. Ершова, художника М. С. Знаменского, украинского писателя П. А. Грабовского и других. Надгробие на могиле И. П. Менделеева невелико по объему, выполнено из светлого серого мрамора. В этой же ограде находятся могилы родственников.

Здание гимназии, где учился в 1841—1849 годах Д. И. Менделеев, а несколько ранее его отец был директором, сохранилось. Оно находится на улице Розы Люксембург, 14. Сейчас в нем располагается городская поликлиника. Это одно

из самых старых зданий Тобольска, построенное еще в середине XVIII века. Двухэтажный каменный корпус строгих классических форм завершается фронтоном. Высокие прямоугольные окна верхнего этажа больше нижних. Первый этаж отделан скромной лепкой. В 1824 году дом значительно перестроили и удлиннили.

Здание гимназии является не только памятником архитектуры. Здесь бывал А. Н. Радищев, провел детские годы композитор А. А. Алябьев, позже, будучи в ссылке в родном городе, А. А. Алябьев создал симфонический оркестр и давал концерты в актовом зале гимназии. Квартиру отца Д. И. Менделеева в этом доме часто посещали ссыльные декабристы — Н. В. Барсегин, женатый на сестре Дмитрия Ивановича, М. А. Фомвизин, Н. А. Чижов. Наконец, в этой же гимназии преподавал П. П. Ершов и учились дети ссыльных декабристов.

В 1889 году в связи со 100-летием тобольской гимназии Д. И. Менделеев послал на родину приветствие, в котором говорил, что время, проведенное в гимназии, «время моего юношеского возраста вселило во мне на всю мою жизнь чувство наиболее благодарности сему старейшему в Сибири учебному заведению. Внутренние нам, бывшим того времени ученикам... научные познания... принесли неизгладимую на всю жизнь пользу, сохранив чрез это самые дорогие, самые отрадные воспоминания о тобольской гимназии».

Здание тобольской гимназии как памятник архитектуры и истории республиканского значения 30 августа 1960 года постановлением Совета Министров РСФСР было взято под государственную охрану.

Кроме этого дома, в Тобольске есть еще несколь-

ко зданий, где бывал Д. И. Менделеев.

В 1899 году во время поездки по Уралу Менделеев побывал и на родине. Остановился он в доме Корнилова (ныне улица Мира, 9). Здание построено в середине XIX века. Оно резко выделяется среди окружающих сооружений своей оригинальной архитектурой, затейливыми лепными украшениями. Балкон на фасаде украшен чугунной решеткой. Сейчас в доме находится Тобольское отделение Госбанка. Здание отлично сохранилось. На его фасаде две мемориальные доски. Одна рассказывает, что в 1919—1920 годах здесь размещался тобольский военно-революционный комитет, а на другой написано: «В этом доме останавливался Д. И. Менделеев во время посещения родного города летом 1899 года».

Посетил Менделеев и только что выстроенный губернский музей. Ныне в этом здании располагается Тобольский Дворец пионеров. В 1967 году перед ним был установлен памятник Д. И. Менделееву, выполненный выдающимся советским скульптором, народным художником СССР, лауреатом Государственной премии В. В. Лишевым.

Менделееву принадлежит не только открытие Периодического закона химических элементов. Он интересовался проблемами нефти, использованием ее химических и физических свойств, первым предложил транспортировать нефть по трубам, разработывал проекты промышленного развития Урала и Кузбасса, думал об освоении Северного морского пути...

И сбываются пророческие слова Д. И. Менделеева: «Наука давно перестала чуждаться жизни и написала на своем знамени: «Посев научный взойдет для жатвы народной».

Памятник Д. И. Менделееву

Так начинался крупнейший в стране нефтехимический комплекс

Тобольский драматический театр

Новый город. Вид из Тобольского кремля

Фото Николая ПЕРЕВЫШИНА. г. Свердловск

Заметают острые углы
Снегопад широким помелом.
Словно ватный, благостно оплыл
Берега скалистого излом.

Только сосны, как немой протест,
В зелени и меди молоды,
Да уходят из обжитых мест
По болоту трактора следы.

Да и речка катит подо льдом,
И скала хранит под снегом стать,
Набирая на реку углом,
Сколько бы его ни заметить.

Григорий ЛЬВОВ